

Современная проза

Виктор ЖИТИНКИН

ДОЛГАЯ ДОРОГА В НИКУДА

Повесть

В город N я приехал на поезде к сумеркам. Было пасмурно, да к тому же моросил дождь, поэтому я не смог да и не стал разглядывать этот, видимо неплохой, город. В памяти об этом дне очень четко отложилась одна вода: вода с небес, вода в море, вода на бульжной мостовой, вода, текущая за шиворот тонкими мерзкими ручейками.

Без труда найдя длинный зеленый забор, я прошел по его периметру и вышел к железным воротам с красными звездами. Сбоку от ворот приютилось маленькое серое строение, именуемое Контрольно-Пропускным Пунктом. Зайдя под крышу, я вытащил из внутреннего кармана командировочное предписание и протянул его вышедшему изнутри угрюмому прапорщику с красной повязкой на руке.

Тот снова вошел в помещение, вспыхнул свет, я последовал за ним и оказался в комнате с убогой обстановкой: топчан, стол и стул. На столе – телефон, на стене часы. Прапорщик долго водил носом вдоль строк на бумажке, оторвавшись, подумал, сделал неопределенную гримасу на лице, пожал плечами и, подавая бумажку обратно, заговорил:

– Извините, но об этой части я ничего не знаю. Приходили уже сегодня

ребята. И у всех вот эта самая часть напечатана.

– И что ты мне посоветуешь делать?

– А вы, товарищ лейтенант, шли бы в нашу гостиницу. Вон там, в жилом доме квартира №1, это и есть гостиница, – он указал на здание, расположенное метрах в пятидесяти от КПП по другую сторону бульжной мостовой. – Там вроде ни души сейчас нет, один солдат, который службу несет. Дайте ему пачку сигарет, до утра в тепле и уюте проведете время. Вот и все, что могу сказать. На ночь глядя, да в такую погоду, не советую продолжать искать эту часть, что на бумаге. И еще, скажу по секрету, ребята, что до вас были, все трое, как один, ну и здоровы. Вы тоже ничего, крепкий, кстати, чем-то занимаетесь, наверное?

– Подводным плаванием.

– То-то я смотрю, вы тоже накачаны, но те ребята мощнее. У нас в части нет таких здоровых и сильных людей. Тем шею человеку свернуть – делать нечего.

– Ладно! Разболтался я с тобой, а время-то идет. Пока!

Отойдя от ворот, я решил все же поискать нужную мне часть, но дождь шел не переставая, и поэтому, пройдя метров двести, вернулся и последовал

совету прапорщика, который продолжал смотреть мне вслед. Белое пятно его лица в темном окне пропало лишь тогда, когда я свернул к дому, где, по его словам, находилась гостиница.

Солдат, дневальный по гостинице, открыл дверь не сразу, зато ни разу не спросил, кто стучит и зачем. Просто взял и открыл, впустил меня, попросил сигарет, но даже не расстроился, узнав, что я некурящий, с удовольствием получив от меня пять марок на сигареты. Он открыл мне дверь в одну из комнат и предложил на выбор любую из кроватей. Через пару минут снова послышались его шаркающие шаги, он принес пару простыней с большими черными штампами и наволочку на подушку. Выполнив минимум дел по обеспечению меня отдыхом, он хотел было удалиться, но я остановил его, протянув то самое предписание. Солдату, оказалось, достаточно взглянуть на номер части, он тот час же вернул мне бумагу.

– Мало кто знает об этой части, разве что только наш командир, да я, – не без гордости заявил солдат. – Конечно, об этом следует молчать, но поскольку уж вы туда откомандированы, так и быть, расскажу.

Когда я расположился в постели, солдат ловко устроился на соседней кровати, сел, по-узбекски поджав под себя ноги. Он курил, не спрашивая разрешения, аккуратно стряхивал пепел в фарфоровую пепельницу, картинно постукивая указательным пальцем по сигарете.

Сначала он просто курил, о чем-то думал, усмехаясь и покачивая головой. Я не сводил с него глаз, наблюдая за каждым его движением, а он сделал вид, что не чувствует моего взгляда.

– Не строй из себя умника, солдат, – предупредил я дневального. – Если знаешь что, интересующее меня, – говори, а нет – спать будем. Устал я за день.

– Дело в том, товарищ лейтенант, что эта часть, она как будто бы и есть, но её на самом деле и нет совсем. Она только на бумаге под этим номером существует.

– Что ты мне чушь какую-то несешь: «Вроде как есть и вроде как нет», – передразнил я солдата, собираясь выпроводить его из комнаты. – Я должен служить в этой части, понимаешь! И твои «вроде как» меня не устраивают.

– Эта часть временная, она должна

что-то выполнить и исчезнуть. Теперь вам ясно?

– Не совсем.

– По крайней мере, так говорили нам командир и Черный полковник. Завтра в порту вы найдете этого полковника, он вам все объяснит, что вы должны будете делать. Крутой мужик, между прочим, этот полковник.

Я несколько минут лежал молча, обдумывал услышанное от солдата и все больше подозревал его в шизофрении. Ладно! Бог с ним, этим шизофреником. Будет день – будет пища, утром все уладится.

Я не заметил, как ушел солдат. Не слышал, как появился еще один приبلудившийся лейтенант, найдя приют в квартире №1.

Разбудил меня сильный стук во входную дверь. Полотно готово было слететь с петель, так стучать мог только очень сильный человек.

Солдат, чтобы не попасть под удар, вытянутой рукой повернул замок и позаячи отскочил от моментально распахнувшейся тяжелой двери. Дверь была открыта, но никто не входил. Дневальный в растерянности смотрел в открытый проем и постепенно, смешно вытянув длинную худую шею, поддвигался к двери. Когда его голова оказалась за косяком, что-то налетело на солдата, ноги его взметнулись вверх, раздался сдавленный крик, и наступила тишина.

Я лежал и сквозь чуть приоткрытые веки наблюдал за происходящим. С кровати в углу комнаты поднялся человек в одних плавках. Он сунул ноги в сапоги и направился к открытой двери, сонно бормоча:

– Черт те что творится. Солдат! Ты где?

Когда он вышел за дверь, послышалась возня, глухие, но сильные удары наносились не одной рукой, а значит, шла обоюдная борьба или драка. После каждого удара слышался характерный выдох с выкриком. Били, не щадя друг друга. Что-то мягко, но грузно упало, и стало тихо.

Такой поворот дела вовсе не входил в мои планы. Быть не только избитым, а может и убитым, не хотелось и страшило. Это в мирное-то время и среди своих, армейских. Не включая света, я быстро оделся, благо опыт был. Там, в училище, скотина-старшина дрессировал нас укладываться при подъеме или отбое: раздеваться или одеваться за

время, пока спичка горит. Чиркнет, бывало, спичкой и орет: «Отбой!» Не дай бог, пока она тлеет – не уложишься и не ляжешь в кровать...

Посмотрев по сторонам, в потемках я не нашел ничего, что могло бы послужить оружием в моих руках и впервые почувствовал себя совсем беззащитным.

Минутная тишина в коридоре за дверью закончилась громким пьяным смехом, который тоже внезапно смолк, и тут же наступила самая настоящая гробовая тишина. Я не находил себе места, не зная, что делать. Исчезли все, кто выходил за эту проклятую дверь. Появилась боязнь чего-то неизвестного и непонятного.

Но вот дверь открылась, и, слава богу, вошел совершенно целый человек в плавках.

– Не дали поспать, скоты... – то ли спросил, то ли посетовал он.

– Что происходит? – спросил я, немало успокоившись.

– Не обращай внимания. Друзья перепили немного. Я их сегодня в кафе, или как тут его гастшtedтом, что ли, называю, видел. Я раньше ушел, они остались. Вот и перепили ребята. Только я вроде уже встречался где-то с ними. Не припомню, где. А мне дали командировочное предписание странное. В часть, которой не существует.

– Не эта ли часть? – я вытащил и показал ему свое предписание.

Взглянув на листок, он ухмыльнулся и сказал:

– Значит, и тебе тоже искать эту часть придется.

– Так, может быть, я смогу наконец-то узнать, что происходит с нами? Что это за несуществующая часть?

Молодой человек между тем надел брюки, подошел ко мне и протянул руку. Вблизи я разглядел его, это было что-то: фигура атлета, мышцы бугрились на всем теле. Редкой силы, видимо, был этот юноша. Мне стало почему-то стыдно и обидно за себя.

– Давай познакомимся для начала, – сказал он. – лейтенант Астахов, а если просто, по-дружески, то Дмитрий.

Я назвал себя и подал ему руку. Он ее мягко пожал, но я успел почувствовать – случись что, вырвать ее из такого пожатия не смогу. Так вот о ком говорил мне прапорщик с красной повязкой на руке.

Я оглянулся на возню у дверей. Держась за косяк, там стоял пьяный до из-

неможения лейтенант, за ним тенью стоял еще один, точно такой же офицер, только еще пьянее.

Стоявший первым лейтенант обвел комнату мутным взглядом, остановился на Астахове, заулыбался во всю физиономию и спросил:

– Это ты, что ли, Астахов? Уж не Димка ли?

– Да, Дмитрий.

– Я это понял, когда ты завалил меня сейчас. Я думал, что некому меня тут так обидеть, а ты взял и обидел. А ты ведь этим броском у меня на «Вооруженке» выиграл. Вспомни Болгарию.

Наморщив лоб, Астахов что-то вспоминал, а, вспомнив, заулыбался и направился к дверям.

– Вовка! Николаев! Да быть не может! Черт побери. Как же я вас с Виталькой не узнал. Вообще-то да, злой я сегодня целый день, непогода, да неопределенность эта дурацкая. Вы тоже хороши! Зачем так напиваться нужно было? Когда я увидел вас в этом немецком кафе, тошно стало. Мелькнуло что-то знакомое в ваших перекошенных лицах, но окончательно я вас все же не узнал. Помню, вы все порывались ко мне подойти, да сил не хватало задницы свои оторвать от стульев. Чтобы не злить вас своим присутствием, я быстро ушел. Так, перекусил чуть-чуть.

– Мы с братом так и не смогли за целый день найти часть, в которую отписаны. Правда, брат?

Брат, которого, вероятно, и звали Виталий, стал уже немного приходить в себя и вникать в смысл происходящего. Он закивал, подтверждая слова, но продолжал держаться за брата.

– Ну что вы в дверях стоите? Заходите, да по кроватям. Где там солдат? Солдат? Где тебя черти носят?

Владимир Николаев, улыбаясь, приложил палец к своим губам и сказал:

– Тс-с! Он в туалете. Я его ненадолго там закрыл.

Находясь ближе всего к двери, и поскольку братья уже сидели на койках и стаскивали друг с друга мокрые сапоги, а Дмитрий лежал, я быстро прошел к туалету и вывел оттуда чуть живого от страха солдата.

– Я думал, что он меня убьет. Только за что? Что я плохого сделал? – солдатик дрожал, словно я его из холодильника вынул.

– У тебя что-нибудь болит? – Я внимательно осмотрел его и прощупал кости рук и ног. Мне ведь пришлось уви-

деть, как взметнулись и исчезли его ноги в дверном проеме, поэтому и боялся за здоровье солдата.

– Да нет, все цело. Только таких сильных людей я еще не встречал. Ведь он меня, как щенка, в туалете на очко посадил, да еще кулак под нос сунул, чтобы молчал. Ну, я и молчал, – продолжал жаловаться солдат.

– Ну, ладно, ты ведь солдат. Прости, пожалуйста, дяденьку. Просто у него шутка не получилась.

– Хороша шуточка! Чуть не убил, – продолжал ворчать солдат, но говорил он тихо, чтобы «этот», не дай бог, не услышал.

– Солдат, скажи-ка, как тебя зовут? Видишь, тезка мне, Вовка тоже. Давай будем друзьями, – Николаев протянул солдату руку, от которой тот шарахнулся было назад, но я легонько подтолкнул рядового к офицеру.

– Ты знаешь, дружище, у нас в борьбе, так бывает. Намнет кто-нибудь тебе бока на соревнованиях, так он потом лучшим другом становится. По крайней мере, уважать его начинаешь.

Я снова разделся, лег в остывающую постель и с интересом стал наблюдать за происходящим в комнате. Раздав белье, солдат ушел спать, братья разделись и теперь аккуратно развешивали мокрую одежду на стульях и спинках кроватей, чертыхаясь и кляня все на свете: и дождливую немецкую погоду, и собачью жизнь, и всё-всё-всё.

Наконец, и они легли, оставив включенным один светильник в дальнем углу комнаты. Некоторое время в помещении стояла тишина, но никто не спал. За окном однозвучно шуршал бесконечный дождь, не усиливаясь и не ослабевая.

– Володя, ты не спишь? – тихо спросил Астахов.

– Нет.

– Как хоть у вас служба, жизнь? Вижу, что поправились оба. Я вас в гастростедте не узнал даже!

– Не поправились, а опухли от постоянных пьянок, – поправил Дмитрия Володя Николаев.

– А что так?

– Да! Жизнь какая-то неправильная. И к чему нужно было лезть в это военное училище. Ну, ладно, спорт. Там все честно, справедливо. Накачался, оказался сильнее – набил морду противнику. Ты победитель, ты герой! Подкачал немного, слабее оказался – извини, друг, ты побежден, тебе набили. В

училище мы, по сути дела, не учились. Какие мы к черту офицеры, командиры, если с курса на курс без учебы переводили нас за счет силы, за счет побед на соревнованиях. В армии какими-то затычками служим. Витальку командиром взвода полигонной команды поставили, меня, и того хуже, командовать взводом регулировщиков. Ни перспективы, ни званий не светит, от силы «старшего» получу, и баста. Пройдет еще несколько лет, сил не будет с молодежью драться, спишут, и исчезнешь с арены бесследно и бесславно.

– Ну-ну! Брось-ка ты эти мысли, может, все не так и плохо. Нужны же мы стали сейчас? Вот для чего мы здесь? Значит, нам предстоит что-то сделать. И сделать это нужно с применением силы. Не случайно ведь собирают именно силовиков. Кстати, сегодня днем я в городе встретил целую группу офицеров, таких же, как и мы, молодых совсем, после училища. Но с ними я уже почти со всеми встречался, в том числе и на «Вооруженке». А один из них, Руслан кажется, татарин, помню, чуть башку мне не свернул. Тогда я только начинал еще в «люди», так сказать, выбиваться. Отделал он меня по полной программе. Боюсь я его с тех пор. Слава богу, больше судьба не сводила нас с ним на ковре, уверен, что проиграл бы ему. Воля железная у него, и руки, как рычаги, тоже железные.

– То-то, я думаю, как будто мы на сборы на «Вооруженку» здесь собрались. И мы встречались с ребятами. Кто вроде на лицо знаком, а кто и нет. Но ведь сразу видно, кто на что способен. Одним словом, если только это не соревнования какие-то, то в жизни я вообще ничего не соображаю, – поддержал разговор Николаев.

– Давай подождем до завтрашнего дня. Кстати, завтра мы должны быть в части.

– Нет, есть еще день.

– Значит, завтра еще пьем, – как будто издали послышался голос Виталия. Затем он громко икнул, рассмешился всех. Потом наступила тишина, послышалось все усиливающееся сопение, кто-то всхрапнул, успокоился, и крепкий сон овладел молодыми людьми.

Утро следующего дня ничуть не прибавило ясности в сложившейся обстановке. Никто больше не появлялся, ис-

чез даже дневальный по гостинице. Ну, его, конечно, можно было понять. Рядовой вчера вечером до такой степени был испуган, что не мудрено, если он прячется за одной из запертых дверей. Не век же будут обитать незваные гости, посягнувшие на его неприкосновенность и единоначалие на этой порученной ему командиром должности постоянного дневального гостиницы.

Офицеры проснулись от ярких бликов солнца на белых, крашенных мелом стенах комнаты. Не было слышно и шелеста бесконечных струй дождя.

– Во! Это уже кое-что! – воскликнул Володя Николаев, выведя из депрессии нежащихся в полудреме офицеров. Сам он прикрывал огромной ладонью от слепящего солнца свои глаза, обрамленные длинными черными ресницами. Почти копией его на соседней подушке жмурилось лицо Виталия.

Полежав так, еще минут пять, молодые люди повыскакивали из постелей и с удивлением обнаружили на спинках кроватей свежие махровые полотенца, а на тумбочках по куску «Земляничного» мыла.

– Чего угодно можно было ждать от нашего бравого Швейка, но такого...

– Так он же предчувствовал, что ты его все равно утром найдешь и вытрясешь все, что тебе нужно, – съязвил Астахов.

Смех коллег не изменил мрачной задумчивости, появившейся на лице у Владимира.

– Побриться бы еще, а то щетина, как проволока. Беда одна с ней. Перед подъемом, часов в шесть, побреюсь как следует, пару лезвий «Спутник» затрачу – на мою щетину одного не хватает. А на построении, в восемь часов, командир уже замечание мне делает: «Товарищ лейтенант! После развода что-бы побрились и доложили!»

Объясняя ему ситуацию – не верит. Ну, не могу же я через час бриться, так и кожу испортить можно.

– Не переживай, братец, пойдем лучше опохмелимся. И ничего, что с утра, к вечеру приведем себя в порядок. Завтра ведь, как-никак, на представление к новому командиру.

– Найти его еще нужно, – ответил Владимир.

– Не мы его, так он нас все равно найдет, если уж сильно нужны.

– Ладно. Идем все вместе, найдем где перекусить. Кстати, в районе желез-

нодорожного вокзала есть что-то наподобие парикмахерской, да там же, в «Митропе» и пожеем, – предложил Астахов, по очереди заглядывая в глаза своих коллег.

Никто не был против.

Володя постучал в одну из закрытых дверей, где он интуитивно почувствовал присутствие солдата:

– Дружище, мы уходим, следи за порядком. Да! Еще прошу, не оставляй в душе обиды на меня. Будь настоящим бойцом.

За дверь послышалось сопенье и возня. Дверь открылась, в проеме стоял солдат – дневальный, одетый по полной уставной форме и, даже, в пилотке. Он отдал честь офицерам, сказав:

– До свидания! Успехов вам!

Николаев оторопел и прошептал:

– Ну вот. Что я слышу! Слова не отрока, но мужа! Спасибо, солдат!

– А вы, если что, приходите переночевать. Мне командир приказал, чтобы всех, кто с предписанием в новую часть прибудет, я размещал в нашей гостинице и обеспечивал всем, даже туалетными принадлежностями, – подумав, он вздохнул. – Говорят, что очень трудное задание у вас будет.

Последние слова его глубоко закрепились в сердцах и умах приумолкших офицеров.

Парикмахерскую нашли быстро, она оказалась недалеко от зеленого забора войсковой части. Брадобрей был один, поэтому пришлось по очереди входить в маленькую, но уютную парикмахерскую, остальные оставались снаружи. Обслуженный офицер выходил из помещения распаренный, с розовым оттенком лица, блестел, как начищенный сапог и улыбался, довольный собой и всем миром.

И до вокзала идти, чтобы перекусить, не пришлось. Буквально через квартал в глаза бросилась размашистая вывеска «Гастштедте Штадт N». Было еще утро, гастштедт только открывался и проветривался от густой сигарной и пивной воню. Помещение, куда вошли офицеры, даже проветренное исходило такой крепкий дух, что перехватило дыхание, тем более что все четверо были некурящими.

– Может, что получше поищем? – предложил Астахов.

Однако знатоки гастштедтов, братья Николаевы, в один голос заявили:

– Ты думаешь, в других не так же?

Все они одним миром мазаны! С вечера до глубокой ночи Гансы смолят наперегонки свои сигары, да ведрами пиво cedят. Тут все стены насквозь пропитаны никотином и алкоголем. Думаем, что идти и искать еще чего-то не стоит. Принохаемся. Это – один запах. Он безвреден.

Действительно, через некоторое время дышать стало легче, а когда опрокинули по стопке водки, запив пивом, все запахи вдруг пропали, и жизнь стала интереснее и светлее.

Стало интересно буквально все: старинные столы и стулья, сделанные из массивного дерева; охотничьи трофеи, развешанные под потолком в два ряда, картинки на стенах, нарисованные детской рукой, и даже сама хозяйка гаштшедта, женщина лет сорока, не то чтобы красивая, но обаятельная и добрая.

Задорные искорки сверкнули в глазах Виталия Николаева. Он подошел к стойке, за которой копошилась обаятельная хозяйка гаштшедта, и, часто моргая и хлопая длинными черными ресницами, стал о чем-то тихо, но вдохновенно говорить ей. Выражение лица женщины стало меняться прямо на глазах. Пяти минут хватило, чтобы она из неприступной и принципиальной превратилась в добрую и сочувствующую.

– О чем болтали? – допивая пиво, спросил его брат, когда Виталий вернулся от стойки.

– Кушать скоро будет подано, – с загадочной улыбкой тихо сказал он.

– Да ну! Не верю! – Вырвалось у Дмитрия. Он смотрел то на одного, то на другого из братьев, желая понять, правда ли то, что можно будет утолить голод.

– Вполне может быть, – сказал Владимир. – Ему с детства кличку «Дипломат» друзья прилепили. Уговорит кого угодно. Да и после еще ни одна женщина ему не отказала. – Владимир говорил немного с иронией, чуточку с гордостью за брата, и все с улыбкой посмотрели на Виталия.

Вскоре, действительно, за перегордкой зашипело, забулькало; до стола, за которым сидели изрядно голодные офицеры, донеслись запахи жареного мясного, вызывая бурное выделение слюны.

Буквально через минуты перед каждым из них появились фарфоровые приборы с множеством ячеек, заполненных глазуньей с обжаренными колбасками,

салатом, жареным картофелем, соусами.

– Под такую-то закуску, да чтоб не выпить – великий грех! – вырвалось у кого-то.

Снова был сделан заказ на водку и пиво.

Зал, однако, стал потихоньку заполняться. В основном это были пожилые немцы, любители и ценители настоящего немецкого пива. Дым сигар коромыслом завис над их столами. Огарки будто приклеились к большим влажным губам и вынимались изо рта только тогда, когда владельцу этих губ хотелось сделать несколько глотков пива.

Наше внимание привлек огромный старик с обветренным лицом и скандинавской бородкой. Если бы не деревянная нога, не вмещавшаяся под столом и потому загораживающая полпрохода, его можно было бы принять за старого морского волка – капитана, лоцмана, шкипера или еще кого. О его ногу запинался всякий, проходящий по узкому проходу к свободным столикам, споткнувшийся чертыхался, чуть не упав, но, увидев, кто сидит, вежливо раскланивался и просил прощения у старика.

Старик делал огромные глотки пива. Все мрачнее и все злее становилось выражение его лица. Он смотрел в нашу сторону, а мне казалось, что он впялил свой взгляд в меня, не отводя его и не моргая, чем вызвал у меня необъяснимую тревогу и даже тоску по дому. Хотелось сбежать от этого взгляда. Мы продолжали сидеть за столом, шутили, болтали просто так, ни о чем. Огромный старый немец продолжал сверлить меня глазами. Я пытался не смотреть на него, но мои глаза сами искали встречи с его бешеным взглядом. Я не вынес такого испытания моих нервов и предложил друзьям уйти из гаштшедта, но они лишь зашипели на меня:

– Да сиди ты.

Старик продолжал гипнотизировать меня. Я чувствовал, что развязка произойдет с минуту на минуту. Так оно и вышло.

После очередной порции пива хромой немец что-то гортанно выкрикнул, привлекая внимание к себе всех, находящихся в зале, затем с трудом поднялся со стула и, не сводя глаз с меня, направился к нашему столу, громыхая деревянной ногой и стуча заостренной железной тростью. Назревал конфликт – это стали принимать и немцы в зале, и мы.

Он подошел к нашему столу и, указывая на меня пальцем без одной фаланги, рыча и брызгая слюной, выдавил из себя:

– Такой, как ты, стрелял в меня, и мне отрезали ногу.

– Где в тебя стреляли? – по-немецки спросил Виталий.

– Где, где? Под Сталинградом!

– Как ты туда попал? В гости ездил, да?

Немец после этих слов рассвирепел еще сильнее и, подняв трость, острым концом ткнул мне в грудь. Я ойкнул. Володя, под правой рукой у которого оказался старик, толкнул его в плечо. Когда тот, падая, хватался за что попало, лишь бы сохранить равновесие, офицер легко выдернул острую трость из руки хромого и, подождав, когда большое тело, ударившись головой об пол, замерло, бросил ее на живот упавшего, как бы поставив крест на деле.

Зал ухнул, послышался крик: «Полицай, полицай!»

Это был голос хозяйки; и она, в общем-то, всего лишь выполняла свои обязательства. Не хватало еще, чтобы в ее владениях совершилось преступление.

– Полицай, полицай! – эхом отозвалось на улице, кто-то подхватил крик хозяйки, вызывая полицейских в гастшtedт, так уж принято у этих немцев – моментально реагировать на клич о помощи.

– Ну, заварилась каша, – выдохнул Астахов.

Офицеры напряглись, хмель вышел из голов. В дверях гастшtedта появились двое полицейских – упитанные молодые ребята. Сидящие за столами немцы, которые находились рядом с входом, молчали, но своими глазами показывали на столик с советскими офицерами и на лежащего без движений на полу старика. Вид всего происходящего и произошедшего был не из приятных. Пахло преступлением, убийством, смертью.

Вслед за полицейскими в гастшtedт вошли советский офицер и двое солдат. Оглядевшись, офицер решительно направился к нашему столику, оставив солдат у входа.

Подойдя вплотную к столу, он отдал честь и представился:

– Старший помощник коменданта старший лейтенант Нестеренко! Ваши документы!

– С чего это ты нашими документа-

ми заинтересовался? – спокойно спросил Астахов, который уже заметил, как вздымается в сонном дыхании мощная грудь лежавшего хромого.

– Здесь совершенно убийство, – взвизгнул представитель комендатуры. – Почему вы мне тыкаете?!

– К самому Богу обращаются на «ты», а тебя я должен на «вы» возвеличивать, прыщ поганый, – вскипел Николаев Владимир.

Снизу раздался храп спящего человека.

Оценив обстановку, помощник коменданта сник и скромно поинтересовался, кто мы и откуда.

– Ну вот, с этого и нужно было начинать, – успокоился Николаев. – Давай-ка, дружище, объясни, куда мы должны отправиться вот по этому предписанию.

Он подал листок, старший лейтенант взглянул на него, извинился и скромно спросил:

– А с этим что произошло?

Астахов вкратце пересказал о выходе хромого, я расстегнул мундир и, приподняв рубашку, показал кровоточащую рану на груди, оставленную стариком.

Немцы, находившиеся в зале гастшtedта, спешно допивали пиво и один за другим выскакивали в двери, обходя полицейских.

Скоро помещение опустело, лишь клубы сигарного дыма кое-где продолжали витать над столами, и на полу, недалеко от стола, где сидели мы, раскинув руки, крепко спал немец с деревянной ногой, раненый под Сталинградом в годы войны.

Полицейские, поняв ситуацию, ушли, оставив пьяное тело на попечительство подошедшей краснойлицей жены одноногого старика. Они были довольны тем, что эти слишком «простые» русские не возбудили никакого дела против выходки хромого, простив ему даже визит к Сталинграду.

– Не знаю, что вас ждет, но завтра вы должны собраться в порту, – стал объяснять нам офицер из комендатуры. – Есть там полковник один, «Черным полковником» его почему-то зовут в народе. Ходят слухи, что он вечный человек: сослуживец его однажды случайно встретился с ним и был очень удивлен, что полковник несколько не изменился, хотя прошло лет двадцать. Сам-то сослуживец на пенсии уже, а полковник и тогда уже был старым.

Правда это, или врут люди, не знаю, но сами увидите полковника в деле и поймете, что он просто уникален. Порт большой, но вас будут встречать «люди» и сопровождать в нужное место к этому самому полковнику. Он знает все. Удачи вам, товарищи офицеры!

Такое изменение в поведении старшего лейтенанта, вызванное лишь тем, что нам дано предписание в эту загадочную часть, шевельнуло души и дало повод еще раз задуматься.

Гастштедт был пуст, а хозяйка смотрела на нас с укором и молчаливой мольбой поскорее покинуть ее заведение.

Мы рассчитались и ушли, унося с собой все ее беды сегодняшнего дня. Таким образом, при стечении ряда обстоятельств мы оказались «без вины виноватыми».

Выйдя из гастштедта и посоветовавшись, мы распланировали наше оставшееся время, а пока же решили просто погулять по городу и осмотреть его, если такое возможно, поскольку город довольно крупный.

Мы бродили по мощеным улицам мимо зданий и строений, столь непривычных нашему русскому взгляду, разглядывали площади, обрамленные высокими готическими зданиями ратуш и церковей, останавливались около средневековых памятников. Другие люди, другая культура, другие взгляды на жизнь. Но никто из нас не знал еще в этот день, что нам суждено покинуть этот райский уголок в самое ближайшее время.

Утреннее происшествие в гастштедте «Штадт N...» имело и положительную сторону. Оно встряхнуло и привело в чувства анархические настроения братьев Николаевых, заставило глубоко задуматься над своим теперешним состоянием души всех четверых офицеров. Предчувствие чего-то большего и сложного складывалось из многих мельчайших деталей и фактов, которые, собравшись вместе, создавали необъяснимую тревогу и волнение.

Мы вдоволь набродились по городу, несколько раз заходили в гастштедты, перекусывали жареными на углях сосисками прямо на улице. Нам подавали на картонной тарелочке пару горячих сосисок, маленькую булочку и неострый, кисловатый на вкус горчичный соус. Запивали мы пивом из маленьких пузатых бутылок из соседнего киоска.

Так что в течение дня мы успели не только увидеть «иноземный город», но и вкусить почти все прелести жизни в нем. Здорово, ей-богу, здорово! Мы, конечно, понимали, что вся эта свобода и вся эта благодать – явления временные, что завтра нам предстоит неведь что, но думать о завтрашнем дне не хотелось, на душе уже скребли кошки.

Подходил вечер, все приустиало и, присев на скамейку в парке, почти одновременно заговорили о ночлежке.

– Поскольку идти нам все равно некуда, предлагаю переночевать еще раз там же в гостинице части, – предложил Астахов.

– Куда же больше идти? Хорошо, что это есть.

– Все не на вокзале ночь скоротаем.

– Говорят, отсюда до порта недалеко. Может, спросим, как туда попасть, да сходим? Завтра проще будет найти, – предложил я.

На этом сошлись все. Тут только мы обратили внимание на то, что город опустел, транспорт стал редок, так же как и одиночные прохожие, будто срочно разбегающиеся по домам. С шумом закрывались деревянные рольставни на окна жилых домов. С трудом перехватив спешащего прохожего немца, мы узнали от него путь к причалу, который, по его словам, представлял расстояние примерно в полтора километра и, не спеша, чтобы не устать совсем, отправились в указанном направлении. С моря несло свежестью, рыбой и соляровкой. Электрически шумели краны, слышались гортанные крики стропальщиков. Вспыхнули яркие прожекторы, осветившие погрузочные площадки, на которых одновременно загружались и разгружались несколько кораблей.

Прямо на причал выходила железная дорога, на которой стояли составы. Они подставляли один за другим свои вагоны и платформы для загрузки или, наоборот, для выгрузки чего-то, упакованного в тюки и уложенного на большие поддоны. Зависая в воздухе, проплывали огромные контейнеры. Тросы кранов почти не видны на темном ночном небе. Особенно потемнело оно после того, как включились ослепительно яркие прожекторы.

– День и ночь, видимо, у них такой переполох, – вслух подумал я.

– Да, не позавидуешь такой работе, – оценил Виталий.

– Зато живут как люди. Отработал смену – и домой, к семье, к детям. Да и деньги неплохие, наверное, получают, – обобщил Дима Астахов.

После этого короткого разговора на наши уставшие тела навалилась незримая сила, которая взяла за горло каждого из нас и превратила взрослых военных людей в маленьких детей. Этой силой была тоска. Тоска по дому, вольности, беззаботному детству, тоска по матери, по родным, по всему тому, что было оставлено, но не забыто, всего какие-то четыре года назад.

– Много бы отдал, чтобы попасть вон в тот отходящий корабль и завтра уже быть в моем родном Питере. Тут ведь совсем недалеко, но как далеко! – даже Астахов стал сентиментальным.

– Ладно, хватит расслабляться, пора к нашему местечку, – мое терпение начинало кончаться. – Нам километра три шлепать придется.

– Ничего, полчаса ходьбы.

Мы поднялись с остывающего от мокрой прохлады парапета и пошли вдоль порта.

– Мужики! – я остановил окриком всех. – Если мне не померещилось, я видел танк. Он шел к воде. Вон там, в конце, в самом конце.

– Да брось ты. Откуда им быть здесь?

– Я тоже вижу, – поддержал меня Виталий. – Там уже два танка, вон они ползут к воде.

– Не наша ли это часть? Что-то екнуло у меня в груди, – заявил Владимир Николаев.

Не сговариваясь, мы ускорили шаг. Откровенно говоря, мы волновались. Возможно, что это наша часть, наш дом родной.

Сейчас мы похожи на бомжей, ничьи, и нет у нас постоянного пристанища. Мы – люди без дома, без забот и без всяких перспектив. Без дел, без руководства, мы – никому не нужные люди, при всем при этом – люди военные. От того-то мы и ускорили шаг, надеясь найти то самое пристанище, ту самую воинскую часть, записанную в наших предписаниях и руководимую неведомым нам доселе, почти мифическим военным, Черным полковником.

Пока мы добрались до крайнего причала, сумерки почти полностью сменились темнотой ночи. Только где-то высоко-высоко в небе светились золотым цветом два маленьких облачка. Луна хитро частью своего диска выглядыва-

ла из-за тучи далеко за городом и светила на землю не ярче, чем лампада на икону в переднем углу дома православного христианина. Звезды над головой сверкали ярко, но бессмысленно.

С места, где мы остановились, даже в темноте было хорошо видно, как подходящие по одному танки исчезали в чреве большого грузового корабля. Вот из-за портового строения вынырнул очередной танк. Нам показалось, что он слишком ретиво выскочил с грунта на бетон причала при переезде через рельсы, где были брошены большущие трапы из толстых досок. Сидящий по-ходному механик дал слишком много гари; трапы вырвались из-под танка, и металл гусениц резанул по металлу рельс, выбросив пучок искр, как из большой зажигалки.

Раздался зычный голос человека в плаще, стоящего в пятидесяти метрах от нас и наблюдавшего за погрузкой:

– Ко мне механика!

Двое из темноты бросились выполнять приказание неизвестного. Танк остановился сразу после переезда.

– Стыдно! Был бы рядовой, а то целый лейтенант разыгрался, как мальчишка! Трапы уложить немедленно и собственноручно, чтобы знал, где можно пошутить, а где нужно быть предельно собранным.

– Да! – вырвалось у Астахова. – Суровый дядька!

– Может быть, он и есть Черный полковник.

– Подойдем поближе. Только при нем ни слова о «Черном», – предусмотрительно сказал я.

– Стой. Кто такие? – двое из темноты с автоматами с двух сторон приблизились к нам.

– Ну вот, опять началось, – проворчал Володя.

– Мы ищем воинскую часть номер «Х».

– Минутку! Один из вооруженных людей торопливо подошел к темной фигуре, о чем-то переговорил и вскоре вернулся.

– Товарищи офицеры, пройдите к полковнику.

– Не с того начали, товарищи офицеры. Что за дебош устроили в гостинице? – начал он, сразу испортив нам настроение. – Вам афишироваться сейчас совсем нельзя, а вы к себе привлекаете внимание большого количества немцев, – он замолчал, сморщил

лоб, думая. – Ладно, перейдем к делу. Погрузку производим без вас. Я многих отослал, незачем здесь толкаться. Вам следует завтра прибыть сюда ровно в полдень, то есть в двенадцать часов дня. За опоздание или неприбытие – строжайшее наказание. Все подробности – по ходу развития событий. Я – полковник Грохотов, командир вашей Команды. Теперь на отдых, марш!

Без всяких вопросов, мы, все четверо, внимательно выслушали его и, подчиняясь последним словам полковника Грохотова, развернулись и минут через тридцать были на подходе к гостинице. Издали было видно, что гостиница не пустовала, ярко светились окна, на занавесках вырисовывались тени людей, они исчезали и появлялись вновь.

– Ну вот, добродились, не пришлось бы ночевать у порога на коврик, – ворчал Владимир.

Вошли без стука, дверь не была заперта. Навстречу нам вышел солдат – дневальный по гостинице. Он заулыбался нам, как старым знакомым, и поспешил обрадовать:

– Я знал, что вам некуда больше идти, поэтому ваши кровати остались за вами. Я всех предупредил об этом.

– Молодец! Хвалю за службу! – нарочно громко и с небольшим юмором, но от души сказал ему лейтенант Владимир Николаев.

Солдат вытянулся, восприняв все это всерьез, приложил руку к пилотке и четко произнес:

– Служу Советскому Союзу!

Улыбки исчезли с лиц офицеров. Возможно, это была первая благодарность, которую получил солдат, а превращать этот ритуал в шутку ни у одного из присутствующих не было желания. Все произошло на довольно серьезном уровне.

Владимир пожал солдату руку, покрутив ее в своей огромной ладони, и сказал:

– Будь я твоим командиром, сделал бы из тебя отличного спортсмена, у тебя есть все задатки для этого.

– Я сам буду качаться, знаю даже, где гантели можно взять. Я вам обещаю, что когда вы вернетесь из похода... – Тут он осекся, поняв, что сказал что-то лишнее.

Ох уж, этот поход! Это слово серпом резануло по совсем еще юным сердцам офицеров.

Солдат, виновно хлопая ресницами, все же закончил начатую фразу:

– ...я буду сильным, таким, как вы!

На двух свободных кроватях в нашей комнате уже лежали в полудреме двое ребят, на спинках кроватей висела их новенькая военная форма. Все понятно без вопросов и объяснений, и эти молодые лейтенанты прибыли сюда с той же целью, что и мы.

Увидев четырех вошедших офицеров, они хотели было подняться, но Астахов успел их предупредить:

– Спице, спице, ребята. Отдыхать пора, время позднее, а завтра нам предстоит... ну, много, что предстоит нам завтра. Познакомимся утром, а пока – спать, спать, спать.

Намотавшись за день, мы, уставшие и все еще взволнованные, долго ворочались в своих постелях, скрипя кроватями, и только далеко за полночь глубокое и размеренное дыхание спящих молодых людей стало единственным звуком, нарушавшим абсолютную тишину шестиместной комнаты гостиницы. Угомонились и в других двух комнатах.

Солдат, заперев входные двери, подготовил себе импровизированную постель прямо на полу в кухне и залез с головой под теплое шерстяное одеяло.

Первые лучи восходящего солнца только чуть коснулись белых стен нашей комнаты в гостинице, как я открыл глаза. Молодое здоровое тело успело отдохнуть, но в голове творилось что-то невообразимое. Неясность нашего положения и обстановка вокруг какого-то «похода» волновали душу и будоражили кровь.

Я не видел себе места в этой создавшейся обстановке.

С другой стороны, конкретности еще никто не вносил, никто не ставил никаких задач, и поэтому не следовало бы раньше времени загонять себя в угол, накручивая в голове всякую ерунду. И вот, здравые рассуждения помогли мне избавиться от дурных мыслей, и когда я поднялся с постели и направился к умывальнику, настроение заметно улучшилось. Я стал мурлыкать популярную песенку, чем обратил на себя внимание моих коллег.

– Что, сон хороший приснился? Женщины, наверное, снились? – это мне адресовал Володя Николаев.

– Снились, снились, – с усмешкой, беспечно ответил я.

– Завидую. А мне одна ерунда снится. Проснешься – и сна не помнишь, а настроение ужасное. Значит, и сон плохой был.

– Давайте, мужики, поднимемся пораньше, – предложил Астахов. – Народу много, проваляемся в постели, помыться не придется. А нам надо как минимум: первое – побриться, я думаю, в той же цирюльне; второе – хорошенько поесть, когда еще придется обедать, в-третьих – взять вещи из камеры хранения на вокзале. Все это надо успеть до полудня, в том числе добраться до порта.

После его слов последовало оживление, и тут же образовалась очередь в туалет и в умывальник. На все ушли минуты, и мы, четыре офицера, покинули гостиницу с ее добрым сторожем-солдатом раньше, чем в соседних комнатах проснулись наши будущие сослуживцы, такие же молодые, как и мы.

Выйдя из гостиницы, мы проделали тот же путь, что и вчера – побрились и даже подобрали волосы у одинокого немца-парикмахера, лишь хозяйка гостштедта отказала нам в приеме, злясь на нас за вчерашний скандал. Пришлось идти сразу на вокзал. «Митропа» – привокзальный ресторан – радушно встретил нас. Мы быстро, довольно дешево, но плотно позавтракали и направились к камере хранения. К нам у самого окна выдачи подошел военный и, поздоровавшись, передал приказ полковника Грохотова оставить все наши вещи в камере хранения, сдать квитанции, поскольку вещи будут получены и доставлены туда, куда надо, централизовано. Это даже порадовало нас, с этими баулами и гигантскими чемоданами, именованными в шутку «Гросс Германия», мы бы ужасно намучились и, возможно, просто опоздали бы к назначенному времени.

– Что ни делается, все к лучшему, – сказал я, и мы, не торопясь, направились в сторону морского порта. Шли, изменяя вчерашний маршрут. Проходили совсем по другим улицам, чтобы увидеть как можно больше нового, останавливались буквально около каждой витрины магазинов, благо времени оставалось еще много. Впитывали в себя все увиденное, придется ли вернуться в этот красивый старинный город. О предстоящей службе старались не думать.

Погода стояла изумительная. Солнце светило не знойно, не жарко, а лишь

ласково касалось открытых частей тела. Этому сопутствовал прохладный приморский ветерок, который не только охлаждал солнечные лучи, но и разгонял смог от большого количества движущегося по улицам города транспорта.

Время неумоимо шло, и до середины дня оставалось не так уж и много. Мимо проехала машина с красными звездами на дверках и, тормозя, прижалась к тротуару невдалеке от нас. Из машины выскочил вчерашний старший лейтенант из комендатуры и, улыбаясь нам, как очень старым и хорошим знакомым, пригласил нас сесть в машину.

– Вы что же это, знаете даже, куда мы идем? Кстати, не вы ли заложили нас Черному полковнику насчет инцидента в гостштедте? – съязвил Астахов.

– Почему заложил? – улыбка спала с лица офицера. – Я выполнил свой долг. Мне комендантом гарнизона поручено всестороннее содействие полковнику Грохотову в его организационных мероприятиях, а штучки, подобные вчерашним, могли поставить под удар выполнение боевой задачи. Поэтому я должен был сообщить все, что, с кем, когда и где происходило. Кстати, в другой группе офицеров инцидент был более серьезным. Я доложил о вас и о тех. Мое дело доложить, а какие выводы сделает полковник, это уже не мое дело.

Потеснившись, мы уселись в машину и в считанные минуты были в порту. У причала стояло советское транспортное судно, загруженное до предела, морская вода плескалась у самой ватерлинии.

Машина въехала прямо в ворота огромного склада. У въезда с левой стороны прямо внутри помещения стояла большая военная палатка с окнами, внутри которой горел свет. Всю дальнюю часть помещения занимали двухъярусные кровати, стоявшие ровными рядами, заправленные и накрытые темно-синими армейскими одеялами.

На некоторых кроватях отдыхали люди, около других копошились военные, это были такие же офицеры, как и мы. Не зная, что делать, я со своими коллегами, уже друзьями, вошел в командирскую палатку и, подойдя к столу, за которым работал Черный полковник, доложил о своем прибытии.

Полковник был лаконичен и краток:

– Хорошо. Отыщите офицера с красной повязкой и выполните все, что, он вам скажет.

Искать не пришлось, военный с повязкой сам подошел к нам и посоветовал занять кровати, поскольку есть возможность поспать или просто отдохнуть лежа. Дополнительно будет объявлено о получении специальной одежды и всего того, что нам будет необходимо иметь.

Все так и было. В новой униформе мы стали неузнаваемы. Одежду примеряли и подбирали очень тщательно. Она сидела на всех не хуже, чем сшитая на заказ военная униформа. На новой форме на погонах не было никаких знаков различия, да и вообще, вся она выглядела как красивая спецовка рабочих на производстве. Стального цвета комбинезон и заправленная в него рубашка черного цвета с пристегивающимися погонами. Для головы выдали непривычный для нас головной убор – берет черного цвета, а на ноги мы надели столь же непривычные, высокие черные ботинки. Вообще-то, форма нам понравилась, она раскрепощала и неплохо выглядела.

Машина старшего лейтенанта без конца сновала в сторону вокзала, перехватывая все новые и новые группы офицеров и подвозя их в пакгауз. Среди одной из групп Астахов заметил того самого Руслана Шакирова, тот его тоже, но оба сделали вид, что абсолютно не знают друг друга. Конечно, этот татарин мог и не вспомнить Астахова, молодого бычка, которого он потрепал на соревнованиях. Ведь для достижения победы в то время ему пришлось уложить многих русских – русских и здоровых ребят. Но для Астахова он был и остался источником внутреннего страха.

Ближе к вечеру объявили общее построение. Построились в две шеренги, но не хватало пространства, построились в три. Я про себя отметил, что нас здесь очень много, число офицеров гораздо превосходит штатное количество офицеров мотострелкового полка. Больше всего удивило то, что, кроме молодых лейтенантов, в строю не было ни одного прапорщика, ни тем более солдата или сержанта.

Полковник был краток:

– Товарищи офицеры! Богатыри, дети мои, – чисто по-суворовски начал он. – Родина дала нам Боевой Приказ, который мы обязаны выполнить. Выпол-

нить, во что бы то ни стало. Словом, Родина, ждет от нас подвига.

От таких слов мурашки пробежали по телу замерших в строю молодых парней.

Полковник держал в руках какие-то бумаги, куда периодически заглядывал, но прочесть из них что-то важное для нас так и не решился. Он свернул бумаги рулончиком, засунул во внутренний карман куртки и с облегчением скомкано закончил построение словами:

– Туалеты здесь есть. Обед и ужин будут вовремя. Посадка на корабль будет производиться скрытно, в ночное время, без освещения и огней. Поэтому попрошу проявить всю собранность и соблюдать абсолютную тишину. Выход в город строжайше запрещен. Всем необходимым вы будете обеспечены на судне. Сведения о нашем назначении и путях следования к месту выполнения задачи вы получите по ходу движения. Будьте уверены, времени на это у нас будет в избытке.

Ну, вот и кончилась наша бомжевская жизнь.

Теперь мы при деле. Но при каком? Этого еще никто не знал, разве только Черный полковник.

В два часа ночи мы впервые вошли во чрево корабля, на котором должны будем совершить «круиз» в неведомое, в никуда.

С собой захватили только то, что получили в пакгаузе, но и этого было достаточно – большие увесистые сумки гнули даже накачанные молодые тела ребят.

Импровизированные каюты проглотили всю команду. Мне очень не повезло. Каюты были трехместными, и поэтому я уступил братьям Николаевым и Астахову, перейдя в каюту, находящуюся на другой стороне корабля.

Мне до слез не хотелось уходить от своих друзей, но перед моим уходом на новое место ребята заверили меня, что мы, все четверо, навсегда остаемся друзьями и все свободное время будем проводить вместе.

Конечно же, это меня приободрило, тем более что все мы были в одной общей Команде. В той каюте, на другом конце корабля, тоже люди, ровесники или почти ровесники мне, с которыми предстояло находиться вместе и тем более – вместе выполнять общую боевую задачу.

По ранее оговоренному сигналу мы

вышли на общее построение. Тройки офицеров, поселившихся вместе, полковник посчитал наиболее подобранными коллективами и, не ломая самоуправно их состав, назвал эти тройки танковыми экипажами, опять же предоставив право решить самостоятельно, кто из членов экипажей займет ту или иную должность.

С одной стороны, это все выглядело даже не совсем по-армейски, полковником Грохотовым была предоставлена нам слишком большая демократия. С другой – нет ничего более унижительного для офицера, чем назначение его в любое время и при любой обстановке на солдатскую должность.

– Что, солдат в нашей Армии не хватает? – бурчал кто-то из строя. – Офицеры стали заложниками дурной политики!

– Лучше молчите! Разберемся вместе, где заложники, а где воины, призванные выполнять Боевой Приказ, – быстро среагировал полковник Грохотов. Однако и этой реакции не хватило на то, чтобы это ворчание из строя осталось незамеченным для офицеров службы внутренней безопасности. Удивительное дело, но даже среди офицеров команды они имели своих людей, будем говорить, осведомителей.

Сам Грохотов не знал, да и знать не хотел, кто это сказал. Уж он-то чувствовал, что именно сейчас будет происходить ломка характеров молодых офицеров. Но нельзя допустить, чтобы эти характеры были сломаны совсем, нельзя допустить, чтобы эти ребята были превращены в безвольных безропотных людишек, в стадо баранов, боящихся чьего-то грубого окрика. Нужно, чтобы каждый из этих ребят знал обстановку, чтобы каждый прочувствовал необходимость этого большого мероприятия и, поняв все, по собственным убеждениям стремился выполнить Боевой Приказ, не гнушаясь никакой должностью, ни местом в строю.

Однако «ворчуном» офицеры службы уже занялись. Чаша весов склонялась не в пользу лейтенанта, и только личное вмешательство полковника Грохотова избавило его от списания на берег с заменой, служба с трудом пошла на компромисс, оставив за собой право выполнить экзекуции в отношении этого офицера при малейшей его оплошности. Много сил пришлось потратить полковнику, чтобы убедить их оставить молодого лейтенанта.

– Молоды они еще совсем, – пытался разжалобить офицеров службы внутренней безопасности полковник. – Ведь всем людям присуще ошибаться, да и мысли дурные приходят всем, только умные люди не говорят их вслух. А эти мальчишки – глупыши еще по жизни, да и не видели они еще ее, эту жизнь-то.

– Товарищ полковник! Не унижайтесь ради меня перед этими! – вспыхнул вдруг лейтенант. – Не смогут они со мной ничего сделать. Никакого Приказа я еще не получал, тем более Боевого. Так что, извините. Товарищ полковник, разрешите идти? – приложив руку к берету, спросил лейтенант.

Оторопевший полковник машинально кивнул. Офицер направился к выходу. Два офицера службы внутренней безопасности, выскочив из-за стола, повисли у него на руках. Только сила силу ломит. Не стоило большого труда уложить обоих офицеров на пол. Однако защелкали предохранители и затворы ПМов.

Лейтенант повернулся и, без тени страха, глядя в черные отверстия стволов оружия, направленного на него, громко и уверенно сказал:

– Вы подумайте, что с вами будет, если хотя бы один из вас выстрелит в меня? Подумайте! Сами, наверное, подбирали боевиков и знаете потому, на что способен каждый офицер на корабле. Поберегите свои кости, товарищи офицеры, – он вышел из кабинета командира, где происходило судилище.

Не меньше минуты прошло в молчании.

– Спрячьте свои пушки, товарищи офицеры, а то перестреляете еще друг друга. Ну, а насчет того, что сказал вам в сердцах лейтенант, так доложу вам, что сказал-то он правильно. Дотянули мы до того, что скоро вообще все они будут посылать вас, да и меня в придачу, куда подальше. Нужно немедленно довести Боевой Приказ до каждого офицера. Послушался я вас, да сейчас жалею. Нужно сразу было, еще там, на берегу зачитать Боевой Приказ, да разъяснить молодежи, что мы идем на задание с риском для жизни. Да, я бы еще порекомендовал вам, ребяташки, реже хвататься за оружие, а лучше вообще не носить его. Контингент у нас сильный и гордый. Они не терпели поражений в единоборствах, не потерпят и сейчас любое насилие, перетрут любого обидчика.

Красные лица офицеров службы внутренней безопасности, их тяжелое дыхание и мечущие молнии глаза говорили о том, как горько они перенесли пиллюлю от какого-то лейтенанта, четыре года назад оторвавшегося от мамкиной юбки.

– Мы не должны оставить этого выскочку безнаказанным, – упорно настаивал майор. – Нам необходимо сообщить об инциденте нашему шефу. Лейтенант должен быть наказан!

– Успокойтесь! В вас сейчас дерьмо закипело. Нужно признаться перед собой, что мы не правы, исправить положение можно лишь доведением Боевого Приказа и боевой подготовкой в полную силу. Сообщив о происшествии своему шефу, да и какое же это происшествие, если путем разобраться, вы будете обязаны вскрыть и свои ошибки. Я думаю, вас за это по головке не поглядят. Так что, давайте начнем все сначала и впредь не будем допускать подобных ошибок. С Командой шутки не пройдут. Помните, что каждый из них идет на смерть и терять им совершенно нечего, – завершил полковник, при этом подняв сжатую в кулак руку с торчащим вверх указательным пальцем.

Двое из службы внутренней безопасности неотрывно смотрели на этот завораживающий их палец. В душе они уже поняли, что допустили крамолу, и сознаваться в этом им так не хотелось, но пришлось. На этом и поладили.

Корабль между тем отошел от причала и, тяжело маневрируя, вышел в открытое море. Ну, а о том, куда взяло курс наше судно, пожалуй, не знал никто кроме командира – полковника Грохотова, да офицеров службы внутренней безопасности, которые знали все. Ропот недовольства незнанием обстановки пронесся по каютам корабля. Он и подтолкнул командира к действию. По сигналу командира Команда выступила.

Полковник заговорил:

– Товарищи офицеры! Сыны мои и друзья мои. Я собрал вас здесь для того, чтобы зачитать Боевой Приказ, выполнение которого мы начали с погрузки техники. Поймите меня, мне, как вашему отцу, очень трудно было сказать там, еще на берегу, что мы идем на задание Родины, связанное с риском для жизни, и я сам веду вас на этот риск. Не всем офицерам достается такая доля, но нам ее придется испытать. Слушайте Боевой Приказ...

Все, что было сказано в Приказе, касалось только части задания. Конечно же, мы догадывались, что предстоит совершить большой и длинный круиз, если только можно так назвать предстоящее плавание. Даже ходили слухи, что мы идем куда-то на юг, и они подтвердились Приказом.

Доведение Боевого Приказа и разъяснение обстановки успокоило Команду и дало повод для размышления. Правда, и размышлять-то было совсем некогда. Тренировки с посадкой и высадкой экипажа в танк приводили в исполнение. Но нам, штатным военным, хорошо известно, что быстрота и точность выполнения нормативов нужна для того, чтобы экипаж боевой машины, действуя подсознательно и запрограммировано, как зомби, в любой обстановке мог опередить реального противника и, подготовив себя и машину к сражению за жизнь, мог первым нанести удар, обеспечив себе победу. Если выразиться коротко – кто быстрее, тот и победитель. Суворовские «быстрота и натиск» уже засели в печенках у всей Команды, но это надо, без этого нельзя.

Кроме того, дисциплина и порядок служили неотъемлемым атрибутом всех занятий нашей «трюмной» жизни. А трюмной потому, что там, наверху на палубе корабля, могли находиться и нести службу люди только гражданские, попросту говоря – штатный экипаж.

Мы, члены Команды, не особо испытывали недостаток свежего воздуха или дневного света. Морской воздух нагнетался в трюм мощными насосами, а яркие светильники затопили почти солнечным светом всю емкость внутри корабля.

Конечно же, замкнутое пространство давило, но опыт экипажей наших подводных лодок, переносивших кругосветные путешествия без выхода на поверхность, длившиеся несколько месяцев, вполне нас успокаивал. Тем более что здесь, в трюме корабля, у нас был свой спортивный зал, где постоянно в течение дня на кожаных матах «кувыркались» полуголые офицеры, отрабатывая приемы боевых единоборств.

В новой форме бойцы вовсе не были похожи на наших офицеров, и поэтому в обиходе стали чаще звучать простые русские слова: «мужики», «парни» или звали друг друга по именам.

Кстати, одним из членов нашего экипажа был тот самый Руслан, который

был и оставался занозой в мозгу моего друга Димы Астахова. По-моему – неплохой мужик. Встретил очень приветливо и добродушно, когда я, расстроенный расставанием с друзьями, впервые появился в этой каюте. Он дал мне право выбрать себе спальное место. Фамилия его была Шакиров. Другим членом экипажа был простой сибирский парень, родом из деревни, тракторист Иван Иванович, за ним так, почему-то, и закрепилось это полное русское имя, которое сначала звучало нелепо, но затем все привыкли, всё встало на свои места. Наши коллеги из других экипажей да и сам полковник стали так же, как и мы, называть его, нашего добродушного увальня, Иваном Ивановичем. Фамилия его просто-напросто не называлась, оттого со временем забылась.

Вот и Балтика осталась позади, дни летели незаметно. Из трюма корабля трудно представить себе, что происходит там, наверху. Находясь в трюме, легко сбиться со счета, сколько дней мы в пути, а поутру, даже глядя на часы, не всегда и сообразишь, уже утро или еще только вечер.

Все без исключения ребята из Команды построились, стали подтянутыми. Как-то, встретив братьев Николаевых, я был удивлен их внешним видом. Пьяная опухоль спала с их лиц, а четко вырисованные глаза, обрамленные длинными черными ресницами, стали бы завистью многих красавиц. Увидев меня, оба заулыбались, крепко пожали мне руку. Виталий, человек более сентиментальный, чем его брат, обнял меня и, похлопав по спине широкой теплой ладонью, спросил:

– Ну, что? Как дела, дружище? Осваиваешь бой?

Я отрицательно покачал головой, сказав:

– Я ведь не боец, так, немного знаю приемов – и все. Подводник я.

– Так какого же черта они тебя сюда направили? Да! Слушай-ка. Так я здесь еще одного подводника видел. И даже он не один, а несколько. Пойдем, я вас сведу.

В каюте, где он встретил подводников, никого не оказалось. После недолгих поисков, Виталий все же нашел одного лейтенанта, лицо которого уже давно казалось мне немного знакомым. Такое бывает. Поживешь среди чужих людей немного, а кажется, что знаешь их всю жизнь. Паренек представил

нам Анатолием Деминым. Он был рыжим, ну абсолютно рыжим: ярко-рыжие волосы париком лежали на голове, рыжие ресницы обрамляли светло-серые с красноватым оттенком глаза. Веснушки, заполонив весь нос, расползлись до самых кончиков ушей. Я обратил внимание и на то, что рука, которую он протянул мне для знакомства, вся покрыта крупными рыжими пятнами.

Заметив мое удивление, он просто душно с улыбкой сказал:

– Они не мешают мне, эти веснушки.

Я немного смутился и перевел разговор:

– Слышал, что ты подводник. Где занимался?

– О! Я издалека. Из самого Владивостока. Но твое лицо мне кажется знакомым. Пару лет назад ты не был у нас на соревнованиях?

– Был же, был, черт тебя побери! А я-то думаю, где я такого рыжего еще мог увидеть. Так вот оно что, значит, и ты здесь?

Мы с ним потискали немного друг друга и окунулись в воспоминания. Виталий ткнул мне в плечо:

– Ну, давай, Виктор. Рад, что помог вам встретиться. Если что, не стесняйся, подходи. Да и вообще, чаще приходи, а то видимся только в столовой, или, как там ее по-флотски назвать, в кают-компании, что ли.

Мы с Анатолием долго вспоминали те счастливые для меня дни, когда мне удалось побить многие рекорды моих коллег в соревнованиях по подводному плаванию и ориентированию.

– Тогда ты был чемпионом. Конечно, тебе было не до меня, рыжего посредственника. Потому и вспомнил меня только благодаря моему рыжему окрасу, – сказал он, ткнув пальцем в рыжую копну на голове.

Вопрос, который интересовал нас обоих и волновал, неожиданно обострился сам по себе.

– Я понимаю, нужны крепкие, сильные парни, бойцы, будем так говорить, а для чего нужны мы, слабые люди, по сравнению с этими «качками». Что? На нас, как на живца, акул в Атлантике ловить собираются? – начал «закипать» Демин.

– Слушай. Эта мысль не покидает меня с тех пор, как я встретил в гостинице этих ребят – Астахова и братьев Николаевых. Мне стыдно было за себя, за свои мощи. Нам нужно, не отклады-

вая ни минуты, обратиться к «шефу» за разъяснением. Пойдем прямо сейчас, – предложил я.

Мы направились в сторону большой палатки. Внутри горел свет.

Полковник сидел в окружении четырех офицеров службы внутренней безопасности, лица которых нам, всей Команде, достаточно набили оскомину. Они присутствовали буквально на всех мероприятиях, проводимых нами: занятиях, тренировках и даже обедах. Их постоянный контроль действовал на нервы, давил, унижал.

Ну каких врагов можно искать среди нас? Мы давно поняли смысл нашего дальнего похода и в душе, как маленькие дети, мечтали совершить подвиг.

Полковник, увидев нас, отложил дела, уделив внимание только нам. Раз пришли боевые офицеры, значит, это очень нужно для дела.

– Ну, какие проблемы появились? – спросил он, вставая.

Офицеры службы внутренней безопасности в это время, изобразив отсутствие интереса к нашим личностям и сделав независимый вид, все же бросали редкие взгляды на нас, прощупывая и изучая. Ну, что же поделать, если без них не обойтись? Работа у них такая. Демин ткнул мне в бок, поручая дальнейший разговор с полковником.

– Да, – ответил я на вопрос полковника Грохотова. – Мы не находим себе места для нашего использования. Мы не силовики, мы подводники. Но если мы нужны в деле, значит, и нам нужны учеба и тренировки по назначению. Получается, что про нас просто забыли все. Бродим и бьем баклуши.

Полковник повернул голову и посмотрел на старшего из офицеров, майора по званию. Майор встал и заговорил:

– Вас, то есть подводников, на корабле шестеро, и вам предстоит одна из самых ответственных задач, сберечь судно от диверсантов во время стоянок. Поэтому ждите своего часа.

– Позвольте! – возразил мой коллега. – В то время, когда все тренируются, качают силу, мы остаемся в тени, всеми забытые. Я так понимаю, диверсию могут или будут совершать люди подготовленные и вооруженные. И как я, позвольте спросить, человек небооруженный и, можно сказать, ослабленный бездельем, должен буду противостоять им? Тут энтузиазм не пройдет.

Демин, распалившись, тяжело дышал и часто моргал рыжими ресницами.

Офицеры молчали, зато заговорил полковник:

– Нет у нас тренера для вас. Не продуман этот вопрос, но его срочно нужно решить. Время еще есть.

Майор почесал затылок и сказал:

– У нас есть на примете один человек. Он военный подводник и боец, ко всему.

– Ну, вот и хорошо, – перебил майора полковник Грохотов.

– Хорошо, да не очень. Человек этот не совсем благонадежен. Он однажды уже вступал в конфликт со службой.

– Какой конфликт? А-а! Понимаю. Это вы все муссируете случай с лейтенантом Фирсовым? Так про него нужно давно забыть. Его нужно немедленно назначить тренером, а после посмотреть, как он подготовит подводников. Это и будет самой главной оценкой его надежности, – быстро решил вопрос полковник Грохотов.

– Что же, посмотрим, на что способен ваш лейтенант Фирсов.

Наш разговор с полковником и майором не пропал даром. Вечером, после ужина, ко мне подошел опальный лейтенант Фирсов, и я собрал для разговора всех, имеющих в Команде подводников по списку, который дал мне сам полковник. Разговаривали и решали все организационные вопросы в палатке полковника Грохотова.

– Вы тут все обдумайте. Как решите, так и будет. С вашим решением подойдете ко мне, я еще ознакомлюсь с ним, – предупредил нас полковник.

Мы с Деминым были счастливы от того, что у нас все получилось. Хватка у полковника Грохотова завидная, появилась проблема, значит, она будет решена, кого бы ни пришлось привлечь для этого. Никто еще не уходил от него с неразрешенным вопросом. Там, в порту, он показался нам слишком суровым.

Возможно, что сама обстановка заставила его быть таким внимательным, ведь весь этот «поход» оказался не так уж и подготовлен. Потому по ходу дела приходится полковнику что-то изменять, корректировать и даже прислушиваться к некоторым предложениям со стороны офицеров Команды. Умные мысли приходят в голову любому человеку, нужно только вовремя подхватить и материализовать их. Полковник не гну-

шался предложениями младших офицеров, но он же не давал и спуска, когда его приказ, основанный на этих предложениях, кем-то не выполнялся.

Со следующего дня начались и наши тренировки. Фирсов оказался неплохим тренером, но поскольку он себя не щадил на занятиях, с нас он тоже требовал много. С тренировок уходили мокрыми и вымотанными до изнеможения, но довольными тем, что начали осваивать приемы ведения боя под водой с холодным оружием.

– Качайте мышцы пресса, рук и ног. Сильный человек и под водой открутит голову любому противнику, а ловкость и сноровка, которые нужны для борьбы под водой не меньше, чем сила, придут к вам в процессе непрерывных и продолжительных тренировок. Короче говоря, хочешь жить, тренируй свое тело до такой степени, пока сам не поверишь, что нет равных тебе противников. И никакой жалости! Если ты не убьешь врага, он убьет тебя.

Мы крепко прочувствовали советы нашего же, но более опытного товарища. Мы ему верили.

– Сил моих больше нет, – жаловался Демин и, пошатываясь, шел в душевую.

Трое остальных ребят были более выносливы, они почти не роптали и не жаловались на судьбинушку, как это делал наш «рыжик». Правда, все его жалобы были только на языке. В овладении холодным оружием ему не было равных. Даже сам Фирсов считал, что его уже достаточно учить боевым приемам, и ежедневно направлял Демина к снарядам, где тот качался, нагоняя мышечную массу.

За время тренировок он заметно плотнел, раздался в плечах, а грудная клетка его играла не ребрами, а самыми настоящими бугристыми мышцами.

Тренировки сделали свое дело. Все ребята нашей группы стали значительно сильнее, просто до начала тренировок, мы были не так худы, как Демин, и потому сильно заметных изменений во внешнем виде каждого из нас не произошло.

С выходом в открытый океан, когда на горизонте не стало видно берегов и даже чайки стали редкой птицей, нам, наконец-то, стал разрешен выход на палубу. Несмотря на то, что в трюм ковраля подавался свежий морской воз-

дух, дополнительно прошедший через фильтры, первые выходы на палубу привели нас в восторг. Соленый воздух рвал грудь, а бескрайние морские просторы без горизонта удивляли. Влажный прохладный ветер не позволял долго находиться на палубе. Мурашки на теле и дрожь быстро загоняли в трюм, в тепло и уют. Только в жаркие солнечные дни палубу заполняли молодые голые тела офицеров Команды, чтобы получить дозу ультрафиолета. В такие дни тревожные мысли улетали, как дым, думать ни о чем не хотелось. Жив, здоров, ну и слава богу. Солнечные лучи не жгли, но некоторые из ребят, особенно со смуглой кожей, приобрели цвет молочного шоколада. Для загара они использовали каждую минутку своего свободного времени.

Мой рыжий друг Анатолий успел обгореть и облезть. Его нежная кожа с рыжими пятнами отслаивалась целыми лопухами. Вдобавок вся спина у него, облезая, очень чесалась. Он не мог равнодушно пройти мимо любой металлической опоры либо угла. Демин подходил к нему, ждал пока пройдут мимо него люди, стесняясь смешков, и ожесточенно терся спиной, закатывая от наслаждения глаза, ничего не видя и не замечая. Вот за этим делом и застал его старший офицер службы внутренней безопасности майор Скуратов. Некоторое время он стоял рядом с трущимся изо всех сил об угол лейтенантом, молча наблюдая за мимикой его лица с закаченными под лоб глазами и слушая его нечеловеческие стоны в сладостном экстазе.

– Лейтенант, что с вами? – спросил майор, заставив Демина вздрогнуть от неожиданности и опуститься на палубу.

Анатолий не растерялся и мгновенно нашел ответ:

– Блох давлю, товарищ майор.

– Каких блох? – удивился старший офицер.

– Таких вот: прыг-прыг, прыг-прыг. Показать?

Майор опасливо отошел в сторону, уточнив:

– И давно они у тебя?

– Да нет, на днях чайку мертвую на палубе поднял да за борт бросил, а они, эти блохи, с нее успели напрыгать на меня. Вот, теперь и мучаюсь, – очень изощренно врал Демин.

– Я вынужден доложить полковнику Грохотову об этом, – «обрадовал» лей-

тенанта майор. На этом и разошлись.

Не ожидал Демин тех последствий, которые произойдут после этой встречи. Вечером последовала баня, где всех обработали какой-то остро пахнущей жидкостью, а одежду прожаривали в металлическом ящике. Ни один из офицеров не увильнул от этих процедур, перед началом которой, полковник обосновал свое решение об обработке всего личного состава Команды тем, что якобы у одного из офицеров завелись блохи. Жестко настроенные офицеры долго искали виновника всего переполоха, но тот, поняв, что его никто не продаст и не заложит, тоже вместе со всеми искал «блехастого» офицера.

Об этой истории вскоре позабыли бы, но однажды на тренировке, употевший рыжий боец, у которого и так сердце болело и требовало признания в вине, взял да и сказал вслух перед нами:

– Соль новую шкуру щиплет, будто снова блохи завелись, – тут он осекся.

Но все ребята поняли, кто был виновником прошлого переполоха.

– Демин, ты помнишь анекдот, как звери сели играть в карты, а Лев и говорит: «Кто будет шельмовать, того будем бить по наглой рыжей морде». Так вот, надавать бы тебе по рыжим ушам за такое дело, – хмуро сказал Фирсов, но, увидев, как трясутся животы давящихся от смеха друзей, засмеялся и сам.

Все реже и реже появлялся я в каюте моих друзей. Возвращаясь с тренировки, однажды недалеко от их каюты увидел вышедшего Астахова, с которым я не общался несколько дней. Он так же, как и я, обрадовался этой встрече и предложил мне зайти к ним в гости. Братья Николаевы отдыхали после тренировки, но не спали. Увидев меня, они друженько поднялись и поддружески помяли гостя, будто проверяли мою силенку.

– Да ты ничего, справный стал, – улыбаясь во все лицо, шутливо сказал Владимир.

– Ну, с вами-то не сравнить. Мне, пожалуй, в жизни не накачать такие мышцы, как у вас. Одни плечи чего стоят, раньше говорили – «косая сажень».

– Да тебе, говоря между нами, такие плечи под водой мешать только будут. У тебя вполне нормальное тело дельфина, ты из-за этого, видимо, и плаваешь быстро, недаром всех своих, так сказать братьев по оружию, по-

бил. А как с приемами под водой? – теперь продолжал пытаться меня Виталий.

– С этим нормально. Тренер у нас что надо, Витька Фирсов. Всему, что знает и может сам, нас обучил.

– Рад за тебя, да и все мы рады. Конечно, дай бог, чтобы не пришлось в какой-либо катавасии участвовать. Но ведь... Как говорят – «пути господни неисповедимы», кстати, а в танке-то ты кем? – это пытал меня уже Астахов Дима.

– Да стрелок, стрелок я.

– То есть?

– Наводчик. Люблю я, да и умею стрелять из вооружения танка. Почти всегда в училище «отлично» было, да и здесь, на электронных тренажерах, все нормально идет. Редко, когда осечка.

Постепенно наш разговор свелся к воспоминаниям о соревнованиях, о «Вооруженке». Астахов вдруг слегка оживился, о чем-то вспомнив, и спросил меня:

– Как там твой командир поживает? Ничего не вспоминает?

– Нет. Мне кажется, напрасно ты его недолюбилаешь и сторонишься. Мировой он мужик. Я от него плохого слова не слышал.

– Ну, это до поры, до времени, – возразил Астахов.

– А я думаю, что он намял тебе бока, а ты и вбил себе в голову, что он злой очень. Заноза эта так и сидит в твоей голове до сих пор. Неверно это.

– Нет, – Астахов стал категоричен. – У меня ошибок не бывает. Вот встретил вас: тебя и вас обоих, – говорил он, тыча пальцем в меня и в обоих братьев, – и вижу, что аура у вас чистая. Ну, может глупые немного, но хорошие.

– Но, но! – возмутился Володя Николаев.

– Не обижайтесь, это я любя, – сентиментальничая, продолжил Астахов. – А вот в его сторону смотреть не могу, давит сразу. Сердце быстрее биться начинает. Сам не понимаю, что происходит. Объяснить не могу, но имейте в виду, что человек этот опасен.

– Да брось ты, – коротко высказал свое мнение Владимир. – Ну, если хочешь, давай морду ему набьем.

– Не шути, многим ты набил просто так?

– Пока нет. Только тому, кто сам хотел. Но если надо будет – набью.

– Повода нет для этого. И хорошо, чтобы не было, – таким образом я по-

ставил точку на этом неприятном разговоре.

Виталий Николаев молча кивнул в знак согласия со мной.

Разговор сам по себе прекратился, и я, чувствуя себя уже лишним, извинился и, сославшись на кое-какие дела, ушел, унося с собой неприятный осадок на душе и обиду.

Немного ухудшившееся настроение было немедленно замечено моими коллегами. Иван Иванович наивно спросил:

– Что? Побили?

– Нет. С чего это ты взял?

– Да так, хмурый ты какой-то.

– Нет. Так, кое-что свое.

Руслан, заложив руки за голову, лежал и полуприкрытыми глазами внимательно наблюдал за мной. Вскоре он встал, походил по каюте и заговорил, обращаясь ко мне:

– Я видел, как тебя потащил Астахов.

– Так ты его знаешь?

– Как не знать. Он по молодости был моим главным соперником. Ну, а сейчас я и не знаю, справлюсь ли с ним. Даже побаиваюсь его. Как там он?

– Не могу понять, хорошо знают друг друга, а делают вид, что совершенно незнакомы. Что вам мешает встретиться да поболтать?

– Сам не знаю. Я еще тогда, на соревнованиях, почувствовал, что этот молодой бычок будет всегда стоять на моем пути. Тогда я бой выиграл, но кто бы знал, во что он мне обошелся. Я выложился весь только для того, чтобы быть первым. Не люблю уступать. Всегда хочу быть первым. Потому я его и ненавижу, что боюсь. Стоит только немного расслабиться и заговорить с ним, начнется панибратство, и неизбежно придется встретиться с ним в поединке на матах. А я боюсь, что уступлю.

Разговор этот испортил мне настроение окончательно, и я, чтобы не усугублять дело, решил больше его не продолжать. Отвернувшись к стенке, я притворился спящим. Мои друзья какое-то время молчали, но, слыша мое ровное и глубокое дыхание, разговорились. Первым заговорил Иван Иванович:

– У вас какие-то неприязни в душе по отношению друг к другу?

– Нет, нет! К Виктору я никакой неприязни не имею. Нет! Я его даже уважаю, очень уважаю и, если потребуются, сделаю для него все. Он, видишь, под водой себя чувствует лучше, чем

я на ковре. Таких людей, как он, я сразу начинаю подсознательно исключать из толпы и уважать. И еще. Узнав его характер, я понял, что он по своей натуре просто не в состоянии принести зло человеку. И за это уважаю. Ты, Иван Иванович, может быть, не понял, о ком мы говорили?

– Возможно, не понял.

– Мы говорили о его друге, Астахове. В принципе, мои взаимоотношения с любым из Команды – это мое личное дело. Но тут получилось так, что у Виктора есть еще друзья, это экипаж Астахова. И здесь не подходит то, что было сказано многими веками раньше: «Друг моего друга – мой друг». Видишь ведь какая незадача-то. Правильнее будет: «Друг моего друга, к сожалению, не мой друг».

– Ну, а...

– Хватит об этом. Это мой груз, моя ноша, мне и нести. А у тебя, добрый Иван Иванович, не должно быть из-за меня никаких проблем. Плюнь и забудь все.

Иван Иванович согласился с ним, а я лежал и переживал сказанное моими друзьями.

Лежал и переживал до тех пор, пока и в самом деле не уснул.

Меня разбудили перед самым ужином. Я долго не мог прийти в себя от неприятного сна. Мне снилось, что Руслан бьет Диму Астахова чем-то тяжелым по голове и выбрасывает его за борт в воду. Я долго сидел на краю кровати и тряс головой, а Иван Иванович смеялся и назидательно говорил мне:

– Сколько раз вбивал вам в головы, что спать на закате нельзя. Голова болит обычно после такого сна, и сны дурные снятся в эти часы.

– Фу, ты! – наконец вырвалось у меня. – Приснится же такая чертовщина.

Оглянувшись по сторонам, я увидел знакомую обстановку и обрадовался, что вся эта чушь мне только приснилась, а не происходила наяву. С души упал камень. Но когда я увидел глаза Руслана, сердце замерло от его пронизывающего и гипнотизирующего взгляда. Они вроде бы и улыбались, но в то же время что-то исходящее из них ковырялось в моих мозгах, делая попытку разобраться в моих мыслях.

Весь вечер после ужина, где бы я ни находился, с кем бы я ни разговаривал, что бы я ни делал, улыбающийся и пронизывающий взгляд Руслана преследовал меня, наводя ужас.

– Ничего, все пройдет, – думал я.

Так оно и вышло. Хорошо выспавшись за ночь, я вскочил утром раньше всех и, мурлыча песенку, отправился мыться. Проснувшиеся от моей возни Руслан и Иван Иванович сидели на своих кроватях, свесив ноги, и недоуменно смотрели мне вслед.

Шла вторая неделя нашего кризиса. Каждый новый день был схож с днем предыдущим. Ничего нового, изнуряющие тренировки на технике, бесконечные завтраки, обеды и ужины, вечерами – уйма свободного времени и затем длительный сон. Распорядок, тренировки, хорошая еда и сон делали свое дело. Никогда раньше я не чувствовал себя так легко, казалось, что тело приобретает невесомость. Порой вместо того, чтобы спокойно дойти до нужного места в трюме, взбрыкнешь, как молодой конь, и в считанные секунды ноги доносят тебя туда на одном дыхании. Да и не один я делал так, иной раз, чуть увернешься от пронесившегося мимо во весь дух коллеги по Команде. Это все в порядке вещей, энергия рвётся наружу.

Однажды на тренировке я обратил внимание на то, что наш «рыжик» вел себя как-то неадекватно. Он был растерян и даже пытался «сачковать».

– Ну, что случилось? – спросил его Фирсов.

– Да так, хандра.

После тренировки Анатолий подошел ко мне, вцепился, как клещами, в мой локоть и заговорщески зашептал прямо в ухо:

– Останься здесь, пусть все уйдут.

– И что это у него стряслось? – думал я, считая всё же, что это просто блажь Демина.

О чём нам здесь на корабле можно секретничать? Конечно, если глубже взять, вся наша миссия секретна, до сих пор мы не знаем, что нам предстоит выполнить по прибытии к месту выгрузки. А среди нас, членов Команды, какие могут быть секреты? Размышляя так, я все же ждал его и, наконец, оставшись вдвоем, услышал:

– Не поверишь, наш трюм забит боеприпасами, как огурец семенами.

– Ну и что?

– Как что?! Как что?!

– Да так! Ты отлично знаешь, что в танк вмещается только малая часть боекомплекта, остальные боеприпасы находятся в том месте, где ты их обнаружил.

– Ты еще не знаешь, сколько их там. Случись небольшой пожар, и от нашего корабля никто никогда щепочки не найдет, а про нас вскоре все забудут, словно и не бывало нас вовсе, – пытался пугать меня Демин, пугаясь сам.

– Вывод: не кури в неполюженном месте, – я сводил к шутке весь наш разговор.

– Боекомплект возится за техникой в военное время, а сейчас-то мирное. Судя по всему, мы посланы на войну или воевать, по крайней мере.

– Так неужели до тебя это только сейчас дошло? – удивленно спросил я его.

Анатолий с ожесточением стал тереть пальцами виски, размазывая пот и грязь. Он ничего не говорил, но по его движениям, выражению лица чувствовалось, что он сейчас находится в растерянности, лихорадочно о чем-то думая.

– Хватит, хватит, – я хлопал его по плечу, стараясь успокоить.

Демин, глядя на меня внезапно помутневшим взглядом, с трудом разомкнул вдруг с чего-то спекшиеся губы, чуть понятно зашептал:

– Я не хочу умирать. Я не хочу умирать. Меня никто не спросил.

– Прекрати. Ты что раскис? – я тряс его за плечи, стараясь привести в чувство. – Давай, пойдём мыться, только смотри, ни с кем не разговаривай. Если что, сошлись на головную боль. Обо всем еще поговорим, все обдумаем. Только еще раз прошу, язык свой прикуси. Офицеры службы внутренней безопасности рядом. Затаскают.

Чтобы до конца привести Демина в порядок, потратил еще минут десять, только затем мы пошли в душ.

Я довел его до каюты, сдав из рук в руки двум крепышам, ребятам, очень похожим друг на друга. Отличались они лишь цветом волос, блондин и брюнет.

– Во время тренировки у него что-то случилось, – соврал я.

– Перетренировался, наверное, – сделал вывод брюнет. – Мы тут с братом в шахматы режемся, до ужина еще есть время, может, Толя, сыграешь на победителя?

– Правильно. Отвлекайте его чем-нибудь от головной боли.

К себе я шел с тяжелым чувством тревоги, и не только за Фирсова, но и за все «мероприятие». Ведь если по-

добные настроения распространятся среди множества членов Команды, выйдет что-то нехорошее: паника, протест, бунт. Оставалось уповать только на то, что это произошел нервный срыв только у одного-единственного человека, нашего Демина. Возможно, что его моральная слабость – результат перетренировок, и это явление носит временный характер. Главное в настоящее время, чтобы он хорошо отоспался и привел свой организм в порядок. А завтра – посмотрим.

Я тоже чувствовал, что и у меня самого-то тоже есть кое-какие заскоки с этим Русланом, моим командиром. Подумаешь, не так посмотрел. Придется попить валерьянку.

На завтраке я вновь встретился с Анатолием Деминым. Ночь мало что изменила в его настроениях. До начала тренировок на технике я не отпускал его от себя, пытаюсь каким-либо образом воздействовать на его рассудок. Но Демин словно не понимал меня, наоборот, с каждым сказанным мной словом я приобретал в его лице врага, хотя, он желал видеть во мне его единомышленника. Он громко кричал мне в лицо, брызгая слюной, что он ничего не боится, но умирать с бредовой идеей спасителя не желает. Когда он вылил на меня все зло, весь словесный запас оскорбительных слов и замолчал, в диалог вступил я:

– Толя! Мы находимся на маленьком островке посреди океана. Куда ты сможешь отсюда вырваться? Да никуда. С аквалангом не доплывешь, вертолеты за тобой не полетят, это тоже ясно. Убивать сумасшедшего лейтенанта тоже никто не будет. Уж если тебя так приперло, иди к офицерам службы безопасности, они, может быть, переубедят тебя. А не удастся им этого сделать, так изолируют до конца кампании. А там, по прибытии в Союз, предстоит военный трибунал и в лучшем случае – тюрьма, ну, а в худшем – сам знаешь что. Жить спокойно ты уже не будешь, не дадут.

– Тихо! Я спокоен. Я внимательно тебя слушал. Ты во многом прав. Пожалуй, не стоит пока раскрывать себя. Но я тебе клянусь, что только ступит моя нога на сушу, больше меня никто не увидит. Чья бы ни была та суша, я все равно уйду. Уйду только потому, что в Союзе я навсегда останусь изгоем и буду преследуем, если раньше не расстреляют. Жизни мне не будет.

– Я рад, что ты стал кое-что понимать, даст бог, вернешься к разуму и станешь рассуждать иначе.

В этот же день на послеобеденной тренировке Анатолий был неузнаваем:

– Привет всем, – озорно блеснул глазами, сказал он, а, проходя мимо меня, даже попытался щелкнуть по носу.

– Вроде прошла хандра, – успокоившись, думал я. – Дай-то бог.

– Ты снова прав, – сказал он мне после занятий. – Я все обдумал и успокоился. Слишком уж открыты получают мои переживания и эмоции для окружающих. В наших условиях то, о чем думаешь, должно храниться только в собственной душе, если эти вещи серьезные. Но ты мне симпатичен, и только с тобой я могу быть откровенен.

– Польщен, – ответил я.

– Это не лесть, – продолжил он. – Трудно одному, с огромным грузом мыслей находиться в большом коллективе и ни с кем не делиться этим грузом. Поделившись не с тем, можно накликать на себя беду, а, не поделившись, можно сойти с ума. Ты, можно прямо сказать, предупредил меня от глупостей. Когда я сорвался в истерику, ты старался завуалировать мое поведение и скрыть мои мысли, сорвавшиеся с языка, не только от офицеров службы внутренней безопасности, но даже от коллег, которые могли оказаться не совсем надежными. Потому-то я и считаю, что только с тобой я могу быть откровенен. Но ты не бойся, я вовсе не предлагаю тебе разделять мое мировоззрение и постараюсь не накликать на тебя никакой беды. Вот и все, что я хотел тебе сказать.

Вечером этого же дня мы вновь встретились с Деминым. Нам одновременно пришла в голову мысль проверить наши акваланги. Их, конечно, можно было и не проверять, все честь по чести, лежат в каптерке в сухом месте, в чистоте и в порядке. Костюмы находятся там же, только в шкафу, оружие – в сейфе. Мы уже неоднократно щупали их, примеряли костюмы, ласты, подгоняли по себе маски. Я только смахнул пыль с акваланга, переложив его с места на место. Но Демин отнесся к этому делу более серьезно. Он надел на себя полностью все снаряжение, после чего долго топтался на месте, подгоняя ремешки и заправляя трубки. Наконец, оставшись довольным всем своим снаряжением и собой, аккуратно все снял и бережно уложил на

место. В то время, когда он был полностью одет, а я смотрел на него, мне казалось, что Демин готовится к погружению. Мне казалось, что он вот-вот развернется, выйдет из каптерки, подойдет к борту корабля и, неловко перелезавшись через ограждение, прыгнет в бездонную пучину океана, преследуя свои намерения не участвовать во всей этой нашей кампании. У меня от этих представлений стало тяжело на душе, но я не мог представить себе, каким образом когда-то произойдет обещанный уход лейтенанта Демина из нашей команды, но одного я не хотел, – не хотел, чтобы этот уход закончился для моего рыжего товарища трагически.

Освоиться можно в любой обстановке. Даже самый строгий распорядок со временем становится мягче, поскольку человек в любом деле находит самый оптимальный вариант использования времени. Сэкономив несколько минут тут, несколько там, он только лишь за счет своего профессионализма приобретает свободное личное время и использует его так, как желает его душа. И в результате – чем выше профессионализм человека, тем больше у него свободного времени.

С течением времени вся наша Команда стала иметь довольно много такого времени. Кто как распорядился им. Некоторые офицеры отдыхали и даже спали, лежа в кроватях поверх одеял, совсем по-детски, подогнув колени и подложив руки под щеку. Другие доигрывали отложенные шахматные партии, сидя напротив друг друга и подперев кулаками подбородки. Глаза их сосредоточенно разглядывали фигуры на клетчатой доске, и трудно оторвать такого человека от своего занятия или заставить думать о чем-то отвлеченном.

Некоторые же офицеры, лежа на своих кроватях, закинув руки за голову и прикрыв глаза, вовсе не спали, они думали. Думать было о чем. Это понимали и офицеры службы безопасности. Именно поэтому, таких вот, думающих, они держали под особым контролем. Слава богу, их не так много. С остальными проще, они как зомби. Не их это дело, интересоваться политикой. Отправляют куда-то, значит, так нужно. Прибудут на место, там объяснят, что и как. А деньги между тем идут, и служба идет. А здесь, на корабле, просто курорт какой-то, грех жаловаться. А задумываются люди совершенно с дру-

гим образом мышления и с другим восприятием мира.

Потому-то нужно этих, думающих, или как там, размышляющих, обязательно нейтрализовать, не дать им сокрушить зомбированных.

Мой рыжий товарищ с каждой минутой трансформировался из беззаботного болтуна в человека серьезного, бессловесного, немного замкнутого. Все свободное время он проводил в каюте, лежал, но глаза его всегда были открыты и смотрели в одну точку на потолок. Лицо его побелело, поскольку он почти не появлялся на палубе, нос его стал острее и вроде удлинился. Офицеры, знавшие его, говорили, словно сговоровшись, о его больших душевных переживаниях.

– Слушай, – сказал он однажды мне, – я, кажется, схожу с ума. И поговорить бы надо, да вроде и сказать нечего. – Вот в этих нескольких фразах он все сказал, так что и говорить больше не о чем, Раз он утверждает, что нечего сказать, значит, даже не понимает и не замечает, как стали к нему внимательны ребята из службы безопасности. Зато со стороны это бросалось в глаза. Сам Черный полковник, уже было пройдя мимо Анатолия, остановился, как будто рассуждая про себя, почесал затылок и окликнул своего подчиненного, назвав его даже по имени. Демин не обратил на это внимания, но не будь в его голове полнейшего беспорядка, он сразу же заметил бы, что знание его имени командиром чему-то его обязывает. По крайней мере, его имя кем-то муссируется, и это говорит о многом. Недаром же их шестеро.

– У вас все в порядке? – Спросил полковник у вытянувшегося перед ним лейтенанта.

– Так точно! – щеголевато щелкнув каблуками, ответил лейтенант, при этом пытаясь изобразить на лице улыбку.

Полковник положил ему на плечо руку и, немного склонив голову, поскольку был на голову выше лейтенанта, стал медленно и как-то непривычно говорить:

– Давай так, просто. А не «так точно».

– Так точно! – вырвалось у лейтенанта. – Давайте просто так.

– Я повторяю вопрос – у вас все в порядке?

– Да, вроде нормально все, – внимательно глядя в глаза полковнику,

будто пытаюсь вникнуть в ход его мыслей, ответил лейтенант.

Но что-то дрогнуло в нём. Он часто заморгал глазами и будто сжался в комок. Ему вовсе не нравился этот разговор, и он торопился поскорее прекратить его:

– Разрешите идти?

– Да нет уж. Поговорить следует.

Полковник постоял, размышляя, как бы умнее высказать свои мысли лейтенанту, чтобы тот не замкнулся и решил просто-напросто дать совет:

– Знаете, до меня дошли слухи о том, что вы совсем пали духом. От кого эти слухи, вы, наверное, догадываетесь. Я, конечно, возмущен, доказывая, что ваши успехи значительны и очевидны. Но... но... Сами понимаете, они фигурируют фактами, перед которыми я бессилён. По человечески прошу, возьмите себя в руки. Я вас не буду выпускать из вида и, если нужно будет, окажу вам помощь. Основные усилия должны исходить от вас.

Он протянул Демину руку, долго держал в своей теплой и мягкой ладони костистую и холодную руку лейтенанта, подтверждая улыбкой и мимикой лица правдивость своих слов, затем развернулся и пошел, слегка сгорбленный и какой-то свой, родной и добрый.

Сердце екнуло у взбунтовавшегося лейтенанта, он стоял и смотрел вслед удаляющейся фигуре Черного полковника, и только когда тот исчез из виду, войдя в свой кабинет, в задумчивости прошел мимо меня, даже не заметив, а я не решился остановить его, чтобы чему-то не навредить своими действиями, своим присутствием.

Анатолий ушел, но я видел происходящее и слышал все сказанное. Непонятные чувства разыгрались во мне. Появилась слабая надежда на то, что Демин одумается, станет таким, как наше большинство. В то же время, вспоминая выражение его лица, его стеклянные глаза, брызжащий слюной его рот в разговоре со мной, мне трудно было представить, что он отречется от своих мыслей и убеждений. Но я всё же надеялся на лучшее.

Две недели пребывания на корабле, а уже поперек горла и этот равномерный гул работающих где-то далеко в машинном отделении моторов, и постоянный, дующий прямо в лицо соленый ветер, когда ты на палубе. Лишь тренировки почему-то не опостытели, там

время летит быстро, да и общения с людьми больше, глядишь, и переборсишься парой фраз с человеком, с которым не общался два, три дня. Так и мне приятно было встретиться с людьми симпатичными, с которыми познакомился там, на Балтике, в той чужой стране, при интересных обстоятельствах.

С некоторой завистью смотрел я на мощные торсы Астахова и братьев Николаевых, на их груды мышц, как канаты, упрятанные под кожу их рук, животов и спин. Они не забывали меня и, как мне показалось, тоже были привязаны ко мне. Володя Николаев критически осмотрел меня и, легко ткнув кулаком в живот, похвалил, или, как говорят, «бросил леща»:

– А ты тоже ничего выглядишь, накачался. Молодец!

Дима Астахов отвел меня немного в сторону и, как я и ожидал, первым вопросом было:

– Рассказывай, как там твой командир поживает. Что-то не могу я с ним заговорить, да чего скрывать, от одного его вида у меня между лопаток мурашки, как живые, бегают. Да! Вон он идет, вроде как к тебе направился. Ну, ладно. Пока! Я побежал!

Подошел Руслан:

– Я смотрю, ты с Дмитрием общаешься постоянно.

– Видишь ли, этот экипаж состоит из моих друзей. Они – первые, с кем я познакомился там, на Балтике. Привязанность осталась, да и нравятся они мне, хорошие ребята. И друзья хорошие.

– Ну, а мы как, твой родной экипаж? – ехидно улыбаясь, спросил он, заглядывая в мои глаза своими «вишенками». – Знай, что воевать-то бок о бок в одной машине будем.

– Послушай, о какой войне ты ведешь разговор?

– Да не прикидывайся ты дурачком. Огромное судно до предела набито боевой техникой и оружием, скомплектованы офицерские экипажи, а ты считаешь, что мы в бирюльки играть будем там, где нас выбросят на сушу, будь то Африка или Америка.

– Руслан, погоди, не пыли. Ты сейчас ведешь себя, как ревнивый муж в семье. Тебе кто-то испортил, видать, настроение, вот ты и завелся. Давай жить проще и легче. Нет никакой войны и, даст бог, не будет. А мои друзья, должны быть и твоими друзьями тоже.

И с чего бы тебе ненавидеть Диму Астахова? В конце концов, это ему нужно на тебя обижаться. Ведь не он тебя, а ты его побил в том злополучном бою, после которого вы стали врагами.

Руслан в раздумье помолчал немного и затем, словно спохватившись, стал быстро говорить:

– Прости, прости! Нехорошо все получилось. К тебе у меня претензий нет. Ты – хороший человек, хороший друг. Хочешь, чтобы всем было хорошо. Но, понимаешь, сам не знаю, почему так, как увижу Димку одного, вроде бы ничего, живет, да и пусть живет. Совсем другое дело, когда вижу его рядом с тобой. Ненавижу его! Ненавижу!

Господи! Что же это такое происходит? – думал я, глядя вслед удаляющемуся Руслану. – Посходили с ума, один другого хлеще.

Неужели это ограниченное пространство так действует на психику людей, молодых людей, нервы которых должны быть еще не тронутыми тлением и очень крепкими. Физически все очень сильны, все без исключения, отобраны самые лучшие. Времени в пути прошло меньше половины. Что же будет в конце? Возможно, что страх перед неизвестным будущим сводит людей с ума, тем более что из уст, как Анатолия, так и Руслана, я своими ушами слышал не только намеки на войну. Они открытым текстом говорили о военных действиях, влекущих за собой убийства и смерть, а не о бирюльках, в которые играют. Ну, что же, подождем – увидим. Время покажет.

Вернувшись в каюту, я не увидел ничего исключительного, все было как всегда. Руслан лежал на кровати, но сквозь его прищуренные веки, чувствовался пронизывающий взгляд, а Иван Иванович, как всегда, сидя на кровати, что-то перебирал, периодически нагибаясь и вытаскивая откуда-то снизу всевозможные предметы, то какую-то бархатную тряпочку, сплошь увешанную значками, то лохматую тетрадку, куда он что-то записывал и снова прятал. После он доставал иголку с ниткой и чинил разошедшуюся по шву куртку, ворча:

– Растолстел, как поросенок, вроде и ем немного, а вот, все толстею. Со всем не жрать, что-ли?

– Иван Иванович! Дорогой ты мой. В твоём теле нет ни жиринки. Мышцы у тебя растут, шире в плечах стал. Возраст-то у тебя еще юношеский, скоро

богатырем станешь, – моментально среагировал Руслан на слова, невнятно сказанные нашим коллегой, добрейшим Иваном Ивановичем. В этом нет ничего удивительного. Реакция для бойца – первое дело для успеха. Важно другое. Войдя в каюту, я сразу почувствовал взгляд через полуприщуренные глаза, и тут же последовал его ответ на чуть слышимое ворчание. Надо же, все-то у него под контролем. Я имею в виду нашего командира, лейтенанта Шакирова. Человек лежит, почти спит, но в то же время контролирует обстановку, знает, кто и чем в эту минуту занимается, кто и чем дышит. Феноменальный человек, разведчиком бы ему быть или шпионом.

Я было испугался, но потом, поразмыслив, сделал для себя кое-какие выводы:

– во-первых, стать менее откровенным в разговорах;

– во-вторых, не давать повода для каких-либо подозрений, выглядя в то же время наивным простачком, вроде Ивана Ивановича.

Всё, решено, пусть так и будет!

Для начала «нового образа жизни», лежа в постели и глядя в потолок, я решил отвлечься от каютной жизни и стал размышлять, охватывая более глобальное пространство. Давалось это с трудом, поскольку объектом моих размышлений был тот человек, что лежал на своей постели, буквально в метре от меня, и его присутствие постоянно возвращало мое сознание назад, в каюту.

А думал я о том, что в трюме корабля редко увидишь кого-либо из Команды, просто так, праздно шатающегося. Работа на технике и тренировки выматывают все силы, но и увеличивают их в виде бугрящихся мышц на всех частях тела. Обильная пища компенсирует израсходованную энергию, а после обеда, как все знают, так и тянет ко сну, по крайней мере очень хочется полежать. Правда, немцы советуют: поел – сделай тысячу шагов. Тоже ясно, для чего. А у нас, русских, есть свое объяснение желанию полежать: «Даст бог, жирок завяжется, все будет хорошо». Думая так, я не заметил, как задремал. Проснулся с хорошим настроением, бодрым и отдохнувшим, несмотря на то, что спал недолго.

В каюте никого не было, я продолжал лежать и думал о том, что очень уж быстро меняется настроение. Надо же было придумать такое – «новый об-

раз жизни, новый образ жизни». Кому я должен не доверять и почему? Разве кто криминал какой совершил? Нет! Так в чем же дело?

Я резко соскочил с постели и вышел из каюты. Рядом никого не было.

– Странно, – думал я. – Интересно, куда все подевались?

Думать долго не пришлось, с палубы хлынула целая толпа моих коллег из Команды. Первыми были мои друзья, Астахов и Николаевы.

– В чем дело? – недоуменно спросил я.

– А ты все спишь? Опух уже ото сна. Проспишь все самое интересное.

Окружив меня, они тянули ко мне руки, хлопая по плечам, спине и груди, гладили, и казалось, прощупывали меня всего, словно сомневались, я ли это. Мне, только что отошедшему ото сна, стало неловко от такого внимания и даже немного не по себе. Подошли Руслан с Иваном Ивановичем. Они издали увидели мою растерянность и поспешили на помощь. Руслан действовал своими руками, как железными рычагами. Астахов неловко отступил перед его напором, а поспешившие на помощь Дмитрию братья были оттеснены могучим, но добрым Иваном Ивановичем. Руслан ухватил меня за запястье и, вытащив из окружения, потащил за собой. Все это происходило в течение нескольких секунд. Я послушно следовал за своим командиром, сзади, пыхтя и чертыхаясь, поспешал наш Иван Иванович.

Когда мы вошли в каюту, очень возбужденным остался только Руслан, мы с Иваном Ивановичем завалились на кровати, а он нервно ходил по крошечной каюте, приводя в движение весь объем воздуха. Все же он вскоре сел, уставился в пол и, не поднимая головы, стал говорить:

– Странно устроены люди. Стоит только сократить дистанцию, толкуют твои действия абсолютно неверно. Они видят в твоей доброте слабость и, сразу стараются оседлать тебя. Нельзя допускать этого, иначе ты потеряешь друзей. Во-первых, тех, которых слишком переоцениваешь; и во-вторых, тех, кого недооцениваешь. В наших условиях, нельзя быть мягкотелым и слишком добрым, я не говорю бесхарактерным, чтобы не обидеть, но куда деться, так оно и есть.

Мы с Иваном Ивановичем слушали молча, не перебивая, но и не вступая в

эти рассуждения. Кому адресовались они, для нас троих было ясно, но я почему-то не считал их обидными.

Мне и самому не особо понравилось поведение моих друзей из экипажа Астахова. Да и вообще, вся ситуация, создавшаяся получасом раньше, была абсолютно нелепой. Эмоции моих друзей плескались через край. С одной стороны, на это была причина. Пока я спал, кто-то пустил слух, впрочем, не исключено, что так оно и было, будто бы параллельным курсом с нами движутся подводные лодки. По крайней мере, одну из них видел кто-то из нашей Команды, когда та по какой-то причине всплыла в полумили от нашего корабля, продолжая двигаться, не отставая и не уходя вперед. Пока все говорили о случившемся, пока спешили хоть краешком глаза глянуть на чудо, которого не видали, лодка исчезла, словно ее и не бывало. Каждый из Команды по-своему истолковал слух о появлении лодки, однако все поверили в нее. Одни считали ее нашей, другие – чужой, следящей за нами, но, возбуждение охватило всех. Вот в такую возбужденную толпу я и врезался, и чуть не оказался смятым и растоптанным. Обласканный и помятый своими друзьями, оказавшись в их окружении, я ощутил дискомфорт, мне было очень неприятно чувствовать их руки, я не знал, куда мне деться от них. Спасибо Руслану с Иваном Ивановичем, выручили.

Мне уже приходилось бывать в подобных ситуациях. Немецкие «дембеля», закончившие службу, разъезжались по домам. Оказались они и в нашем вагоне, мы всем семейством в это время добирались до нового места службы. Увидев красивую черную женщину и очаровательного ребенка, они, немецкие солдаты, заинтересовались нашей троицей и поспешили прямо к нам, чтобы выразить свое восхищение красотой. Они остановились около нас и со словами: «Гут, камрад, гут» стали похлопывать меня по щекам, выражая таким образом свое восхищение. Им, наверное, делать это очень нравилось, но для меня весь этот ритуал стал сущим адом. Я кое-как отбил от тянущихся к моему лицу рук и громко прикрикнул на них. Это возымело воздействие, они ушли.

Отлично понимаю, что со стороны мое поведение в обоих случаях, когда я выгляжу совершенно беспомощным,

характеризует меня человеком бессильным и, в конце концов, безвольным, но для себя я все же убежден в том, что такое поведение является не чем иным, как проявлением чисто русского характера. Мягкость и доброта, нежелание причинять неприятности даже своему противнику присущи ему, этому характеру. Но все это только до поры, до времени, но если грань дозволенного окажется преступленной, тут уж берегись. Никто не сможет остановить незаслуженно обиженного русского человека, все ломает на своем пути, как медведь, поднятый среди зимы из берлоги.

Отчитанный, я молчал, не обижаясь на Руслана. Конечно, он отчитывал меня как школьника, но он не стоял передо мной, не брызгал мне слюной в лицо, не смотрел на меня злыми глазами. Я истолковал его действия заботой обо мне, желанием видеть во мне человека сильного телом и душой, волевого и жесткого человека. Он наставлял меня как старший, хотя вряд ли был старше меня. Все же немного уязвленный, я стал сравнивать свой характер с характером нашего добрейшего Ивана Ивановича и с удивлением отметил, что ничего общего между нами нет. Помоему, он очень похож на Ательстана из «Айвенго» Вальтера Скотта. На вид добрые и мягкотелые, они оба обладают мощной физической силой и железным характером. Нашего Ивана Ивановича не смеет обидеть никто из всей Команды, наученные происшествием в самом начале пути. Это быстротечное событие произошло в те минуты, когда несколько человек Команды стояли около тренажеров по вождению танков, ожидая своей очереди. Иван Иванович готовился уже войти в кабинку, как подошел здоровый и чванливый механик – водитель машины полковника Грохотова, отодвинул опешившего Ивана Ивановича и вошел в кабинку тренажера. Не ожидавший подобной наглости Иван Иванович стал растерянно крутить головой, заглядывая в лица, стоящих рядом офицеров, будто ждал подсказки, как ему поступить в создавшейся ситуации. Одно он твердо знал, что прощения «тому» не будет. Офицеры же опускали глаза, пожимая плечами.

– Ну, все, конец ему! – зловеще прошептал Иван Иванович, но все расслышали эти его слова, не предвещавшие ничего хорошего командирскому механику лейтенанту Кулакову.

Иван Иванович рывком распахнул дверь кабинки, ненадолго застрял в дверях и стал пятиться назад, волоча за собой что-то тяжелое и упирающееся. Он волок за шиворот Кулакова, не давая ему встать на ноги, пока не затасил его за переборку. Затем послышались глухие удары с уханьем, после – тишина. Из-за перегородки вышел совершенно спокойный Иван Иванович и быстро вошел в кабинку тренажера, она была пуста, никто не решился войти туда.

Между тем вечером на ужине Кулаков не появился, а утром на завтраке в столовую вошел мрачный полковник Грохотов, кого-то искал глазами, но, видимо, не нашел. Он остановился за спиной мирно жующего Ивана Ивановича, что-то хотел сказать или спросить, но, подумав, махнул рукой и вышел из помещения.

Ропот одобрения пробежал по столовой, но ни один из членов Команды не решился подойти к Ивану Ивановичу и как-то выразить благодарность ему за то, что им был наказан человек, которого, сказать откровенно, недолюбливала вся Команда за его наглость и хамство. Многие из ребят были гораздо сильнее и крепче Кулакова, но они не желали осложнять отношения с самим полковником Грохотовым. Это и сдерживало их от разборок с этим человеком.

Урок, данный Иваном Ивановичем Кулакову, заставил зарвавшегося механика командирского танка пересмотреть свое поведение, и тот на глазах у всех офицеров стал меняться в лучшую сторону. Такое перевоплощение не мог не заметить сам полковник. Довольный изменениями, происходящими у него на глазах, он порой встретив Ивана Ивановича, не гнушался протянуть ему руку и одобрительно хлопнуть по плечу.

Мы с Иваном Ивановичем схожи характерами лишь в нормальных условиях. То же внешнее спокойствие, доброта в голубых глазах, безотказность в помощи. Но стоит измениться условиям, я теряюсь, могу стерпеть даже оскорбления. Мне становится стыдно за непорядочное поведение других людей, и до последнего мгновения я не предпринимаю никаких мер из боязни обидеть человека или людей, в общении с которыми нахожусь в это время. Наглые же люди, не получившие должный отпор, моментально садятся тебе

на шею и стараются использовать тебя по своему усмотрению. В моем характере терпеть до тех пор, пока это терпение не треснет.

Как бы я поступил на месте Ивана Ивановича в случае с Кулаковым? Стыдно признаться, но я, перебрав в уме несколько вариантов разрешения конфликта, признался сам себе, что ничего интересного бы не произошло. Побурчал бы, ища поддержки присутствующих рядом офицеров, и не найдя ее, стерпел бы, кляня в душе наглого командирского механика.

Вот такое-то мое поведение и привело в бешенство нашего командира Руслана Шакирова. Ну, что же, он прав. Проанализировав свое поведение, я признал, что характер-то у меня действительно дрянненький. Тут-то и защемило сердце, работать нужно над собой. Ох, как много придется работать. Прав Руслан, обиды на него нет. За себя обидно.

За последние два дня я почти не встречался с Анатолием, моим рыжим коллегой по воде. Видел его только издали, но он меня не замечал. Но даже со стороны я разглядел в его лице озабоченность, а в движениях – нервозность. Опять что-то неладно с ним. Думаю, пора прекратить вождение с ним, как с ребенком. У самого проблем по уши. Я не пытался встретиться с ним, но случай свел нас.

Увидев меня, он, кажется, обрадовался, но глаза его были беспокойны, нервно бегали и неестественно блестели. Такой блеск я видел в глазах монашки в первый день Пасхи, когда она с величайшим восторгом говорила людям о воскрешении Христа. В ее словах было много страсти, и глаза сверкали таким неестественным блеском, что находиться возле нее мне стало жутко, и я поспешил уйти.

Анатолий подошел ко мне, ухватив за рукав, и прошипел:

– Подожди, пройдут, – он смотрел на меня именно тем змеиным взглядом стеклянных глаз, от которого у меня перехватило дух. Пропустив ребят из Команды, спешащих на тренировку, Демин оглянулся по сторонам и сказал:

– Давно не виделись. Ну, здравствуй.

– Привет.

– Вчера заглянул в свое барахлишко, нашел газету. Я ее в Бресте еще

купил, да прочитать не пришлось, все некогда было. Весь вечер читал, тоска до слез пробила, каждую строчку по несколько раз перечитывал.

– Верю. Не зря ведь говорят, что «на чужой сторонухе рад родной вороношке».

– Не это главное. Ты ведь слышал о Ванге? Ну, этой, болгарской ясновидящей. Так вот, знаешь, что я в этой газете вычитал?

– Ты вычитал, ты и говори, – попытался съязвить я.

– Статья там об этой старухе интересная попалась. Ты ведь слышал, что она в своих предсказаниях никогда не ошибалась, ну, или почти никогда?

– Не могу понять, к чему ты кло니шь, Демин?

– Слушай внимательнее. В этой статье говорится об ошибках Ванги. Так вот... – он на время приумолк, пропуская очередную группу ребят.

За прошедшее время, пока мы в море, офицеры до такой степени усвоили распорядок, что весь механизм Команды работал, как часики, и на разгильдяйство не оставалось ни одной минуты. Ровно через такой же промежуток времени пройдет новая группа людей в сторону зала, и через минуту вернется предыдущая.

– Так вот, – продолжил Анатолий, загадочно шипя. – Я уверен, что Ванга не ошибается. Она предсказала, что русские будут там, куда мы спешим.

– Так ты считаешь, что наши там уже есть или будут?

– Я не думал, что ты такой бестолковый, – взбеленился Демин. – Неужели ты никак не поймешь, что ты, да-да, ты направлен туда. И все мы, вся Команда. И эта техника, и весь корабль, в конце концов. И лодки там, в глубине, тоже идут туда.

Он схватил меня за грудки, трясая и глядя мне в глаза страшным змеиным взглядом. Ключья пены срывались с его губ, когда он выкрикивал последние фразы:

– Права Ванга! Сто раз права! А мы – смертники! Мы – заложники! Ты понимаешь это? Понимаешь?

Я пытался оттолкнуть его от себя, но не смог. Когда-то я слышал, что у сумасшедших сила невероятная, а теперь сам прочувствовал ее, уже относя Демина к этой категории людей.

Анатолий продолжал наседать на меня, хватал за горло. Мой берет валялся на полу, мы по нему топтались.

Было слышно, как, ломаясь, хрустнула кокарда. Я чувствовал себя, как в дурном сне. Ударить Демина, как человека, мной уважаемого, не смог, рука не поднялась. Вот этим я и отличаюсь от Ивана Ивановича. А ведь стоило! Возможно, жесткость вернула бы ему сознание. Анатолия от меня оторвал Руслан, ему для этого пришлось дважды ударить Демина по ребрам. Этого оказалось достаточно. Демин, обняв грудь руками, побелел лицом, и взгляд его перестал быть стеклянным, будто от тумачок моего командира у него из глаз выпали стеклянные линзы. Подошедший Иван Иванович, к моему изумлению, хладнокровно поставил диагноз:

– Обострение, простое обострение.

– Чего-чего? – переспросил его Руслан.

– Обострение шизофрении.

– Так, у него же никогда не было такого, – возразил я.

– Все просто. Раньше он не оказывался в ситуациях, требующих большого психического напряжения.

Руслан продолжил мысль Ивана Ивановича:

– Первый случай обострения был у него несколько дней назад. И ты, Виктор, сам уговорил Анатолия, немного успокоил, вроде и отошло. Ан, нет! Он много переживал, и этот факт снес ему крышу.

Я пересказал ребятам все то, что услышал от Демина. Анатолий сам внимательно слушал мой рассказ и, кажется, сомневался в правдивости моих слов. Он порывался перебить меня, но боль в груди заставляла его молчать.

– Ну, и как нам с тобой поступить? – спросил Демина Руслан.

– Что это значит – «как поступить»? – сквозь кашель чуть выговорил Анатолий.

– Да так! Прихватит еще раз, натворишь бед. Лечить тебя надо, псих ненормальный. Нашего Виктора чуть не придушил. Тебе нужно было на меня или на Ивана Ивановича нарваться, больше бы не стал выкидывать такие кренделя.

– Руслан, давай еще раз поверим, что у него все будет нормально. Любуй его подобный случай сделаем последним, – робко попросил я.

– Эх, доброта ты, доброта. Видать, не переделать тебя никогда. Умирать будешь, а на зло злом не ответишь. Может, в этом твое счастье. Но я думаю, что беда. Нельзя военному быть

таким. Ну, да ладно. Иди, Анатолий, отлежись. Не думай ни о чем плохом. Находясь в таком состоянии, ты успел уже пообщаться с кем-нибудь?

– Со своими колобками я почти не общаюсь. Они оба осведомители службы внутренней безопасности. Сам лично пронаблюдал, как Юрка, тот, что черненький, нырял несколько раз к ним в кабинет. После таких визитов они обычно начинают шептаться и замолкают при мне. Правда, я сегодня одного потряс. Да, за дело, он в моих вещах ковырялся. Газету, наверное, искал, а я в подушку ее спрятал, не нашли, – очень долго говорил Демин. Его разговор часто прерывался кашлем и оханьем.

– Как же они узнали про твою газету? – не выдержал Иван Иванович.

– Сам я им вчера эту заметку про Вангу прочитал. Вот дурак!

– Уважаю людей самокритичных, но только не тебя, Демин. За любого из моего экипажа я любому башку сверну, как курчонку. Попытаешься сделать плохо – сверну. Ты меня понял?

– Ладно, все понятно. Я пошел.

Он удалялся от нас, держась за ребра и слегка покачиваясь. Мы же смотрели ему вслед, и каждый из нас рассуждал о происшедшем по-своему. По мере того, как Демин уходил все дальше, я стал готовиться к нравоучениям Руслана, который, как мне казалось, ну просто не сможет упустить такой возможности повоспитывать меня, своего подчиненного по службе.

Удивительно, но ничего подобного не произошло. Ни одного слова в мой адрес не было сказано. Весь вечер мы болтали на разные отвлеченные темы, ни разу не вспоминая о том, что произошло. После ужина перекинулись в карты, чего раньше никогда не бывало. Предложил Иван Иванович, а Руслан поддержал его. Вечер смягчил напряжение дня, потому и спать ложились с хорошим настроением. Единственное, что немного подпортило наше общее настроение, так это слова, сказанные Русланом уже в постели:

– Если Ванга действительно так сказала, она права. Мы там будем.

Эти слова затронули меня, но я большего значения им не придавал. Видимо, Иван Иванович так же отнесся к ним, и потому, буквально через минуты мы все спали хорошим крепким сном.

Тренировки продолжались. Время,

отведенное нам на них, офицеры старались использовать как можно полнее. Если кто-то из членов Команды вспоминал старую методику психологической подготовки к ведению боя, мы опробовали ее и использовали самые результативные методы. Крепкие физически, готовясь к бою в любой ситуации в психическом отношении, офицеры стали за короткий срок просто неузнаваемы.

Многим членам Команды стали чужды переживания по поводу беды другого, люди становились равнодушными к успехам или неудачам не только своих друзей, но и к своим собственным. Часто короткие разборки кончались обыкновенной дракой, в результате которой в местном медицинском пункте появлялись посетители. Черный полковник, в порыве отчаяния собрав всю Команду, в самом начале своего выступления стал кричать, сдали нервы. Офицеры Команды молчали. Поняв свою оплошность, полковник стал разговаривать со своими бойцами, как с равными себе офицерами. Разговор пошел совершенно по-другому. Советуясь с офицерами, он получил много умной и нужной информации, в результате к концу этого мероприятия он составил неплохой план работы и тренировок на время дальнейшего пути к самой Южной Америке.

В связи с положением дел в Команде время тренировок сократилось, началось духовное воспитание. Офицеры службы внутренней безопасности, которые занимались только слежением за личным составом Команды, стали совмещать это дело с проведением бесед по политическим темам, по темам семьи и дома, затрагивая самое чувственное у людей. Конечно же, делали они это против своей воли. Только приказ полковника Грохотова под расписку всех офицеров внутренней службы безопасности и боязнь ответственности, обоснованной в этом приказе, заставляли их выполнять эту работу.

В солнечные дни разрешалось находиться на палубе корабля неограниченное количество свободного и личного времени. То ли под воздействием солнечных лучей, а солнце в этот период нашего пути находилось прямо над головой, то ли лишившись стен, создающих ограниченное пространство, офицеры реально ощутили положительное воздействие этих факторов

на организм, на лица многих из них можно стало увидеть улыбку.

Мы вышли всем экипажем на палубу, прихватив с собой по одеялу со своих постелей. Демина я заметил сразу, огненное тело полыхало. На голове чалмой намотано полотенце. Я предупредил Руслана, что быстро вернусь, и подошел к Анатолию. Демин среагировал на мои толчки не сразу, и я даже немного заволновался, не хватил ли его солнечный удар. Я вылил на него почти всю бутылку газировки, прихваченную с собой, благо, автомат с ледяной водой у нас работал бесперебойно. Анатолий приподнял голову и снял чалму.

– Благодать-то, какая! – наигранно нараспев произнес он. – Солнышко печет, водичка по телу течет. Благодарю. А что водичка уже кончилась? Да, да, понимаю. А ты пить что будешь? Ладно, шучу.

– Как дела, Толя?

– Какие могут быть дела? Дела будут впереди. Кстати, знаешь ли ты, что офицеры безопасности куда-то забрали нашего тренера, Витьку Фирсова? Как ушел к охранникам, ни слуху, ни духу о нем. Простить не могут его первое выступление, когда он им рты заткнул.

– Да ты что?

– Я сунулся было в это дело, да меня предупредили, что и у меня нос в пуху и, дернись я еще, уйду туда же, куда попал Фирсов. Как ты среагируешь на это сообщение – не знаю, но выручать Витьку нужно. Я уже все облазил, нет нигде. Не могли же они его просто убить, да за борт. А вообще-то, разобраться надо.

Он замолчал, а я, взвинченный сообщением, подхватив свое одеяло, с трудом нашел своих ребят, Руслана и Ивана Ивановича, вкратце объяснил им свое волнение и, соблюдая субординацию, попросил разрешение у своего командира обратиться к полковнику Грохотову.

– Иван Иванович, захвати наши одеяла. Мы с Виктором должны кое-что проверить. Я иду с тобой, – решительно заявил Руслан и пошел к трапу в трюм.

Черного полковника мы застали в палатке за длинным столом. Он сидел в одиночестве, пальцами обеих рук обхватил виски и, покачиваясь, напевал какую-то грустную русскую песню, но не словами, а одним голосом. Он с

опозданием среагировал на наш приход, и нам с Русланом показалось, что он пьян. Однако когда он поднял голову и, посмотрев на нас впадшими усталыми глазами, спросил, с чем мы пришли, нам расхотелось попытаться этого выможденного пожилого полковника. Но и уйти, не решив вопроса, мы не могли.

Не задумываясь, Руслан спросил:

– Товарищ полковник, скажите нам, где лейтенант Фирсов?

Голова полковника снова опустилась. Не подымая головы, он стал говорить:

– Офицеры службы внутренней безопасности воспользовались тем, что вы, бойцы Команды, стали терять человеческие качества. Они надеются, что сейчас никто ни за кого не выступит и не потребует отчета за жизнь пропавшего офицера. Ну, что вам говорить об этом, ведь вы умнее и подготовленнее меня. Идите с миром по каютам. Я вас обоих уважаю и ценю. Не хочу вам приказывать, зная, что выполнять свой долг будете без моего приказа, а опираясь только лишь на свои собственные убеждения.

– Товарищ полковник. Прикажете показать нам Фирсова.

Дверь, расположенная вдали длинного брезентового коридорчика открылась, и трое из офицеров службы внутренней безопасности вместе со старшим, майором Скуратовым, быстро подошли к нам.

– В чем дело? А ну, марш по каютам! – выкрикнул майор.

– Майор! Не суй свой нос, куда не следует. Ты, видно, ослеп и не видишь, что мы разговариваем со своим командиром. А ты для нас кто? Никто, просто так – «тьфу» и не больше.

Я не ожидал от своего командира этого, даже подумать не мог. Думал, что он очень хитрый и на авантюры подобного рода не способен. А сейчас, услышав эти слова, я понял, кто у меня командир, и понял еще другое: я никогда в трудную минуту не предам Руслана Шакирова, что бы мне ни грозило.

Майор взвизгнул и, оглянувшись на своих помощников, кивнул им. Двое крепких ребят из охраны, сделали попытку схватить моего командира за кисти и локти. Одного движения рук Руслана хватило на то, чтобы оба этих крепыша, опустились на колени перед ним. Один из них сунул руку под мышку, чтобы взять пистолет, но получил такой

удар по ребрам, что глаза его сразу остекленели, а зрачки расширились от боли так, что глаза стали казаться черными. Второй офицер во избежание такого же удара, поднял руки, показывая пустые ладони. Майор, оказавшись около меня, ухватился за мою куртку своими пухленькими, как сардельки, пальцами.

Воодушевленный действиями Руслана, я оттолкнул майора от себя, немного неподрастив. Он, пятясь, обо что-то запнулся и упал, кувыркнувшись назад.

– Офицеры! С кем вы схватились? Ведь они на нас отыграются, – встав из-за стола, мрачно сказал усталый полковник.

– Пусть покажут Фирсова! – настойчиво требовал Руслан Шакиров.

Двери кабинета вдали коридора вновь открылись, и оттуда высочили еще двое военных, вооруженных пистолетами ПМ. Ощувив поддержку, два офицера, находящиеся рядом с Русланом, тоже вскочили и, вынув пистолеты, защелкали затворами.

Майор направился ко мне и, что-то бормоча, стал водить стволом пистолета прямо у меня под носом. Мне показалось, что все это происходило не наяву. Я видел Руслана, окруженного вооруженными людьми, полковника, сидевшего за столом и сжимающего свою голову сухими жилистыми руками.

Торжествовали офицеры, которых было гораздо больше, гоголем ходили они вокруг нас, радуясь такой скорой победе и готовя расправу над непослушными членами Команды.

– Отставить! – послышался зычный голос полковника Грохотова. – Убрать оружие! Пока я здесь на корабле старший, все будут слушать и выполнять только мои команды. Распустил вас я, старый идиот. Так вот, вы, верно, забыли, куда и зачем мы направлены? Приказываю, немедленно освободить лейтенанта Фирсова и поставить его в строй.

– Ну, нет, полковник, слишком много мы шли у вас на поводу. Давно надо было пресечь всю крамолу, уничтожить корень зла, и все дела пошли бы как по маслу. Окажете сопротивление, о вас будет немедленно доложено. Я думаю, найдут возможность заменить вас человеком, более подготовленным к выполнению Боевого Приказа. А это стадо баранов, – майор кивнул в нашу

с Русланом сторону, – сразу станет толковым и послушным. Тем более, если два-три человека отдадим под суд.

Полковник задержался с ответом, обдумывая ситуацию. Но тут раздался голос Руслана:

– Майор, кого это ты называешь «стадом баранов»? Советских офицеров? Да тебя за одни только эти слова надо утопить в этом океане. Суд будет, все услышат, что ты говорил о советских офицерах. И еще, объясни, где будет твое место в то время, когда мы будем свою кровь проливать?

– Не доживешь ты до суда, – уверенно заявил майор. – Ну-ка, наручники на него и к столбу вместе с тем. Два сапога – пара.

Сразу четыре человека из охраны подскочили к Шакирову. Я дернулся, но пистолет майора уперся мне в живот. Одним ударом Руслан завалил двоих, нападавших на него офицеров, двое успели отскочить. Майор оторвал пистолет от меня и, прищурив левый глаз, целился прямо в голову Руслана. Я почувствовал, что прямо сейчас грянет выстрел и, он грянул, но только после того, как я, что есть сил, пнул майору по руке. Прогремель выстрел, а пистолет, описав в воздухе дугу, оказался в руках Руслана.

– Стреляйте же, черт вас поберит! – бешено закричал майор, адресуя команду своим помощникам.

Брезентовый полог входных дверей в палатку командира, в этот момент, распахнулся настежь, и группа моих коллег-подводников во главе с рыжим Деминым буквально внеслись туда. Вместе с ними в помещении палатки вскоре оказались многие другие члены Команды, среди которых был и наш добрейший Иван Иванович.

Оружие моментально исчезло из рук офицеров безопасности. Начались дискуссии, противные не только нашему командиру, полковнику Грохотову, но и всем членам Команды. Офицеры внутренней службы безопасности продолжали сыпать угрозы, но они не имели никакого воздействия на ребят. Ну, не сталинские же времена вернулись. Мы потребовали вернуть в строй нашего тренера и коллегу лейтенанта Фирсова. Соппротивление майора было сломлено, за Виктором пошел один из офицеров охраны, но и группа ребят из Команды последовала вслед.

Фирсов сидел на металлическом полу какого-то страшного чулана, при-

кованный наручниками к одной из вертикальных труб. Что же с ним хотели сделать, как хотели обойтись? До конца «похода» деть его куда-то или спрятать не было никакой возможности. Оставалось одно, убить и отправить на корм рыбам. Но нет! Не те уже были времена, чтобы мог кто-то безраздельно властвовать как над плотью, так и над душами и разумом людей.

Палатка командира постепенно наполнялась и наполнялась людьми, и скоро вся Команда собралась здесь, будто почуствовав, что нужно принять какое-то срочное решение, способное предотвратить срыв боевой операции. Точку во всем деле поставил сам полковник Грохотов, а слова его были до наивности просты и доступны:

– Будем считать, что вопрос исчерпан, все находится и будет находиться на своих местах. Нам поставлена величайшая задача, и она должна быть выполнена. Ну, а победителей не судят. Проиграем – сам бог нам будет судьей, и не нужен нам будет никакой трибунал. Товарищи офицеры, нас ждут большие дела, тренируйтесь, оттачивайте свое мастерство, и не справится с вами никакая сила! Ну, а сейчас – на отдых. Вперед!

Очередной день в пути не предвещал каких-либо неприятностей. Как всегда, тренировки чередовались с очередными приемами пищи и короткими минутами отдыха. Любители почитать перелистывали зачитанные книги и журналы, прихваченные с собой в дорогу, о свежей прессе приходилось только мечтать. Даже самой малой библиотеки не было предусмотрено на корабле, кто-то там, наверху, посчитал, видимо, что перед смертью все равно не надышишься. Лучше всех себя чувствовали любители поспать, каждую свободную минуту они испытывали упоение от сладкой дремы.

На палубу выходить разрешалось в определенные часы, да и то не всегда в связи с постоянно меняющейся обстановкой вокруг корабля. Несколько днями раньше, когда после обеда в час отдыха большинство офицеров, принимая солнечные ванны, нежились на своих одеялах на палубе корабля, на горизонте неожиданно появился корабль. Ну, вроде нет в этом ничего страшного, как появился, так и исчезнет за этим горизонтом. Разве мало ко-

раблей болтается в морях и океанах, да только вскоре после этого появления винтокрылая машина зависла прямо над палубой нашего сухогруза, обдав голые тела дополнительными потоками свежего воздуха. Находящиеся на палубе офицеры подсознательно почувствовали необъяснимую тревогу, тем более что слепящее солнце не позволяло разглядеть вертолет и его опознавательные знаки. Большая часть офицеров, бурча проклятия в адрес нарушителя спокойствия, поспешно направилась к входам в трюм корабля, но сверху вдруг раздался жутко громкий голос, который заставил остановиться всю двигающуюся массу людей и прислушаться к словам, сказанным на почти чистом русском языке:

– Друзья! Куда идем?

Кто-то из Команды махнул рукой по курсу корабля, но вступить в диалог никто не был намерен.

– Ваш корабль сильно перегружен. Дальше по пути шторм. Будьте осторожны.

Говорящий был болтлив. Он стал советовать людям на палубе вернуться домой, а не жариться в этом пекле. Часть Команды во избежание неприятностей уже исчезла с палубы. Наверху, видя бесполезность пустой болтовни, решили сменить свою тактику действий.

– Друзья! – кричали с вертолета с хрипом. – Для знакомства мы угощаем вас пивом. Оно холодное, это хорошо в такую жару.

На палубе движение прекратилось, вернулась даже часть людей уже спустившихся в трюм, слишком уж велик соблазн – в жару попить холодненького пива.

Тотчас на нескольких тросах между палубой и вертолетом появились довольно объемные контейнеры, несшие в себе ту живительную влагу, что обещали сверху. Едва коснувшись палубы, эти связки с металлическими банками были подхвачены десятками сильных рук, освобождены от веревок, исчезнувших в брюхе вертолета, и вся процедура повторилась снова.

Возможно, она повторялась бы еще, но из трюма корабля поднялись офицеры службы внутренней безопасности и даже сам полковник Грохотов. Они быстро остановили ажиотаж вокруг свалившегося с неба пива, у Грохотова в руках появился рупор. Своим грохочущим басом, видимо не просто доста-

лась фамилия пращурам полковника, он заговорил:

– Предлагаю вам немедленно покинуть воздушное пространство над кораблем и удалиться на предписанное расстояние.

– Кто ты такой? – послышалось сверху.

– Мы идем под красным флагом суверенного государства, он совсем не похож на ваш флаг. Уважайте представителей других стран!

Полковник удалился с палубы корабля последним из офицеров Команды. Вертолет, запав на бок, круто ушел вправо и вскоре исчез из виду.

Между тем в трюме «дым стоял ковромыслом». Трофеи в виде пивных банок в контейнерах находились прямо посреди командирской большой палатки. Их кольцом окружали офицеры службы безопасности. Второе кольцо, более мощное, состояло из бойцов Команды. Вошедший командир быстро прочувствовал обстановку и, пытаясь не допустить конфликта, поспешно повел наступление с применением психологического давления на обе противостоящие стороны.

– Сыны мои! – так всегда в трудные минуты начинал полковник. Вот и сейчас он посчитал, что наступила эта минута, поскольку напряжение в коллективе достигло максимума. – Для меня вы все действительно сыны, и я не допущу того, чтобы вы погибли от возможного присутствия в этих банках кроме пива, еще и сильнеешего яда.

Сказав так, он ненадолго замолк, разглядывая выражение лиц офицеров, чтобы понять, какое воздействие его слова оказали на людей. Кажется, он остался доволен своей работой и потому с большим подъемом продолжил:

– Враг силен, хитер и опасен. Я не оговорился, сказав «враг». Сегодняшний визит этих незваных гостей организован неспроста. Возможно, они догадываются о наших целях и стараются всячески воспрепятствовать нам. А вы, как дети, поддаетесь на их уловки и готовы сложить свои головы здесь, среди океана, ради нескольких глотков пива, так и не выполнив своего долга. Верно я говорю?

– Так точно, товарищ полковник, – нестройным хором ответили бойцы Команды, почти в полном составе собравшиеся вокруг «трофейного пива» в палатке у самого Черного полковника.

– Да я и сам бы не прочь вечером

попить этого пива, будь я уверен, что подарок этот сделан от души. Вы сами знаете отлично, что у нас нет своей лаборатории, чтобы сделать анализ содержимого банок. У нас нет на борту даже захудалой кошки, чтобы проверить пиво на ней. А на себе, пожалуй, никто и не рискнет проверить его качество.

– А я! – раздался негромкий выкрик.
– Я попробовал пиво.

Офицеры раздались, предоставив только что вошедшему рыжему Демину пройти в центр, прямо к командиру. В руке он держал смятую пивную банку, сам же смущенно улыбался.

– А я первым перехватил одну упаковку, там одна банка, вот эта, плохо держалась. Ну, я ее в карман и сюда, вниз. Ну, попробовал. Я же не знал, что оно, это проклятое пиво, отравлено. А тут услышал весь этот разговор и вот, пришел сдаваться. Может, анализы какие надо сдать? Я это дело махом сделаю.

Все, кто находился внутри палатки, напряженно прислушивались к словам Демина, и стоило ему только замолчать, раздался такой гром, словно рушилась палуба. Смеялись долго и до такой степени, что даже натренированные животы не выдерживали и приходилось обхватывать их руками. Смех стих лишь от громкой команды:

– Прекратить смех! Все по местам!

– А с пивом как? – кто-то робко спросил. – Ведь проверено уже.

Это вызвало новый взрыв смеха, но полковник Грохотос сказал:

– Выполнять команду!!!

На этом история с «трофейным пивом» закончилась, оно бесследно исчезло. Только несколько вечеров подряд полковник спешно покидал Команду и исчезал в конце длинного коридорчика за дверью каюты офицеров службы внутренней безопасности.

Вечером того же дня, когда произошел инцидент с пивом, наш Иван Иванович столкнулся с Деминим нос к носу в узком проходе.

– Ну, как там пиво-то, медвяное? – с усмешкой спросил наш добрейший Иван Иванович, на что рыжий лейтенант быстро ответил:

– Пиво как пиво. Жаль, что не могу отрыгнуть его, чтобы дать тебе попробовать.

– Фу, какая гадость! Ну, вот, ужин испорчен. Знаешь ведь, что я очень брезгливый, а ты – пакостник. На днях от каких-то блох всю Команду из-за тебя

прожаривали. Сейчас опять пакость выкинул. Дать бы тебе по лбу.

– Попробуй!

– Ну, ладно, поговорили и будет.

Придя в каюту, Иван Иванович брякнулся на кровать, некоторое время пытел, затем заговорил, обращаясь ко мне, других в каюте не было:

– Странный у тебя друг – подводник этот рыжий. На душе осадок противный остался после разговора с ним.

– Что так? – отозвался я.

– Любит людям в душу наплевать.

Иван Иванович рассказал мне о своей встрече с Деминим. Я от души насмеялся и, чтобы успокоить своего коллегу, вспомнил вслух, как в курсантские годы пришлось мне в столовой за одним столом с чудаком одним целый год щи да кашу делить. И что за натура у него была дурная, каждый день возьмет, да и откинёт вроде как шутку, но после этой безобидной вещи сержант наш голодным оставался. Я тоже немного брезглив, а у сержанта брезгливость болезнью была. Стоило ему в тарелке какой-то подозрительный предмет разглядеть, лучок, например, обжаренный и имевший форму таракана или, не дай бог, волос, – все! Его обед кончался! Этим и пользовался все время наш «чудак». Он без конца находил в еде какие-то изъяны и, в конце концов, съедал, кроме своего обеда, еще и сержантский обед.

– Ты все правильно говоришь, но только он, этот рыжий, – ненормальный. Даже глаза у него бешеные, а взгляд – змеиный.

– Иван Иванович, да забудь ты о вашей встрече и плюнь на все.

Иван Иванович вроде согласился со мной. Однако за ужином, вернее уже после него, они каким-то образом вновь столкнулись нос к носу на выходе из столовой, словно кто-то из них специально поджидал другого. Издали не было слышно, о чем они говорили друг другу, лишь по жестам и мимике было ясно одно, что разговор этот был нехорошим.

Ложась спать, я все же поинтересовался, спросив Ивана Ивановича:

– Не могу понять, кто из вас такой зануда, ты или Демин? Я же советовал тебе забыть про все, а вы опять за грудки.

Иван Иванович тяжело вздохнул и, махнув рукой, выдал из себя:

– Да-а-а.

Командир наш живо вник в суть про-

исходящего, сначала молчал, затем высказался, адресовав все мне:

– Ты замечаешь, что мы уже конфликтуем: я с Астаховым в напряженных отношениях, Иван Иванович с Деминым. Тебе ничего не бросается в глаза?

– Не могу понять, к чему ты клонишь, командир.

– Все дело в том, что они оба твои друзья.

Да, я действительно не увидел такой связи. Да, они оба, и Астахов, и Демин, были моими хорошими приятелями. Но ведь и Шакиров, и Иван Иванович не менее близки, тем более что мы, кроме того, еще и один экипаж.

– Я тебя совсем не обвиняю в этом, да и не имею на это никакого морального права. Мы живем своим маленьким мирком и знаем только свои проблемы. Мы с кем-то ссоримся, но делимся наболевшим только здесь, вот в этой каюте, если, конечно, можно так назвать эту клетку. Проблемы есть и в других экипажах, но только они нас не касаются и до нас не доходят. Не выносят люди сор из избы. Мы знаем о конфликтах, касающихся всей нашей Команды, в которых, конечно, участвуем и сами. Но я случайно узнал, что и в экипаже Астахова тоже не все благополучно. Димка презирает меня, два брата из его экипажа очень крепко обижены двумя братьями из экипажа, в котором и рыжий Демин. Проблем много и других. Просто мы о них не знаем. Как велик мир! Миллиарды людей. И у каждого есть своя жизнь, свои заботы и проблемы. Но мы знаем или можем знать только те, которые касаются только нас, наших родных и близких, а также случайно увиденные или услышанные нами. Зато мы знаем глобальные проблемы. Средства массовой информации обязательно донесут их до нас или искусственно сделают их, вбивая нам в головы и дурманя мозги по воле политиков и больших руководителей.

Лежа в постели, я очень внимательно слушал Руслана. Хорошо говорит, однако. Умный и хитрый. Но только к чему все эти рассуждения? Какие, интересно, выводы он сделает из всего сказанного?

Руслан словно понял мои мысли.

– Так вот к чему я вам все это говорю, – продолжил он. – Наши проблемы нам и решать. Ну, не такие уж они и сложные. Ведь мы в один миг можем избавиться от них. Представьте, подошел бы я к Астахову и сказал: «Изви-

ни, Димка. Вожжа под хвост попала, вот и все неприязни. Давай лучше будем друзьями. У нас ведь есть дела и серьезнее, чем дуться друг на друга». И что бы он? Да он рад бы был и счастлив, что я первым пошел на компромисс и, сломив свою гордыню, протянул ему руку. И я уверен, что он стал бы одним из лучших моих друзей.

Так и ты, Иван Иванович, переломив свое самолюбие, поболтал бы с Деминым на отвлеченные темы пару раз, да пару раз уложил бы его на матах, а после обучил бы его самым простым способам защиты от приемов. Знаешь, как был бы он тебе за это благодарен. О крутых проблемах я не буду говорить, вы сами умные люди, дойдете своими головами. Одну из них мы решаем сейчас. Кто придумал ее, проклятую? Очень сложно будет от нее избавиться.

Он замолчал, молчали и мы с Иваном Ивановичем

– Вы что, спите? Кому же я тогда все это говорю?

Руслан выскочил из постели, щелкнул выключателем и увидев, что мы не спим, а на наших лицах маски рассуждений и задумчивости, довольно хмыкнул и даже улыбнулся. Все трое долго не могли заснуть, рассуждая молча, до головной боли. Встал с постели Иван Иванович, его долго не было, а когда пришел, сказал:

– На палубе был. Светает.

Большой стресс вернул Команду в нормальную жизнь. Люди стали дружелюбнее, внимательнее друг к другу, стали больше общаться. Пока среди людей в трюме шли разборки, авторитет Черного полковника среди офицеров Команды значительно возрос. На глазах у всех он нанес поражение службе внутренней безопасности, рискуя своим положением и даже большим. Он всех поставил на свои места и дал понять, кто у кого начальник.

Однако через пару дней спокойной, уравновешенной жизни череда происшествий потрясла Команду офицеров.

Ночью я проснулся от нездорового скрипа кровати под Иваном Ивановичем. Отойдя ото сна, я понял, что именно он так ворочается и сопит, словно с ним что-то происходит.

– Иван Иванович, ты что, не спишь? – полушепотом я задал вопрос, боясь потревожить Руслана.

– Ты знаешь, Руслана почему-то долго нет.

– Объясни подробнее, я не могу понять твое беспокойство.

– Все просто. Перед тем, как лечь спать, я заметил, что с нашим командиром что-то не то, но виду не подал. Слышу, ты храпишь уже, а Руслан ни одного звука не издает, чисто помер. Нарочно стал посапывать я, будто сплю. Тут он встал, ноги в тапки засунул и тихо так вышел. Думаю, что уже около часа нет его. Такого не было еще.

Мы оба с Иваном Ивановичем поднялись и сели, не зная еще твердо, что нам делать, как поступить.

– Может, дойдем до туалета, поищем его, – предложил я.

– Пошли, – согласился мой коллега.

Не одеваясь, лишь сунув ноги в тапки, мы вышли в прохладное чрево корабля. Дежурное освещение слабо мерцало в нескольких местах трюма, но этого света было достаточно, чтобы увидеть движущегося человека. Но движения не было.

Мы дошли до туалетов, долго лазили по лабиринтам среди кают, но на палубу подняться не решились. Молча, не сговариваясь, мы оба одновременно оказались у своей каюты, хотя лазили по лабиринтам в разных направлениях. Дверь каюты почему-то оказалась открытой, а я отлично помнил, как, стараясь не хлопнуть, тихо, но до щелчка прикрыл ее. Сердце тревожно заныло. Войдя в каюту, при слабом свете ночничка, мы увидели Руслана, лежащего в своей кровати. Только вот лежал он в странной и нелепой позе и, даже, поверх одеяла. Иван Иванович щелкнул выключателем и, мы с ним застыли от ужаса, голова Руслана, закинутая до предела назад, была вся в крови. Пучками слипшиеся волосы представляли страшную прическу на аккуратной голове нашего командира. Сгустки крови были размазаны по всей подушке.

Приникший ухом к груди Руслана Иван Иванович закричал во все горло:

– Живой! Живой! Сердце бьется!

Я выскочил за дверь и что есть сил побежал по лабиринту к каюте нашего доктора. Дверь была закрыта изнутри. Барабанный бой разнесся по всему брюху корабля. Когда доктор с испуганными глазами выглянул из двери, я, не соображая, что делаю, схватил его за голову, пытаюсь потащить за собой и,

естественно, получил приличный удар в лицо. Он-то и привел меня в чувство. Лежа на полу я закричал:

– Руслана Шакирова убили!

Доктор сразу сообразил, в чем дело, нырнул в каюту, высочил с чемоданчиком, помог мне подняться и так же, как и я, в трусах и тапочках, побежал вслед за мной.

Руслан уже стал приходить в себя, у меня с души свалился камень. Жив! Жив наш командир! Он лежал с широко открытыми глазами и с недоумением разглядывал спящих вокруг него людей. Доктор принялся приводить в порядок сознание Руслана. В эти минуты появился наш полковник. Некоторое время он молча наблюдал за происходящим, изредка облизывая пересыхающие губы. Он пытался самостоятельно разобраться в обстановке, но, видимо, это было непосильно даже ему. Он отвел меня в сторону и спросил:

– Объясните, что произошло?

Несмотря на то, что его потряхивало, внешне он выглядел спокойным. Я вкратце объяснился с ним. Он задумался и про себя сказал:

– Странно, что до сих пор нет ни одного человека из службы внутренней безопасности. Впрочем, может быть, ничего странного и нет вовсе.

Вся Команда собралась невдалеке от нашей каюты, молча стояли офицеры, ожидая разъяснения ситуации. Кто-то из ребят успел одеться, но большинство стояли в том, в чем застал их поднявшийся шум. Вышедший из каюты полковник попросил всех разойтись по каютам и лечь спать, поскольку ситуация сегодня еще не ясна, а пострадавший сообщить о чем-то не в состоянии.

– Поверьте мне, старому полковнику, что я обязательно доведу до вас о том, что сегодня, сейчас произошло. Я не обманывал вас никогда и ничего не скрывал от вас, но, обещаю, плохо будет тому, кто нарушил закон нашей Команды и нанес из-под тишка этот незаконный и страшный удар. Едва ли кто решился бы в открытом бою сразиться с этим богатырем. Так, что, по местам!

Оставшиеся около Руслана – мы с Иваном Ивановичем, доктор, Фирсов и сам полковник бережно, на руках, перенесли нашего командира в лазарет, ему требовался покой. Я, правда, отстаивал свою позицию и, требовал оставить Шакирова в нашей каюте, но меня, почему-то не захотели даже слу-

шать. А лазарет представлял собой немного уменьшенную каюту, оснащенную кое-каким медицинским оборудованием. Видимо, никто и думать не мог, что молодые, здоровые люди будут получать такие страшные раны прямо в корабле.

Уже к утру Руслан полностью пришел в себя, не было только сил подняться с постели, слишком велика была потеря крови. Он не мог также толково объяснить, что же произошло с ним прошлой ночью.

Мы с Иваном Ивановичем стали обыкновенными сиделками для нашего командира. Во время своего дежурства наш механик пытался любым способом услышать от Шакирова о случившемся, но, стоило ему попытаться залезть поглубже в душу командира, как тот совсем замыкался и, чтобы избавиться от назойливости, нашего добрейшего, а теперь и любопытнейшего Ивана Ивановича, он закрывал глаза и начинал сопеть, притворяясь спящим. Иван Иванович нервничал, злился на Руслана, но сделать ничего не мог.

Заняв место возле своего командира Шакирова, я даже не пытался говорить с ним. Всею свое время. В тишине и полумраке дрема стала накапываться волнами. Говорят, что замерзающий человек не чувствует холода, одно лишь блаженство пронизывает его тело и сознание. Засыпая, я испытал нечто подобное. Стыдно признаваться в этом, но куда деться: бессонная ночь, ужас происшедшего превратили мои нервы в какую-то тряпку. Я не выдержал и заснул на «посту номер один» для меня в данный момент. Мне стал снится сон: человек шел мне навстречу, тянул ко мне руки и голосом моего командира, Шакирова Руслана, просил выслушать его. Сон пропал мгновенно. Бледный командир смотрел на меня чистыми ясными глазами и чуть слышно говорил:

– Послушай меня, Виктор. Я ничего не хотел говорить при Иване и не сказал. Кто меня ударил – не знаю. Я не хочу ни на кого грешить. Но вчера я нечаянно встретился с твоим другом Астаховым Димкой. Мы с ним говорили на высоких тонах, со злобой. Он стал заметно сильнее, мне с ним уже не справиться. Я сам предложил ему прийти на встречу со мной ночью, чудный бой был бы, без свидетелей. Я по-разному думал, может быть, обнявшись в бою, мы простили бы друг другу нашу не-

приянь, но победителей там не должно было быть. Если бы выиграл я, никто в жизни бы не узнал об этом бое, но Димка стал бы мне другом, как и тебе. Я хотел угодить тебе, представь, Виктор. Повторяю второй раз, кто меня ударил – не знаю. Я прошел метров десять, не больше, как все кончилось. На Димку я не грешу. Не должен был он так сделать, чтобы из-под тишка, не в его характере это. А, впрочем... Чем черт не шутит. Может, перегорело что-то. Ты его друг, ты сможешь понять: делал он это или нет. Узнай, и можешь не говорить мне. Я уверен, что ты поступишь справедливо.

Его слова разжалобили меня до крайности, и я, взяв его холодную руку и пожав ее, поклялся, что поступлю именно так.

– А теперь иди. Я чувствую себя много лучше. Я буду спать. Зачем тебе здесь сидеть? Иди, отдыхай.

Я попытался возражать, но Руслан настойчиво просил меня уйти.

– Вот настырный татарин! – заворчал Иван Иванович. – Сам весь этот переполох организовал, за ним ходят, как за ребенком, а он рожу морщит.

Затем, повозившись в постели, по сопев, он заговорил со мной:

– Скажу по секрету, не хотел, но скажу. Я случайно вчера увидел, как они с Астаховым друг друга за грудки держали. Далеко было до них, не мог слышать, что они могли говорить друг другу. Ясно одно – ничего хорошего. Может, это последствия того разговора? Хотя, едва ли. Тут что-то другое.

Он поворочался, скрипя кроватью, потом смолк, видимо, заснув. А я еще долго лежал и до головной боли размышлял обо всем и обо всех.

Полковник Грохотов в это время, будучи очень озабоченным и расстроенным случившимся происшествием, сидел за своим столом в большой палатке. Он анализировал действия своих бойцов, офицеров внутренней службы безопасности, свои действия, опущения и промахи в руководстве Командой, искал причины и возможных участников сегодняшнего преступления, чуть не унесшего навсегда одного из лучших офицеров его Команды. Если так пойдут дела дальше, можно подставить под удар выполнение всего задания. Допустить этого нельзя.

Офицеров службы внутренней безопасности в эту ночь он так и не дож-

дался. Лишь под утро дверь в конце длинного коридорчика открылась, предвзвременно щелкнув замком, и перед полковником появился пухленький майор. Он обыденно поздоровался и, приостановившись напротив Грохотова, озабоченно спросил:

– Что случилось, Александр Иванович?

Полковник поднял на майора ненавидящий взгляд:

– Какой я тебе, к черту, Александр Иванович? А что случилось, я хотел бы знать от тебя, майор.

– Но, но! Вы, никак, пьяны?

– Ну-ка, доложите мне, майор, кто совершил покушение на моего офицера? Не ваших ли рук это дело?

– За такие подозрения вы ответите, товарищ полковник. А что, он погиб?

– Да нет, живым, к счастью, остался.

– Как? Ведь... – растерялся майор.

– Да так! Ведь! Не добились вы его. Немного оклемаются – для меня все будет ясно. Вот тогда-то я и сделаю правильные выводы.

– Блефуете, полковник? В таком случае дозволейте мне с ним переговорить. Что усмехаетесь, ведь я все равно его найду.

– Не найдешь, майор. Офицеры боятся, что какой-то враг внутри нас действует. Даже я не смог к нему пройти. Он, пострадавший лейтенант Шакиров, единственный свидетель покушения на убийство. Ты понял меня, майор? Не пущай тебя туда. Не советую тебе рисковать, майор, пропадешь. Продолжение нашего разговора будет там, после, на «Большой Земле». Не отдам я вам ни одного своего офицера, потому что мне нужно выполнять Боевой Приказ. И этим все сказано. С этого времени все ваши действия против членов Команды, буду характеризовать действиями, направленными на срыв выполнения Боевого Приказа. Все! Вы свободны, майор!

Такая постановка дела в корне меняла взаимоотношения командира с офицерами службы внутренней безопасности. Но это была палка о двух концах. Служба внутренней безопасности обладала большим авторитетом и влиянием, поэтому любые ссоры с ними и даже просто охлаждение отношений могли принести большие осложнения в службе и жизни офицера. В том, что охрана нужна, никто не думал сомневаться. Но порой срывает человека

кий фактор, и люди из этой структуры начинают злоупотреблять служебным положением, что вскоре в обязательном порядке приносит зло, превращающееся в беду для людей.

С другой стороны, этот человеческий фактор может принести еще большее зло, стоит только проявить слабость и позволить этой службе творить произвол в Команде.

Они приданы для того, чтобы содействовать выполнению боевого задания, но до сих пор все происходило почему-то наоборот. Лучшие офицеры подготавливаются в крамоле, да еще этот сегодняшний вопиющий случай. Стопроцентной уверенности в участии охраны в попытке убить лейтенанта Шакирова, конечно же, нет, но слишком уж беспощадны факты, они почти полностью подтверждают это. Так рассуждал полковник, склонив свою темноволосую тяжелую от тяжелых мыслей голову.

– Товарищ полковник, перекусили бы, – слышался голос майора охраны.

Полковник вздрогнул и поморщился, поднимая глаза на стоящего перед ним майора. Этот голос в последнее время стал раздражать его.

– Товарищ полковник, нам с вами есть о чем поговорить. Давайте отбросим амбиции и, как говорят, сядем рядком, да поговорим ладком. От этого разговора, я думаю, будет польза для всех, кто участвует в Походе.

– Да-да. Схожу, поем и давайте встретимся с вами здесь через двадцать минут, – выдал из себя Грохотов, взглянув на часы.

В столовой полковник просидел эти двадцать минут, несколько раз ткнул вилкой в тарелку и сделал несколько глотков горячего крепко заваренного чаю.

Вернувшись в палатку, полковник застал майора сидящим за столом, он не уходил в ожидании Грохотова

– Я буду внимательно слушать вас, майор.

– Начну с того, что я действительно не доверял вашему офицеру Шакирову и, пожалуй, даже переборщил, возводя его в ранг своего личного врага. Он, вместе с этим белокрысым лейтенантом нанес мне, скажем банально, телесные повреждения. И не только мне, но и моим сотрудникам, поставив их на колени. Нам есть за что их ненавидеть. На протяжении всей моей службы не было еще такого случая, чтобы кто-то

поднял руку на офицеров службы. Ну, да ладно, я понимаю, что здесь совершенно другая обстановка, что люди, то есть ваши офицеры, идут в неизвестность, на ставку у которой их жизнь. И даже, возможно, жизнь всей Команды. Поверьте, полковник, я тоже понимаю, как трудно рисковать жизнью в их совсем еще юные годы. И я уважаю и ценю их всех. Но я не хочу, чтобы умы ваших офицеров поразил вирус и сорвал выполнение Боевого приказа. Встряска нужна периодически всем нам, я по себе чувствую, что от постоянной работы с людьми и у меня стали сдавать нервы. Даю вам слово, полковник, что если наше дело закончится благополучно, при возвращении на Родину я напишу рапорт на увольнение. Пусть мое место займет офицер моложе меня, а более крепкими нервами и более здравым рассудком.

Полковник не ожидал услышать такой откровенной исповеди от майора, он смотрел ему прямо в глаза, почти не моргая и лишь кивая головой, как будто в одобрение услышанных умных мыслей.

– Так вот, – продолжал майор. – Лейтенанта Шакирова мы подобрали недалеко от его каюты примерно в полночь. Он валялся в луже крови. Да, мы допустили целый ряд промахов, мы не разобрались по горячим следам с преступником, посчитав, что Шакиров убит. Затем, воспользовавшись отсутствием в его каюте остальных членов его экипажа, мы просто подсунили тело лейтенанта, уложив его на первую кровать, и срочно убрались, не желая, чтобы у офицеров возникли подозрения в нашем участии в убийстве. Тем более что свежи в памяти события предыдущих дней, где мы, в том числе и я, вели себя довольно некорректно, в чем я признаюсь и раскаиваюсь. Затем мы скрытно перешли в нашу каюту и до утра решали задачу с одним неизвестным – убийцей. Метод исключения позволил нам получить кое-какие результаты. Ваш лейтенант Шакиров в предыдущий день имел малоприятный разговор с лейтенантом Астаховым. Их неприязнь длится долго. Стремление к лидерству в единоборстве привело к ненависти, что очень не характерно для спортсменов и для спорта в целом. Люди, упорно сражавшиеся за лидерство, обычно становятся друзьями или в худшем случае остаются хорошими знакомыми. Здесь же происходит что-то парадок-

сальное. И в итоге первым подозреваемым в покушении на убийство Шакирова мы считаем командира Астахова, как ни неприятно вам это слышать. Вот, пожалуй, и все.

Полковник Грохотов долго сидел молча, переваривая полученную от майора охраны информацию. Он не ожидал услышать то, что услышал.

– Спасибо, майор, за откровенность. Жаль, что мы с вами потеряли много времени в междоусобной борьбе. Возможно, не было бы никакой крамолы, как вы говорите, будь мы открыты друг для друга и сговорчивы. Время еще есть, ежедневные консультации при наших встречах утром и вечером принесут пользу. Легко будет нам с вами работать. А пока наша главная цель – найти по своим каналам преступника. Так что, до вечера, майор.

Полковник был рад, что состоявшийся разговор дал положительные результаты, но виду не подал, пусть знают, кто здесь старший. Несмотря на то, что он располагает полной поддержкой всей Команды, иметь врагов в лице офицеров службы внутренней безопасности крайне нежелательно. С ними лучше жить в мире и согласии. Даст бог, после сегодняшнего доверительного разговора с начальником этой службы события на корабле будут только предвиденными.

Вечером, предупредив Ивана Ивановича, я зашел в каюту Астахова. Мое появление, как мне показалось, чем-то испугало всех троих. Конечно, не испугало, «таких» ничем не испугать. Просто мой приход по какой-то причине смутил ребят, в основном самого Дмитрия. У меня на душе заскребли кошки, стало почему-то не по себе, разыгрались фантазии: тут что-то не так. Но как стало легко, когда Володька Николаев, скажу по-честному, человек беспардонный, грубо рявкнул на меня:

– Предупреждать нужно, что приедешь. Карты прятать приходится. Только расписали. Ладно, не обижайся. Кстати, садись, как раз комплект с тобой будет.

Я не мог удержаться от смеха, когда понял, что они сидели на картах и сейчас, успокоившись, доставали слегка смятые картинки атласных карт из-под мягких мест. Дима, как будто оправдываясь, сказал:

– Перед Грохотовым было бы не-

удобно. Сам ведь знаешь, что он запретил азартные игры. А без стука в нашу дверь может войти только он. Да вот ты еще. Он бы сразу понял. Крупно было бы неловко и стыдно. Да мы очень редко играем, так, от случая к случаю.

Владимир схватил меня за рукав и одним движением усадил рядом с собой на кровать.

– Да садись ты! Ближе к телу, как говорил «турецкий подданный».

Я хотел было отказаться, но подумав, согласился, посчитав, что в непригодной обстановке больше можно услышать, хотя бы даже в репликах. Так оно и вышло, пока Владимир сдавал карты, его брат Виталий поинтересовался:

– Как там ваш командир себя чувствует?

Астахов исподлобья внимательно смотрел на меня, словно наблюдал за моей реакцией на этот вопрос. Я совершенно случайно уловил этот взгляд боковым зрением и, когда взглянул на Дмитрия, тот немного с запозданием опустил свои глаза в карты. Мои подозрения усилились.

– Чего молчишь? Не разобрались еще, кто его так трахнул?

– Да нет, не слышно пока ничего, – внезапно заволновавшись, ответил я, желая, однако, быстрее избавиться от вопросов, касающихся моего командира.

– Ты знаешь, где он сейчас находится? – настойчиво продолжал задавать вопросы Виталий.

– Тебе-то зачем это нужно? Сиди да молчи, – резко повысив голос, сказал Астахов, сверля глазами Виталия.

Виталий словно остолбенел и, глядя широко открытыми глазами на Астахова, с дрожью в голосе произнес:

– Так ведь... Так ты же сам хотел, чтобы...

– Заткнись! И гляди в карты. А то, честное слово, понос слов тебя прошиб.

Мне стало совсем не по себе. Я смотрел на карты, на которые и смотреть-то не хотелось, чтобы только не встретиться взглядом с Димой, которого в этот момент считал основным злом в истории с Русланом.

Игра у меня не клеилась. Володя, в ходе игры, несколько раз с упреком говорил мне:

– Ну, ты, офицер, кто же тебя так играть учил?

– Ну, парень, ты даешь!

– Да при такой игре школьник тебе зад надерет!

Эти реплики никак не действовали на меня, потому что в голове засела заноза: «Здесь тот, именно здесь тот, кто покушался на Руслана Шакирова!» Эта бредовая идея лишила меня рассудка, и я сделал вид, что, проигрывая – заволновался, бросил карты на середину стола и, извинившись, направился к двери. Позади – тишина, затем тот же Виталий:

– Что это с ним? Я никогда его таким убитым не видел.

Ему никто не ответил, видимо, просто пожали плечами.

Придя к себе в каюту и увидев заулыбавшегося при моем появлении Ивана Ивановича, словно сто пудов с плеч скинул. Расположившись рядом с ним, я молча обнял его одной рукой за плечо.

– Что за сентиментальности? – удивился Иван Иванович.

– Да так. Как там у нас командир, не слышал, Ваня?

– Ба, да никак, тебя в гостях угостили?

– Нет. В гостях хорошо, а дома лучше. Так все же, как дела у командира?

– Я недавно пришел от него. Все неплохо, да боюсь, что у него с головой не все нормально будет, – ответил Иван Иванович, освобождаясь от моей руки.

– Откуда такой вывод? Что-то заметил?

Иван Иванович поднялся с кровати, несколько раз прошелся по крохотной каюте, затем, так и не ответив на мой вопрос, перевел разговор на другую тему.

Что ж, значит так надо, посчитал я. Мне тоже необходимо все узнать точно, прежде чем обнародовать свои домыслы. Слишком уж обвинение серьезно.

Засыпая, я представил себе Шакирова, который нес какую-то чушь, и Ивана Ивановича, сидящего рядом с ним и распустившего уши.

Ночью, проснувшись от неистового храпа Ивана Ивановича, я наугад метнул в него тапочкой в темноте, но не попал, храп продолжался. Вторая попала в цель, храп прекратился, но слышались матерки, затем – сонное сопение.

Утром нужно будет проснуться раньше Ивана Ивановича, да собрать тапочки, не то обидится наш добрейший.

Все-таки, как меняются характеры людей. Вот и наш спокойный и добрый Иван Иванович стал вспыльчивым и неуравновешенным человеком, мне кажется, способным на все. Гнетет обстановка. Разговоров о предстоящей «Работе» практически нет. У остальных офицеров, думаю, как и у меня, в душе становится пусто и гадко. Подсознательно становишься злее. Может быть, для пользы дела правильно, что в Команде создана такая обстановка. Важно, чтобы воин был воином, а не «рохлей», ведь там, где мы скоро будем, нужны бойцы сильные, воинственные и подготовленные до автоматизма.

Утром следующего дня в столовой я обратил внимание, как наш тренер, лучше сказать старший в группе подводников лейтенант Фирсов, завтракая, прижимал к правому глазу носовой платок. Лево́й рукой есть было неудобно, он долго мученически тыкал вилкой в разбегающиеся по тарелке макароны, чертыхнувшись, отодвинул от себя тарелку, попил чай и быстро ушел. На утренней тренировке его не было.

Демин в перерыве подсел ко мне и, сбивая пальцами капли пота с бровей и носа, заметил:

– Ты видишь, тренер отсутствует. Вчера поздно вечером у него конфуз вышел. Я вижу, он в галю́н направился, дай думаю, подожду, поболтать захотелось. Тебя ведь не отыщешь, Иван Иванович в каюте один, как сыч, сидит, да бумажки какие-то перебирает. Ну, так вот, увидел Фирсова, жду. Думаю, не долго же он там просидит, а его все нет и нет. Иду тихонечко, думаю, навстречу попадетсЯ. Смотрю, стоит недалеко от галю́на и платочком глаз протирает.

– Чего, – говорю. – В глаз прилетело? Он вздрогнул и посмотрел на меня, а у него... Не поверишь, вот такой синяк в пол-лица.

– Кто это так приложился к тебе? – спрашиваю. – Могли ведь и убить.

– Сам не знаю, – отвечает. – Подхожу к галю́ну, обычно вон в ту крайнюю кабинку хожу, а там фонарь не светит. Лампа, что ли, перегорела, темнота с краю. Только подумал, что легко в такой темноте в глаз получить, и на, вот тебе, тут же искры из глаз посыпались, у меня даже сознание на миг помутилось. Ничего понять не могу, что произошло. Главное, никто не вышел ко мне и не подходил больше. За что, про что и кто это сделал, в голову не возьму.

Мы с ним сразу облазили там все

закоулки. Нет никого. Странные дела творятся.

В послеобеденный перерыв я, заинтересованный вчерашними высказываниями Ивана Ивановича насчет Шакирова, решил сходить к своему командиру, благо наш экипаж мог беспрепятственно проходить в палату, где он находился. Пройдя через каюту медика, свернул за шкафом вбок, отодвинул висящую на стене штору и с ужасом обнаружил в палате пустую постель Шакирова. Что случилось? Слишком уж спокойно было вокруг нашего командира в последние дни. Я было уже хотел кричать, звать медика, но услышал чистый и спокойный голос своего командира:

– Ты зашел неожиданно, Виктор. Проходи, присаживайся. Видишь ли, сейчас можно всего ожидать на фоне творящегося в Команде. А я тебя с нетерпением жду.

Руслан, как тень, появился из темного угла палаты, крепко пожал мне руку и сразу же лег на кровать. Я сел рядом на стул.

– Как здоровье, Руслан? Что с головой?

– При чем тут голова?

– Да Иван Иванович...

– Ах, Иван Иванович, – засмеялся Шакиров. – Пришлось перед ним комедию разыграть. Опасаюсь, почему-то, его любопытства, до чего он проницателен. Да и не так прост, как кажется. Забудем это дело, но ему пока не нужно полностью доверять. Может быть, это слишком глупо с моей стороны, но поверь, Виктор, я не хочу получать второго удара, а главное, не хочу умирать просто так, задаром, не как воин. Чтобы не обидеть его, я и прикинулся дурачком.

После короткого молчания Руслан вопросительно взглянул на меня, я понимал, что он ждет.

– Руслан, я кое какие выводы сделал, но обвинить людей сразу, так просто, в смертном греху пока не могу. Мне нужно проверить еще раз.

Шакиров после этих слов будто одурел. Он схватил меня за куртку, подтащил к себе и, глядя мне в глаза, зашептал, скорее, зашипел, обдавая мое лицо своим огненным дыханием:

– Говори, кто?

Я с трудом оттолкнул его от себя.

– Прости, Руслан, но я должен проверить еще раз.

– Я подозреваю, что это твои дру-

зья так обошлись со мной. И даже после всего происшедшего ты боишься травмировать их своими подозрениями. Но пойми, что своим молчанием ты предаешь меня.

Затем он как-то обмяк и сидел на кровати молча и опустив голову.

– Я обещал тебе помочь разобраться. Ну, а вдруг мои подозрения ошибочны и преждевременны. Да и тебя таким бешеным я еще никогда не видел. Оговорю я кого-то, а ты пойдешь да наломаешь дров. Подожди, все выясним.

Слушая меня, мой командир утвердительно качал головой и, наконец, выдал из себя:

– Ты прав. Ты, как всегда, прав.

Через минуту молчания я поднялся, тронул плечо Руслана и вышел из каюты. На душе было очень беспокойно. Но правильно сделал я, что ничего не сказал Руслану об экипаже Астахова. Правда, он их заподозрил. Не натворил бы что. Меня успокаивало то, что он слишком умен для всяких необдуманных поступков.

На одном из поворотов между каютами я неожиданно встретился с Фирсовым. Тот продолжал прижимать к щеке большой платок, обильно смоченный остро пахнущим одеколоном. Я думал, что он свернет с моего пути, стыдясь своих синяков, но получилось наоборот. Он обрадовался, увидев меня, и, подойдя вплотную, коротко сказал:

– Поговорить надо.

– Говори.

– Да нет. Зайдем к вам в каюту. Там никого нет.

Расположившись на моей кровати, мы принялись деловито обсуждать вчерашнее происшествие с Фирсовым. Я ни словом не обмолвился о том, что слышал от Демина, сделав вид ничего не знающего и почти постороннего человека.

То, что я уже слышал, меня не тронуло, но когда Фирсов уверенно заявил, что, войдя в темноту гальюна, он почувствовал запах лосьона со своеобразным оттенком, мое сознание напряглось до такой степени, что тряслись все мышцы.

Я вспомнил, но не сказал вслух, что о каком-то запахе говорил и мой командир, приходя в сознание после страшного удара.

– Вспомни запах, – попросил я у Фирсова. – Или, почувствовав его, не

делись ни с кем и подойди ко мне, пожалуйста. И еще, запомни, от кого он исходил. У меня тоже есть кое-что об этом запахе.

В эту минуту в каюту вошел Иван Иванович, и нам пришлось прекратить разговор.

– Ну, чего замолчали? – Иван Иванович наступал, как медведь. – Все в тайны играет?

– Иван Иванович! Ну разве могут от тебя быть какие-то тайны? Видишь, поллица чуть не снесли. Вот и думаем, кто мог это сделать?

– Наслышан об этом, – с ехидной улыбкой заявил Иван Иванович. – Только все же интересно, кто это на тебя так зол. У тебя самого, нет на этот счет соображений?

– Врагов у меня нет. Пожалуй, вот только неприязнь к службе внутренней безопасности.

– Вот-вот! У Руслана все неприятности начались именно после конфликта с этой службой, – напомнил Иван Иванович.

Слова Ивана Ивановича заставили всех задуматься.

– Ладно. Словья баснями не кормят, – вставая, сказал Фирсов и, кивнув головой в сторону двери, предложил мне выйти из каюты.

– Секреты, одни секреты. Когда я вошел в каюту, у вас у обоих на лицах было написано, что вы секретничаете. Ну и пусть. У меня тоже есть свои секреты, – ворчал нам вслед Иван Иванович.

– Я хочу сам вспомнить тот запах, – начал Фирсов, когда мы отошли на значительное расстояние от дверей, за которыми остался Иван Иванович.

– Видишь ли, может быть, твой коллега и прав, что после конфликтов с охраной и происходят все эти чудеса. Каким-то образом неплохо было бы обнюхать этих людей, только мне к ним путь заказан, я от них уже натерпелся. – Он вопросительно посмотрел на меня, молча прося помощи.

– От каждого человека чем-то пахнет, ты же знаешь, что редкий офицер из нашей команды не пользуется после бритья чем-то из парфюма. Утром в столовой добрый десяток ароматов унюхаешь. Дай мне ориентировку на запах, ну, например, я пользуюсь после бритья одеколоном «Эллада», кто-то лосьон «Огуречный» предпочитает или...

– Дорогой ты мой! – Захлебываясь от восторга, шептал мне Фирсов. – Сам

того не подозревая, ты подсказал мне запах – это огурец. Но опять же, меня ударили ближе к полуночи.

– Ну и что? Есть же люди, которые бредут на ночь, чтобы утром сэкономить эти десять – пятнадцать минут и понежиться в постели или сон доглядеть, – подсказал я.

– Все. Мне кажется, что я стал понимать, как здесь все сложно. Выходит, что меня ударил тот, кто бреется по вечерам и пользуется лосьоном «Огуречный», а утром этого запаха уже не будет. Виктор! Помоги! Найди повод, чтобы попасть к службе безопасности перед самым сном. Вдруг повезет.

Глянув на страдальческое лицо Фирсова, я заявил:

– Что, вы сговорились, что ли, все? Делаете из меня дознавателя, сыщика какого-то. Но ведь я не Пуаро и полномочий никто мне в сыске не давал.

– Кто это, все?

– Ладно, замнем, – переводя разговор в другое русло, изрек я банальную фразу. – Я готов тебе помочь, но прошу, не задавай лишних вопросов. Я сегодня же найду повод зайти к нашей службе.

Фирсова подмывало все-таки меня попытать, но, видимо, обдумав мои категорические обещания, решил не будить во мне зверя.

– А я верил, что ты не откажешь мне в помощи, потому и пошел сразу к тебе. Дай бог, чтобы все сложилось. Удачи тебе!

Мы хлопнули по рукам и разошлись. Фирсов почувствовал, наверное, облегчение, а у меня появилась новая забота.

Даже в самые трудные моменты послеобеденной тренировки из головы не выходило мое обещание Фирсову посетить каюту службы безопасности и, грубо говоря, обнюхать этих людей.

Они не дураки, и если я стану вешать им «лапшу на уши», очень быстро последуют неприятности. Тем более мне будет плохо, если хотя бы один из них причастен к двум последним происшествиям. Что придумать? Что?

Порядочная и, как мне показалась, правильная идея, появилась только после ужина. Я сам был удивлен тем, что так мало нужно для того, чтобы сделать все просто и обойтись малой кровью. Но вариант был беспроигрышный. Ближе к отбою с бьющимся от волнения сердцем, я подошел к большой командирской палатке и осторожно заглянул в проем двери.

Грохотов сидел за столом и что-то писал. Так он мог просидеть глубоко за полночь. Ну, уж не повезло, так не повезло.

В отчаянии я заглянул в палатку еще раз и обмер...

За столом уже никого не было, лишь слышно было, как щелкнул замок двери каюты командира.

Выждав несколько минут, я вошел в дверь палатки и быстро направился к темному и длинному коридорчику, в глубине которого находилась дверь в каюту офицеров службы внутренней безопасности. Сердце стучало громче большого войскового барабана, но отступать уже было нельзя.

Подойдя к двери, я немедленно постучал. За дверью послышалось:

– Кого-то черт принес. Кому там не спится?

Однако щелкнул замок, и дверь открылась. Один из офицеров службы стоял в проеме приоткрытой двери, внимательно рассматривая меня.

– Вы что-то хотели? – спросил, наконец, он, хотя этого вопроса можно было и не задавать. Интересно, кому бы в голову могло взбрести стучаться в эту дверь просто так?

Я кивнул:

– Дело в том, что вопрос очень серьезный.

– Серьезными вопросами занимаемся мы, – самоуверенно и надменно заявил офицер. Мне показалось, что войти внутрь каюты сегодня не удастся.

Издали донесся голос старшего офицера:

– Ну-ка, запусти сюда этого офицера. Возможно, от него услышим что-то полезное.

От этих слов мне стало гораздо легче и спокойнее. Войдя в каюту, я сразу обратил внимание на то, что обстановка в ней гораздо богаче, чем в наших экипажных каютах. За столом перед зеркалом сидел один из офицеров и скоблил безопасной бритвой свой намыленный подбородок. Рано пришел, зло подумал я. Когда-то он закончит эту процедуру? Остальные военные сидели или лежали поверх одеял и ко сну еще не готовились. Майор полулежал на двух больших подушках, а я зло подумал, что несправедливо так. Дискриминация какая-то. Мы же все офицеры, выполняем одно задание, а живем далеко не в одинаковых условиях. Майор усадил меня на стул возле себя.

– Слушаю вас, – пристально глядя

мне прямо в глаза, сказал он. Я было подумал, что он сейчас начнет вспоминать совсем недавние разборки, когда на нас с Шакировым были направлены стволы их пистолетов, но он оказался порядочнее. Он только внимательно выслушал мои соображения по поводу странных запахов перед покушениями на Шакирова и на Фирсова. Майор после моего короткого сообщения даже привстал с подушек и сказал:

– Да, в этом что-то есть!

Офицер за столом закончил бриться и стал обильно поливать свое лицо зеленоватой жидкостью из прозрачного флакона. По каюте расплзался запах «Огуречного» лосьона.

– А бреется-то он на ночь! – молнией мелькнуло в голове у меня.

– Ну, вот и все, – размышлял я, лежа в своей постели.

Спать не хотелось. Иван Иванович мирно посапывал, изредка переходя на храп, но это мне не мешало. Скорее, наоборот, слыша его сопенье, мне до смерти хотелось разбудить этого, по сути дела, ставшего уже почти родным, человека. Кому же, кроме него, я могу сообщить о том, что увидел и услышал за последние сутки? Единственное, что сдерживало меня, это недоверие Шакирова к Ивану Ивановичу. Я боялся совершить очередную ошибку и вызвать ненависть ко мне у своего же командира.

Чем больше я размышлял, тем больше осознавал свою беспомощность. Рассказать о своих выводах полковнику Грохотову? Это я, конечно, смогу. Но какой от этого будет прок? Что сможет сделать Черный полковник, если офицеры внутренней безопасности сами стали убийцами? Настроить Команду против них? Сделать бунт на корабле? Никто на это никогда не пойдет. Проще будет забыть обо всем случившемся. Впереди главная цель нашего похода – выполнение Боевого Приказа.

Ночь оказалась для меня не отдыхом, а сплошным кошмаром. Сон смешался с дремотой и жизнью. Лежа в темной каюте, я не мог избавиться от дурных мыслей, сплошная карусель которых продолжалась даже во сне, длящемся какие-то мгновения. Просыпаясь, я радовался, что избавился от ужасов, но мысли опять возвращали меня в эти же кошмары. Одурев от них, я снова засыпал, продолжая видеть тот

же самый сон. Холодный пот насквозь промочил все постельное белье. Сновидения, наконец-то, закончились, и я, наверное, впал в беспамятство.

Очнулся оттого, что кто-то увесисто бил меня по щекам.

– Что же это такое происходит? – судорожно рассуждал мой, еще не совсем проснувшийся мозг. – Ну вот, добрались и до меня. Нужно ведь что-то делать.

Сконцентрировав все оставшиеся силы, я вцепился мертвой хваткой в горло бьющего меня человека, который обмяк в моих руках через мгновения. Реальное сознание пришло в мою голову. Что же это я делаю? Кого задушил? Слава богу, тело, лежащее поперек меня, хрипло дышало. За переборкой слышалась какая-то беготня, топот ног и крики. Я стал выбираться из-под навалившегося на меня человека, и в этот момент, дверь под сильным натиском распахнулась, через секунду вспыхнул свет, и передо мной оказалось круглое бритое лицо офицера службы внутренней безопасности, от которого довольно сильно пахло лосьоном «Огуречный».

Ну что могу думать я в этой ситуации? Мгновенно выскочив из постели, при этом тело мягко свалилось с меня на пол, я схватил одеяло с кровати Шакирова и, накинув его на службиста, после небольшой борьбы спеленал того, для надежности перевязав «куклу» полотенцами. Связанный офицер что-то кричал, но мне некогда было его слушать, поскольку в дверь ворвался еще один из офицеров безопасности, который все же умудрился лишить меня сил ударом по склоненной шее. Он выхватил пистолет, воткнул ствол мне в висок и зло кричал:

– Что, сука, делаешь? А ну, развязывай, сволочь!

Обессиленными руками я с трудом развязал затянутые узлы полотенца. Выпутавшись из одеяла, офицер службы безопасности чем-то тяжелым, видимо пистолетом, ударил меня по голове, лишив сознания. Когда очнулся, почувствовал, что меня волоком тащат по узкому коридору между переборок и дверей кают. Ноги порой цеплялись за что-то, но сильные руки готовы были отделить мое брэнное тело даже от ног. Вдоль всего коридора стоял строй из людей, офицеров нашей Команды. Я поднял голову, чтобы взглянуть в лица моих друзей, но это только еще боль-

ше убило меня. Офицеры молча смотрели на мое залитое кровью лицо, одни – с сочувствием, другие – с открытой ненавистью и злобой, кое-кто отводил свой взгляд в сторону. Несмотря на полнейший сумбур в голове, я пытался понять, что же все-таки произошло со мной, но не смог.

Около командирской палатки один из тащивших меня быстро и зло сказал почему-то голосом моего друга Володи Николаева:

– Сволочь! Будь на то моя воля, выбросил бы тебя за борт к акулам!

С другой стороны кто-то сильно ударил прямо в висок, сознание на миг помутилось.

Дотащив меня до стола командира, они, эти двое, бросили мое полуживое тело на пол. Чье-то знакомое лицо приблизилось ко мне и, я с радостью понял, догадался, что это наш командир. Да, это наш Черный полковник! Только вот фамилию его я отчего-то не смог вспомнить.

Я, увидев, что его губы шевельнулись, пытался улыбнуться, но получилась лишь страшная гримаса.

– Скажите, за что так-то? – прохрипел я.

В глазах запрыгали мурашки, пол стал вздыбливаться то с одной, то с другой стороны от меня, словно за бортом был страшный шторм, но вскоре море успокоилось, и отчетливо стал слышен гомон большого количества людей. Послышался голос нашего Ивана Ивановича:

– Слово даю, что он не выходил из каюты.

– Врешь, подлец! – раздался визгливый голос майора из службы безопасности. – Порука! Защищаешь убийцу! А ведь он тебя чуть не убил!

– Я еще раз повторяю, он из каюты не выходил. Он был болен, бредил всю ночь. Это вы его довели, скоты, – спокойно продолжал Иван Иванович.

– Этот убийца вчера вечером к нам в каюту приходил, чтобы стрелки перевести на других, почву для этого преступления готовил. Хитер! А за «скотов», погоди, крепко расплатишься!

Отлежавшись на холодном армированном полу и слегка ожив, я зашевелился и стал подниматься, встав сначала на четвереньки, и наконец, ухватившись за стол, поднялся на ноги. Говорившие офицеры смолкли, лишь Иван Иванович, подойдя, обхватил меня сво-

ими крепкими руками, чтобы я не завалился снова на пол.

За столом командира сидел сам полковник, рядом расположились все офицеры службы безопасности. Майор непрерывно о чем-то шептал Грохотову, периодически кивая в мою сторону.

– Вы сможете прокомментировать события сегодняшней ночи? – спросил полковник, обращаясь ко мне.

– О чем вы хотели бы услышать? – немного подумав и собравшись с силами, уточнил я.

– Все, что вы помните.

Медленно, с передышками, я рассказал всем присутствующим обо всем, что произошло со мной, начиная с последнего разговора с Фирсовым. Майор несколько раз пытался высказаться в мой адрес, но жесткая рука полковника прерывала все его попытки одним лишь движением.

Когда я замолчал, закончив свое изложение, долго еще никто не произнес ни одного слова, и мне показалось, что в самом большом раздумье оказался сам полковник Грохотов.

За пределами палатки людской гомон не унимался, а вскоре и вовсе превратился в «Новгородское Вече» с отдельными выкриками и ругательствами. Никто из службы не решился в этот момент даже выглянуть за брезентовую штору. Грузно поднялся из-за стола лишь полковник и не менее грузно зашагал к выходу. Он подошел к шторе, но та вдруг с силой распахнулась сама, и, чуть не сбив Грохотова с ног, в палатку ворвалась тройка вцепившихся друг в друга офицеров Команды.

Это был деминский экипаж в полном составе, но теперь он выглядел не совсем как всегда. Двое похожих на медвежат, офицеров, заломив с двух сторон руки Демина, тащили его, изрыгающего страшные проклятия, к тому же столу, около которого находился и я, как к плахе тащат обреченного на смерть человека.

– Это еще что такое? – возмутился майор из службы безопасности.

Полковник Грохотов, прислушавшись к гортанным выкрикам Демина, хмуро свел брови и тихо, будто только для себя, сказал:

– Вот когда становится все понятно.

«Медвежата» продолжали держать Демина с заломленными руками, а тот, с искаженным лицом и ледяными стеклянными глазами, брызгая слюной, из-

рыгал проклятия и в адрес своих коллег, сдерживающих его, и офицеров безопасности, и всех бойцов Команды.

– Ну-ну! Лейтенант, успокойтесь, – сказал подошедший полковник, хлопнув Демину по плечу. – Отпустите его, ребята.

– Товарищ полковник, нельзя его отпускать, он сумасшедший, он убийца. Он убил Николаева Виталия, – тяжело дыша, сказал один из братьев.

– Кого, кого убили?! – недопоняв, спросил я, но мне не ответили.

Измученный майор стал медленно приподниматься со стула, не сводя глаз с Демина.

– Это страшное обвинение, ребята. Вы уверены в этом?

Но ребятам не пришлось что-то доказывать. Демин все понимал и, понимая, все же утверждал:

– Мало я успел сделать. Только одного грохнул, а тех двоих не добил. Обидно! Я не хочу воевать и умирать не хочу. Не удалось мне сорвать все ваше мероприятие, но видит бог, я хотел остановить бойню. Сволочи, отпустите мои руки. Неужели вы, слепые котята, не видите, что посланы в мясорубку, а во имя чего?

– Хватит, Демин. Ведите его в эту комнату, ребята, – майор указал на дверь. – Разрешите, товарищ полковник?

– Предупреждаю, майор, чтобы все было по закону, – согласился Грохотов.

Услышав последние слова полковника, уверенный в своей неприкосновенности Демин взвыл, будто кто-то специально наступил ему кованым ботинком на мозолистую ногу. Он задергался, вырываясь, но захлопнувшаяся дверь все же полностью изолировала «блудного сына». Даже его вопли не были слышны сквозь звукоизолирующий материал стен этой каюты.

– Ну, вот и все. Приглашайте Команду, Иван Иванович, – тяжело вздохнув, попросил полковник Грохотов.

Майор, дернув за рукав моей униформы, вполголоса сказал:

– Уберись куда-нибудь, лейтенант.

– Ну, нет! – возмутился полковник. – Именно по этому поводу я пригласил сюда всех офицеров Команды. Пусть люди знают, кто прав, кто виноват.

Майор поморщился, но возражать не посмел.

Безмолвно входили люди, заполняя собой все свободное пространство. Радостно и тревожно забило сердце, когда я увидел, что в палатку вошел

мой командир Шакиров. Традиционно при таких сборищах было принято оставлять свободной дорожку от входа до стола полковника. Руслан медленно прошел по этому свободному пространству и, остановившись около меня, провел рукой по моему разбитому глазу, ничего не видящему от запекшейся крови. Затем он протер мне все лицо большим белым платком, ослепший глаз стал видеть.

– Кто это сделал? – тихо, спокойно, но как-то страшно спросил он и взглянул на майора, стоявшего по ту сторону стола и наблюдавшего за нами. Майор не выдержал его взгляда и отвел в сторону глаза.

– Сыны мои, – традиционно начал полковник Грохотов. Он использовал это словосочетание и эту гробовую интонацию всегда, когда считал, что данный момент – трудный момент. А то, что эти слова имели магическое воздействие на умы и души молодых офицеров, он понял еще во время своего первого выступления перед своими подчиненными, когда Команда безропотно выполняла все его требования. Но сейчас они вызвали смехи кое у кого из офицеров.

Команда ждала не охмурения, а полного и правдивого разъяснения всего случившегося.

– Говорите конкретно, полковник, и только правду, – выкрикнули из строя.

Я сразу понял, узнал по голосу своего местного тренера и коллегу, неутомного лейтенанта Фирсова. Один из офицеров внутренней службы безопасности вытянул шею, выискивая глазами крикуна, но майор успел что-то резко сказать коллеге, и тот, смущенно хлопнув ресницами, разом втянул шею в плечи.

Озадаченный выкриком и смешками в свой адрес, полковник ненадолго замолчал и начал говорить конкретно и лаконично:

– Найден убийца при помощи двух офицеров, членов его экипажа. И он сам подтвердил это. В ближайшее время мы отправим его на большую землю, где он после детального обследования психики, получит по нашим законам все, что ему положено за эти преступления.

– Суда Линча он заслуживает, – это уже был голос Володи Николаева. – Отдайте его нам.

– Какая глупость рвется из ваших умных голов. Не ожидал. Судить будете не вы. Давайте лучше рассудим,

кому и как нужно просить прощения вот у этого совершенно безвинного человека, по-варварски осужденного и жестоко избитого. Вот где ваше правосудие. Попал он в ваши руки, хорошо не забили этого честного и справедливого человека. Есть у него вина. Сунулся он не в свое дело, хоть и из чистых побуждений. Вроде в характере нет тщеславия, а, видишь ли, захотел сам найти преступника.

– Это я его просил. Виноват, прости меня, друг! – громко сказал Шакиров и опустил на колено передо мной.

– Я тоже просил. Прости, друг! – выйдя из строя, заявил Фирсов.

Мне стало неловко, я просил их подняться, а Команда была настолько смущена и тронута происходящим, что большинство офицеров стояли, потупив голову.

– Чья очередь дальше? – спросил полковник, глядя на сидящих за столом офицеров внутренней службы безопасности.

– Не конфузьте, полковник. Не к лицу нам признаваться в своих ошибках и просить прощения. Не берите грех на душу, – вполголоса сказал майор, повернув голову в сторону Грохотова.

– Нет! – был ответ полковника. – Переступать законы, значит, можно. Это тоже преступление, а попросить прощения у избитого вами до полусмерти человека грехом считаете?

– Прощения! Прощения! – загудело в строю.

Испуганные настроением Команды офицеры службы внутренней безопасности, участвующие в избиении, нехотя поднялись со своих мест, подошли и каждый, кто как мог, попросили прощения.

– Есть еще обидчики? Нет. Вроде, нет.

– Есть. Есть, – зашумели в строю.

Стена людей раздвинулась, пропуская нехотя двигавшихся Астахова и Николаева. Из строя их выталкивали офицеры Команды, наблюдавшие совсем недавно доставку меня в командирскую палатку. Володя был не в себе после смерти своего брата, но, собравшись, он подошел ко мне, протянул руку и сказал:

– Прости. Брата у меня не стало, Витальки, близнеца. Мозг у меня кровью облился. Я мог еще и не такое сотворить.

Он прижал ладони обеих рук к своему лицу и зарыдал.

Астахов руки не протянул, лишь провормотал:

– Извини, что ударил.

– Когда же это ты успел ударить? – не удержался от вопроса Руслан, глядя на Астахова пронизывающим взглядом.

– Ну, когда волокли его, – он кивнул в мою сторону.

– Так ты его полуживого бил? Какая же ты мерзость! А он тебя до сих пор лучшим другом считает, – Руслан судорожно вцепился в куртку Астахова, тот не оказывал никакого сопротивления.

– Спокойно! – остановил Руслана полковник. – Предлагаю бескомпромиссный вариант. Астахов, вы ведь на «Вооруженке» как-то проиграли Шакирову бой?

– Откуда вы знаете такие подробности из нашей жизни? – даже подавленный Дима Астахов удивленно вскинул брови.

– Работа такая, – вдруг жеманно ответил суровый Черный полковник. – Вот и давайте, возьмите реванш. Два дня вам на подготовку к бою, начиная с завтрашнего. Ну, а потом... потом бой-реванш.

Мне казалось, что полковник в такое смутное время устраивает зрелищное мероприятие не случайно. Крайне необходимо избежать новых преступлений.

Глаза Шакирова горели в восторге от услышанного, зато Дима Астахов вдруг весь осел, обмяк и не смог ответить ничего полковнику.

– Ну, что ж. Молчание – знак согласия. По Шакирову видать, что он горит жадной встретиться с вами, Астахов, на ковре. А теперь, все по местам. Несмотря на сегодняшние серьезные испытания, мы не должны отступать от установленного распорядка. Вы, лейтенант, – к медику, Николаев – останьтесь здесь.

Заполучив полный зад инъекций и отмывшись, я все же, даже при желании, не смог бы тренироваться, тем более что на голове было наложено несколько швов. Сейчас нужно отлежаться, это прежде всего. Еще нужно осмыслить все, что произошло за прошедшие сутки. Все еще никак не укладывается в голове, что убит Виталька. В конце концов, и я косвенно виноват в этой смерти. Не скрой я несколько дней назад приступа шизофрении у Демина, может быть, ничего бы и не произошло.

ло. Изолировали бы его, а может, и подлечили бы. Но как знать, что произойдет?

Иван Иванович был дома, у себя в каюте, моему приходу обрадован не был. Он, как всегда, сидел на своей кровати раздетый по пояс и что-то перекладывал в своем сундучке. При моем появлении он лишь безразлично взглянул и снова продолжил свои хлопоты с сундучком. Сначала мне пришлось просушить мокрое до сих пор постельное белье. Затем я лег, положив под голову полотенце, кровь все еще сочилась из ран на голове. Увидев кровь под моей головой, Иван Иванович присвистнул и, подойдя, склонился надо мной.

– Тебе плохо? – спросил он.

– Нет. Мне гораздо лучше, чем было ночью.

– Как тебя понять?

– Понимай, Иван Иванович, как хочешь, но все встало на свои места. Все ясно, и никому не нужно больше ломать голову.

Конечно же, в моем физическом состоянии ничего хорошего не было, болело буквально все, но стерпеть можно и жить нужно.

– Скажи мне, Виктор, что случилось сегодня утром? По твоей воле я чуть не погиб. За что?

– Ложись тоже, Иван Иванович, разговор будет длинным. Ты сейчас единственный человек, с кем я могу всем поделиться, даже самым сокровенным.

Вспоминая все мельчайшие подробности, я пересказал ему все, что знал, видел и испытал сам.

– Теперь послушай меня, – продолжил диалог мой коллега. – Шум и беготня утром разбудили меня, и я был крайне испуган. Решил разбудить тебя, хотя знал, что ты всю ночь провел в бреду – разговаривал, ругался, кричал. И уж совсем не ожидал от тебя, спокойного и уравновешенного человека, такой агрессивности. В принципе, ты усыпил меня, передавив сонные артерии. Лишь после я узнал, что вся суматоха – последствия преступления. В районе туалета стальной дугой от кровати убили Николаева Виталия. Убил Демин. Я давно подозревал его в том, что он сумасшедший. Подозревали и коллеги. Один из братьев видел, как он выходил из каюты раздетый, видимо, в галюнь, как скоро вернулся, снял дужку с кровати и вышел из каюты снова. Оба брата пошли следом, но было по-

здно. Демин проскочил мимо них к каюте, но тело Николаева валялось невдалеке. Демин ударил его по переносице с такой силой, что вытекли оба глаза. Видишь ли, Николаев однажды заходил к ним поиграть в шахматы. Демин в это время брился и после освежился лосьоном «Огуречный». Виталька взял да и подковырнул его, что, мол, нет закуски, а без закуски пить нельзя, тем более лосьон. Тот вспылил и пригрозил Виталию. А тут Фирсов начал что-то говорить о связи запаха с покушениями. Я сам не понял, в чем тут связь, но теперь, после твоего рассказа, знаю. Вот и все. А твои друзья хороши, ребята говорят, что они тебе чуть руки не выломали, пока тащили в палатку к Грохотову. Болят, наверное?

– Ничего, до свадьбы заживет. Витальку жалко до слез. Вовка Николаев на этой почве, мне кажется, с ума сходит.

Я не стал говорить Ивану Ивановичу, чтобы не беречь его добрейшую душу и не усугублять неприязнь между двумя экипажами, о том, с какой злобой высказал Володя Николаев о своем желании выбросить меня за борт на корм акулам.

На обед мы отправились вдвоем, соорудив перед этим чалму на моей голове, а в столовой встретились с Русланом.

– После обеда домой иду, – весело сверкнув глазами, заявил он. – Медик не видит противопоказаний. Говорит, как на собаке всё заросло.

Послеобеденный отдых – обязательное мероприятие в распорядке дня, впрочем, об этом не забывает ни один из бойцов Команды. Двухчасовой отдых настолько снимает физическое и моральное напряжение организма взрослого человека, что многие вопросы, никак не решаемые до обеда, щелкаются, как семечки после отдыха. Люди становятся добрее, вежливее и даже умнее. Во время послеобеденного отдыха решаются некоторые проблемы, создавшиеся внутри экипажей. Многие ребята из Команды настолько привыкли поспать в это время, что стоит им только ноги забросить на кровать, ментально сон сковывает невидимыми цепями их тела, а сознание ностальгически рвется в прекрасную страну детства, откуда совсем недавно они прибыли. Молодые парни, ныне бойцы,

воины, офицеры, по ночам, когда во снах они оказываются в трудном положении, еще кричат «мама!», а, проснувшись, долго лежат с закрытыми глазами, пытаюсь не забыть эти сны, в которых они побывали рядом с матерью.

Впервые за последнюю неделю мы – Шакиров, Иван Иванович и я оказались вместе. На душе у всех, несмотря на раны и мрачные события, было светло и спокойно. Трое – это уже что-то значит. Трое – это сила, монолит, который трудно раздавить, стоптать, уничтожить.

Больше всего вопросов было у Руслана. Хотя информация доходила до него, находящегося в лазарете, она была обрывочной и не совсем достоверной. Мне пришлось еще раз описать все события, происшедшие за последние сутки. Шакиров, а с ним и Иван Иванович, который уже знал абсолютно все и даже больше, чем я, с таким вниманием слушали, что мне порой казалось, что они придремали под мой монотонный голос. Но стоило мне замолчать, как Шакиров начинал торопить меня:

– Продолжай, продолжай. Не отвлекайся.

– Мы слушаем тебя, – раздавался мягкий баритон Ивана Ивановича.

Я улыбался про себя и продолжал. Но кое-что я все же выпускал, как будто терял по дороге. Но Иван Иванович знал все, он быстро находил это потерянное и вставлял в мое повествование. Я предполагал реакцию своего командира, но не думал, что это обернется в настоящую взбучку для меня.

– Не будь у тебя этих ран на голове и выкрученных рук, – вскочив с кровати и бегая по каюте, почти кричал он, – я содрал бы с тебя штаны и вот этим самым ремнем, что на мне, по-отцовски проучил бы тебя.

Я слушал эти негодующие слова Шакирова, но от них становилось только легче, боль уходила, а сердце радовалось, что кто-то заботится и переживает за меня, как за родного. Мне хотелось вскочить с кровати и крепко обнять своего командира. Как это здорово, когда все плохо, плохо, и вдруг появляется человек, который отчитывает тебя, грозит наказать, но ты-то знаешь, что за этими угрозами забота о тебе, блудном сыне.

Немного помолчали, затем Руслан совершенно неузнаваемым голосом, звонким и жизнерадостным, заговорил снова:

– Мужики! А, мужики! Как вы считаете, смогу я выдержать бой с Астаховым?

– Ты лучше сам скажи, как себя чувствуешь? – моментально задал встречный вопрос Иван Иванович, словно ждал этого разговора.

– Телом я здоров. Одного боюсь, не воспользуется ли Димка дефектом моей головы. Она перенесла сильнейшее сотрясение, да и швы еще не заросли. До сегодняшнего дня я был уверен в порядочности Астахова, но когда я узнал, как подло он обошелся с Виктором, у меня перехватило дыхание. Честное слово, я чуть не задохнулся и чуть сдержал себя, чтобы не устроить драку прямо там, перед полковником Грохотовым. Я увидел его совсем в другом ракурсе, подлее человека я не встречал. Потому-то и боюсь, что он непременно воспользуется моей болячкой, чтобы спасти свою холеную шкуру.

– Не сделает он этого. Ну, а если сделает подлость у всех на виду, он проиграет больше, чем в случае простого проигрыша в бою, – возразил я.

– Ты, видимо, простил уже его. Ну, это твое дело. Драться с ним я все равно буду и обязательно, понимаешь, обязательно побью его.

– Руслан, – начал я, желая исправить свою ошибку, которая нанесла обиду Шакирову. – Ты гордый, справедливый человек. Я благодарен тебе за заботу, хотя и получил от тебя несколько раз хорошие взбучки. Я вовсе не заступаюсь за Астахова, просто еще надеюсь и верю, что в нем проснется совесть, если она задремала. Для меня нет лучше и ближе друзей, чем вы с Иваном Ивановичем. А по сознанию я придерживаюсь идеологии непротивления злу и сам стараюсь не приносить зла людям. Кстати, Руслан, скажу по секрету, я был недалеко от Димки, когда Грохотов предложил ему взять реванш. Я видел, как поблел он и растерялся. Он и ответить-то полковнику не смог. У тебя на лице было написано, что ты рад встрече. А Дима тебя боится.

– Да ну, скажешь тоже, боится. Он сейчас накачан и здоров, как никогда.

– Еще раз повторяю, он тебя боится. Он сам говорил мне об этом. И я не вру и не успокаиваю тебя.

– Если все это правда, а я верю твоим словам, победа будет наша.

Он с каким-то наслаждением и удо-

вольствием потер ладони рук друг о друга, глаза его блестели, и улыбка не сходила с лица.

Азартный, однако, человек этот Шакиров, – подумали мы с Иваном Ивановичем, я так предполагаю. Но я – подумал.

Остаток дня мы с Шакировым провели во сне, залечивая свои раны. Один Иван Иванович строго выполнял распорядок дня.

Утром, разбуженные сигналом, ребята пришли к выводу, что ночь прошла вроде бы благополучно. По крайней мере, не было ни беготни, ни каких-либо сообщений об очередной неприятности. Однако в столовой ко мне подошел Фирсов, отозвал в сторону и тихо передал:

– Демин исчез. Я слышал, как майор из службы безопасности сообщал Грохотову, что он вырвался из рук сопровождавших его людей и прыгнул в воду. В темноте его найти или хотя бы увидеть не смогли, а Николаева отправили. Я уже сходил и посмотрел наши акваланги и костюмы. Одного комплекта нет. И именно его, деминского. Одни мы, шестеро, знаем, где чей лежит комплект. Но нет-то именно его комплекта. Я мужиков наших спрашивал, но все удивлены и ничего не могут сказать на этот счет. Ощущение такое, будто он сам взял свой акваланг, другого варианта просто не может быть. Мистика какая-то. Только я подозреваю, что загадочное исчезновение Демина – дело рук самого майора Скуратова. Думаю, что именно по его распоряжению Демин либо убит, либо отправлен с оказией для выполнения какого-то другого дела. И на это есть у меня кое-какие соображения.

Мы с Фирсовым все же решили пока не поднимать этот вопрос. Если все сделано специально, значит, так нужно.

Сердце у меня заныло. Я представил себя одного в океане, пусть даже в спецкостюме. Ведь это верная смерть, притом страшная смерть. Разве если только кто подберет его в ближайшее время, что маловероятно. Озабоченный такими переживаниями, я стал объектом любопытства своих коллег.

– Есть новость. Да, есть. Но для дискуссий по ней нужно много времени. Давайте лучше поговорим во время отдыха после обеда. А сейчас нам всем нужны тренировки, особенно тебе, Руслан. Помни, что у тебя всего два дня.

Руслан Шакиров отрабатывал приемы рукопашного боя на Иване Ивановиче, а я был единственным зрителем.

В перерывах Руслан признавался, что труднее соперника, чем Иван Иванович, он не встречал, на что тот отвечал широко, во всё лицо, улыбкой.

Дискуссия в послеобеденное время сорвалась, поскольку времени для этого не осталось, зато, оказавшись в каюте после ужина, мы раньше расположились в постелях и до глубокой ночи рассуждали о состоянии дел на корабле, делали прогнозы, что-то решали, словно от наших решений зависел исход «Похода». В разговоре мелькали и умные мысли.

– В исчезновении Демина столько темного и загадочного, что кажется, будто сделано это специально и для какой-то цели, которую мы, возможно, не узнаем никогда. Разве, что после, когда пройдут годы, случай сведет нас или кого-то из нас с ним, и мы сможем рассказать, что предполагали по этому делу и выслушать, что на самом деле произошло, – расфилософствовался наш Иван Иванович.

Шакиров, выслушав это умозаключение нашего «умнейшего», не выдержал и захопал в ладоши. Иван Иванович, поощренный этой овацией, снова расплылся в улыбке, но выражения его лица, к сожалению, никто не видел, потому что свет в каюте был уже выключен, и минут через пять весь экипаж спал крепким лечащим сном.

Завтрашний день оставался последним днем тренировок Руслана перед его боем с Димой Астаховым.

Утром Иван Иванович восстал против Руслана, не желая быть куклой для тренировок:

– Что, я мешок, что ли, какой? Ты отбил мне все потроха. Я ночью просыпался даже несколько раз, снится, как сверху ногами лечу. Сколько раз ты меня вчера бросил? Ну, никак не меньше, чем с полсотни. Не пойду, и все тут, ищи, кого хочешь.

Шакиров с недоумением смотрел на взбунтовавшегося коллегу, а когда тот смолк, он еще долго глотал воздух, не зная, с чего начать говорить.

– Иван Иванович, – наконец начал он. – Ведь я так на тебя рассчитывал. Думал, что мои тренировки вчера и сегодня будут для меня самыми продуктивными, да и приятно очень со своим другом драться. Ни тебе злости, ни тебе

ненависти. Настоящая спортивная борьба.

– Не уговаривай, бесполезно.

– Иван Иванович, дорогой, не подведи!

– Слушай, Руслан, не смогу я тебе помочь. Болит у меня все.

– Что же делать? Что?

– Подожди Руслан, я, наверное, смогу найти тебе куклу, и даже две, – подумав, сказал я, немедленно вышел из каюты и направился к осиротевшему деминскому экипажу.

Два брата с пониманием приняли меня и сразу же согласились потренироваться совместно с Шакировым.

– Ну, Руслан, берегись, два брата будут мять тебя сегодня, – сообщил я своему командиру с нескрываемым удовольствием.

Однако это сообщение встревожило Шакирова. На тренировках ему не раз приходилось выходить на них. Обладая недюжинной силой, эти ребята досаждали ему своей навязчивостью в бою, прилипая и ломая все его желания провести какой-то прием.

Шакиров поблагодарил меня, но стал задумчив и молчалив. Иван Иванович, видя эту задумчивость, решил посоветовать Руслану:

– Главное, не перетренируйся, Руслан, а то намнут бока, как ты мне вчера, какой тогда из тебя боец будет. Вот, к примеру, сегодня со мной что хочешь делай. Не смогу сопротивляться, даже если насиловать будут.

Слова Ивана Ивановича подлили масла в огонь. Руслан стал подергивать плечом, этот нервный тик появился у него после недавнего покушения. Но все его волнения были напрасны. Братья, в какой-то степени, недолюбливали Астахова, поэтому они сделали буквально все, чтобы тренировка Шакирова оказалась генеральной репетицией перед завтрашним боем.

После обеда, на выходе из столовой Шакиров неожиданно нос к носу встретился с Астаховым. Я со стороны наблюдал за их встречей и видел, как словно под гипнозом замерли эти два человека, не сводя глаз друг с друга, а точнее, глядя в глаза друг другу. Такое их состояние длилось довольно долго. Офицеры, члены Команды, зная об этом противостоянии, обходя их, замолкали, чтобы не помешать гипнозу. Первым сдался Дмитрий. Он опустил глаза и, глядя в пол, стал шаркать носком ботинка по металлу. Руслан обошел

его и направился в сторону своей каюты, не проронив ни слова.

– Виктор! Я теперь окончательно убедился в правоте твоих слов. Да, он меня боится.

Улыбка не сходила с лица Руслана все послеобеденное время. Я впервые видел его таким счастливым и оттого веселым. Периодически он начинал мурлыкать какую-то татарскую песенку. Время от времени он подходил то ко мне, то к Ивану Ивановичу и, шутя, ударял кулаком то в ребра, то в живот, вызывая и у нас хорошее настроение. Мы радовались вместе с ним, чем тоже поддерживали его.

Утром, немного раньше подъема, сигнал сбора поднял всю Команду, и тяжелое предчувствие влезло в душу каждого офицера. К палатке шли молча, никто ни с кем не делился предположениями, все ждали одного – неприятностей.

Когда все офицеры встали в строй, оставив узкий проход от входа до командирского стола, именно по нему-то и прошел полковник к столу. Шел он, убитый горем, сутулый и оттого казавшийся маленьким, хотя выше его в Команде никого не было. Все не сводили с него глаз, уверенность в очередном происшествии росла.

Полковник зашел за стол, затем, подумав, вышел из-за него и встал в промежутке между двумя половинами строя. Оглядев свою Команду по-стариковски заслезившимися глазами, Грохотов заговорил периодически прерывающимся голосом:

– Офицеры, нашу Команду покинул еще один боец, один из лучших офицеров, один из лучших спортсменов, один из лучших воинов. Имя его известно не только среди нас. Любой из экипажа корабля и нашей obsługi слышан о нем. Не могу понять, что с ним произошло, почему этот жесткий и самоуверенный человек проявил такую слабость, наложив на себя руки.

– Кто это? Кто? – зашумели офицеры. Все закрутили головами, стараясь разобраться, кто же отсутствует в строю.

Шакиров, с самого начала построения выискивающий глазами своего противника и не найдя его, громко спросил:

– Астахов. Где Астахов?

Полковник обошел стол, сел на стул, прижал руки к вискам и сидел так некоторое время, затем встал, расправил плечи и своим мощным басом сказал,

как будто сообщил сводку Информбюро голосом Левитана:

– Сегодня ночью лейтенант Астахов Дмитрий Николаевич проявил слабование, не выдержав тягот и лишений в жизни при выполнении важной государственной задачи, погиб, наложив на себя руки. Он полотенцем перетянул сонные артерии. Прошу, одумайтесь, товарищи офицеры. Все свободны. Лейтенант Шакиров, оставайтесь.

В палатке остались трое: полковник Грохотов, майор службы внутренней безопасности и лейтенант Шакиров

– Что скажем по этому поводу? – спросил майор, внимательно глядя в глаза Шакирову.

– Ничего, – коротко ответил Руслан

– Плохо, очень плохо, что ничего. А надо бы.

– Не пойму я вас, товарищ майор.

– Понимать тут нечего. Расскажите, как вы под покровом ночи, а точнее при слабом свете дежурного освещения, тайно пробрались в каюту Астахова и ударом по горлу «отключили» его, затем перетянули шею полотенцем, в результате чего человек умер, не приходя в сознание, от недостаточного кровоснабжения головного мозга. Я знаю много таких случаев, главное, нанести первый удар без промаха. А ты ведь ас в этом деле.

Шакиров сидел напротив майора, но только по другую сторону стола. После сказанного майором его нельзя было узнать: приоткрытый рот, широко открытые глаза, словно в изумлении, сам неподвижен, словно парализованный, лишь нервный тик, заработанный здесь, на корабле, чуть шевелил его плечо.

Полковник вовремя поднял опущенную седеющую голову. Шакиров, как пантера, взлетел над столом с вытянутыми вперед руками, готовыми вцепиться в горло майора и вырвать его. Полковник перехватил руки Руслана, а самого его прижал к столу, навалившись на него всем своим телом. Испугавшийся было майор, почувствовав безопасность, расхрабрился, схватил лейтенанта за волосы одной рукой, приподнял голову, другой рукой, сжатой в кулак, он сделал угрожающий замах.

– Но-но! – предупреждая закричал полковник, остановив майора. Тот недовольно фыркнул, отпустив Руслана.

– Майор, – продолжил полковник Грохотов. – Хочешь подраться, давай устроим бой. Противником Шакирова

должен был быть Астахов. А поскольку его нет, становись на его место.

Мы обещали людям сегодня устроить показательный бой, так сказать, бой-реванш. Так что, готовься к бою, майор.

– Вы что! Полковник! Вы до конца хотите скомпрометировать сотрудников службы внутренней безопасности? Смотрите, это чревато...

– К черту угрозы. Ты знаешь, майор, почему задавился Астахов?

– Пока нет, но я найду виновных.

– Искать нечего. Виноват он сам. Угрызения совести одолели его. Ему стало невыносимо стыдно за то, что он, располагая огромной силой, поддавшись психологии обыкновенного барана, бил уже избитого до полусмерти своего коллегу и хорошего друга, нанося удары по лицу и выламывая кости. Когда все это дошло до сознания Астахова, а друг оказался еще и не виновным в смерти Николаева, он посчитал, что ему не место среди живых. Учти, майор. Если бы ты сейчас ударил лейтенанта, я заставил бы тебя залезть в петлю.

– Ну, это вы уже лишнего хватили, полковник и, кроме того, все, что вы сейчас говорили, это ваша выдумка, бред воспаленного и усталого мозга. Я найду виновного и приведу его к вам на веревке.

Шакиров сидел на стуле, опустив голову и руки, и никак не реагировал на спор старших офицеров.

Закачалась входная штора, в палатку вошел офицер службы безопасности и, подойдя к столу, подал небольшой листок бумаги с какой-то записью. Майор прочитал записку и сунул ее во внутренний карман куртки.

– Что там, старший лейтенант? – строго спросил полковник.

Старший лейтенант всегда испытывал ужас при встрече с полковником и потому сейчас, услышав его, повернулся в сторону Грохотова, немедленно сообщив:

– Предсмертная записка Астахова, найденная в подушке покойного.

Близость полковника так пугала его, что старший лейтенант даже не заметил предупреждающих знаков майора, запрещающего ему говорить о бумаге.

– Молодец, старший лейтенант. Ну-ка, майор, дай-ка бумажку.

Майор со злостью швырнул записку на стол. Грохотов внимательно прочитал написанное, осматрив бумажку

со всех сторон, понюхал ее, сел на стул, стукнул огромным кулаком по столу так, что графин с водой подпрыгнул, как от испуга.

– Ну что, майор, моя взяла. Смотри, что написано: «Мне нельзя жить после всего того, что я сделал. Не место мне среди вас. В моей смерти виноват только я. Простите и прощайте». Так что, майор, ступай готовиться к бою вот с этим лейтенантом.

На майора никто и никогда еще так не наезжал. В его глазах появился страх, и он, не выдержав психического давления, вскочил со стула и, можно сказать, сбежал, спрятавшись в своей каюте.

Полковник смеялся громко и долго, смеялся, несмотря на трагедию, смеялся, хотя на душе у него было очень тяжело.

Ночью тело Астахова было передано для отправки на Большую землю. Какая оказия забрала его и когда, никто не видел и не слышал. Странно, как быстро люди привыкают к смертям подобного рода. Поутру редко кто вспоминал ушедших навсегда из команды офицеров Демина, Николаева, Астахова. Повседневные заботы – занятия на тренажерах, тренировки – выматывали силы бойцов, жизнь которых опять превращалась в примитивное сосуществование: после тренировок хотелось есть, после еды требовался отдых, после отдыха подпитанные силы требовали расхода энергии. Все реже можно было услышать, как друзья вспоминали о своей жизни на гражданке, о девушках, с которыми встречались и которые обещались ждать, сколько бы ни пришлось. Редко, когда у глаз офицера могла показаться слезинка при воспоминании о матери в день ее рождения. Молодые офицеры, несколько лет назад оторвавшиеся от маминых юбок, становились жесткими и жестокими воинами.

– Смерть не страшна, все там будем, – любил поговаривать Черный полковник, эти его слова стали руководством в жизни всей Команды.

В нашем экипаже вроде ничего не изменилось, во время послеобеденного отдыха, лежа в кроватях, мы делились впечатлениями о прошедшей тренировке, о встрече и интересном разговоре с кем-нибудь из коллег соседних экипажей.

Нравоучения Шакирова прекратились, поскольку старых друзей, общение с которыми раздражало его, почти не стало. Зато все трое мы были гурманами, любили вкусно поесть и, если получалось так, что обед в столовой оказывался не слишком хорош, мы развязывали свои языки и, глотая слюни, наперебой рассказывали о вкуснятине, какую доводилось отвеживать, или готовить своими собственными руками.

В этот день я случайно встретил Володю Николаева и ужаснулся от его внешнего вида. На теле атлета была голова с лицом старика, покрасневшие и слезливые глаза, бегающие зрачки, немного перекошенное лицо, как последствия инсульта, говорили о ненормальном состоянии головы Владимира. Я рассказал своим коллегам об этой встрече, на что Иван Иванович, внимательно слушавший меня, пророчески изрек:

– Долго ему не прожить.

Вечером этого же дня я опять встретился с Владимиром, он словно искал встречи со мной, да это и понятно. Близких знакомых, кроме меня, перед кем он мог бы исповедоваться, у него не осталось.

– Виктор, прости меня, подлеца. Не получается все так, как бы хотелось. Я потерял половину себя, убит мой брат, а мы близнецы. Я чувствую его боль, я вскрикнул и проснулся от страшной боли как раз в то время, когда ему был нанесен смертельный удар. Прошедшей ночью он приснился мне. Мы с ним долго беседовали, он звал меня к себе. Я не могу не послушать его. Я сейчас уйду к нему. Дай слово, что не будешь сдерживать меня от этого поступка.

– Но...

– Никаких но. Пойми, у меня возврата не будет, я никогда не стану снова бойцом, способным выполнить серьезное дело. Жизнь на земле не для меня, она мне в обузу. Ты один знаешь причину моего поступка. Ты вправе обнародовать это, но лучше промолчи и помни меня с Виталькой. Прощай! Иди к себе в каюту и не следи за мной.

Я, придя в каюту, не произнес ни слова. Я сидел как истукан на своей кровати до тех пор, пока корабль не сбавил ход, а потом и совсем встал. С борта корабля была спущена шлюпка, но было уже поздно. Николаева не нашли ни живого, ни мертвого.

Чтобы не ставить под удар выполнение Боевого Приказа, корабль должен был продолжить движение по прежнему курсу.

На этот раз полковник Грохотов собрал одних командиров экипажей.

– Я предчувствовал, что нам не избежать еще и этой смерти. Вчера я разговаривал с ним довольно долго и понял, что сознание его помутилось. Он все время твердил, что ему нужно идти за братом. А впрочем, зачем я говорю вам обо всем этом? Владимира Николаева еще вчера невозможно было вернуть в строй как бойца, ну, а сегодня его уже нет и все. Но жизнь-то идет, она продолжается для нас, и нам нужно подумать и отыскать экипаж, взамен этого «рокового».

Вопрос был решен быстро. Три экипажа передали в этот «роковой» по одному человеку из числа наводчиков, ведь офицер, как воин, очень универсален. Правда, профиль тренировок немного изменился для них, но это не так страшно. Ежедневно при отработке нормативов офицеры подменяли друг друга, и показатели были практически одинаковы у всех.

Чем дальше на юг уходило судно, тем беспокойнее становился океан. После полудня разыгрался приличный шторм. Огромное судно уверенно встречалось с огромными волнами, которые постоянно били в борт, выбрасывая на палубу потоки воды, которая могла смыть все и даже людей, окажись они там во время шторма. Шум шторма был слышен и из трюма корабля. Корабль качало, но не настолько, чтобы вызвать морскую болезнь поголовно у всех офицеров из Команды.

Кое-кто испытывал дискомфорт, но походный доктор был обеспечен всем необходимым, чтобы облегчить состояние таких людей во время качки. Шакиров обратил внимание на то, что я слегка побледнел, и изредка мой живот судорожно подергивался. Он сразу предложил мне и Ивану Ивановичу сходить к медику и не скромничать, предосудительного в этом деле ничего нет.

– Вот еще, – возмущился Иван Иванович. – Я в жизни не съел еще ни одной таблетки. А дед мой дожил почти до ста лет, но он и знать не знал, что такое лекарство.

– Ну, это ведь дед, а не ты.

– Да я, судя по всему, крепче и здоровее его.

– Дай-то бог.

– Мне тоже не требуется помощь доктора, – соврал я.

– Значит, у нас все в порядке, – остался доволен наш командир. Сам-то он никак не реагировал на качку.

– Да, мужики. Я слышал, что настоящие моряки, морские волки, отличаются на суше от других людей тем, что ходят они, широко расставляя ноги. Это, конечно, всего лишь привычка, но во время плавания при шторме может качнуть так, что теряют равновесие и травмируются. Потому такая ходьба просто необходима, – разговорился Иван Иванович.

Не стану объяснять, что происходило со мной немного погодя, но Иван Иванович влетел в каюту, разбудил дремлющего Шакирова и, заикаясь, сказал:

– Там Виктора может смыть в океан, он на палубе.

Ни слова не говоря, все поняв, Руслан кинулся к выходу на палубу. Иван Иванович бежал следом. Я в это время находился на палубе как раз напротив открытой двери в трюм. Душу мою выворачивало наизнанку, но я висел на ограждении палубы, и никакая сила не могла оторвать меня от трубы, за которую я вцепился мертвой хваткой. Вой ветра, грохот дыбившей воды перекрывали своим шумом любые другие звуки. Шакиров кричал, но я не реагировал никак, потому что не слышал. Тогда Руслан рывком проскочил от двери к ограждению и, ухватившись за него, стал кричать мне прямо в ухо:

– Приготовься! Сразу после волны отпускайся – и к двери!

После очередного удара волны, когда вода схлынула, мы с Русланом, крепко вцепившись друг в друга, одним махом проскочили опасное место и, запнувшись о приступок перед входом в трюм, неуклюже завалились. Держась друг за друга, мы скатились вниз по трапу, на ходу считая ступеньки. Оказавшись в трюме, охая, поднялись и, осмотрев и ощупав себя, не нашли ни одной травмы, одни ушибы.

– Живы будем – не помрем, – сказал я и мы, все втроем, прихрамывая, широко расставляя ноги, пошли к своей каюте.

По пути зашли к доктору, и я вместо таблетки заполучил укол, подставив мягкое место.

– Надо же, какой болючий, – немного поворчал я. – Лучше еще раз ступе-

ни задом посчитать, чем терпеть такую боль.

Одному Ивану Ивановичу было весело, он брел следом за нами и хихикал, глядя на нас, прихрамывающих и растающих ладонями свои ягодицы. Я оглянулся и, увидев расплывающуюся в улыбке физиономию Ивана Ивановича, молча показал ему кулак.

Занятия на технике и тренировки отменены на время шторма, а шторм будет бушевать неопределенное время. Поскольку шторм уходил на север, а корабль что есть сил рвался на юг, непогода длилась не слишком долго. К вечеру небо прояснилось, ветер стих, а волны пропали.

С наступлением ночи взошла луна и своим полным диском ярко осветила палубу и все надстройки корабля. На палубе собралось много офицеров, слишком уж хорошо было стоять под упругим потоком воздуха, вдыхая его полной грудью. Наш экипаж во главе с Шакировым вышел на палубу одним из первых, сразу же после ужина. Всех охватило лирическое настроение. С неба падали звезды, но на небе мы не нашли ни одного знакомого созвездия. Сколько ни искали Полярную звезду, так и не смогли найти, лишь спустя время сообразили, что звезды и созвездия в Южном полушарии совсем не те, что там, на родине в Северном полушарии. Те звезды спрятались за горизонтом. Пришлось смириться и с этим. В этих районах, где находился корабль, была весна, приближалось лето, но воздух был уже довольно теплым, с палубы уходить не хотелось. Около полуночи на палубе оставалось еще довольно много людей, но на палубу вышел сам полковник Грохотов и попросил офицеров опуститься в трюм для сна.

Когда все уже были в постелях, Иван Иванович сделал вывод:

– Оказия какая-нибудь должна подойти, оттого и выдворили с палубы.

– Bravo, Иван Иванович! Выражено очень логично, – воскликнул Шакиров, я только что-то промышал, зад болел от ушибов и от укола, разговаривать шибко-то и не хотелось.

Утром на завтраке по секрету сообщили, что сейчас судно идет невдалеке от островов, поэтому днем появляться на палубе категорически запрещено. Здесь же проходят водные пути, соединяющие Европу с Южной Америкой. Как жаль, что нельзя будет увидеть зем-

лю, встретить идущий под нашим флагом корабль и немного попереживать, увидев все это. Вот они, тяготы и лишения военной службы, когда нельзя сделать того, что очень хочется.

Минуло еще пара дней. Здоровье как Руслана, так и мое восстанавливалось довольно успешно, только все же Шакиров не смог избавиться от нервного тика. Он всегда, заволновавшись, нервно подергивал плечом, сам того не желая и не замечая этого. Иван Иванович однажды попытался изобразить взволнованного Шакирова, не заметив его присутствия. Руслан, приняв это за оскорбление, так крепко подержал его за грудки и долго, не моргая, смотрел своим гипнотизирующим взглядом вишневых глаз в немного испуганные глаза своего подчиненного, что тот весь вечер только то и делал, что сетовал на жизнь.

– Подумаешь, изобразил его. Ну, на что тут обижаться? На что?

Слушая его, я только улыбался.

– Ну и злой наш командир, как абрек какой. Недаром же в нем татарская кровь течет, – продолжал распалиться Иван Иванович. Уши и щеки его покраснелись, а лоб, подбородок и нос приобрели белый, мучнистый цвет.

Крепко же, видать, зацепило Ивана Ивановича это беспардонное поведение Шакирова в обращении с ним. Он все продолжал бы брюзжать, накручивая себя, если бы наш командир не вернулся в каюту. Чувствуя, что был немного неправ по отношению к другу, и видимо, тоже переживая случившееся, он сразу направился к сидящему на кровати взъерошенному Ивану Ивановичу и, положив руку на его плечо, спокойно и громко сказал:

– Иван Иванович! У меня здесь на корабле есть только два друга, ты и Виктор. Может быть, обстановка так повлияла на людей, в том числе и на меня, изменив характеры и сделав их злыми и нервными. Я, как командир танка и экипажа, не должен быть таким несдержанным. Извини меня, пожалуйста. Я вам обоим слово даю, – он оглянулся в мою сторону. – Что бы ни произошло между нами, такого срыва с моей стороны больше уже не будет.

– Да что там, все ерунда, – засуетился Иван Иванович, пожимая протянутую Русланом руку.

– Ой, ой! – вырывая свою руку из пожатия, то ли шутя, то ли всерьез вскрикнул Шакиров. – Да, прежде мне

надо было подумать, конечно, на кого нарываться. Твою силушку, Иван Иванович, я ощутил еще тогда, на тренировке. Да и вес у тебя раза в полтора больше, – продолжая трясти рукой, говорил Руслан.

Я, наблюдая со стороны, видел, как меняется выражение лица у нашего добрейшего Ивана Ивановича. Он доволен даже тем, что наш командир, видимо, сожалеет о своем поступке. Находясь за пределами каюты, он, безусловно, переживал и раскаивался в произошедшем инциденте. Недаром же он при входе сразу направился к Ивану Ивановичу, чтобы извиниться перед ним.

Обстановка в нашем маленьком коллективе разрядилась, Иван Иванович стал еще добрее и весь вечер рассказывал эпизоды из своей жизни до службы. Я первым спросил его:

– Иван Иванович. У тебя дома осталась девчонка, которая ждет?

– Да, – последовал моментально ответ. – Я как раз о ней думаю. У нее глаза, как у поросенка, они у меня перед глазами.

– Как это?

– Да очень просто, вы видели когда-нибудь глаза у поросенка?

– Видеть-то видел, да вот что-то не припомню, как они выглядят.

– Глаза голубые и маленькие, а реснички беленькие, точно как у моей Надьки.

Иван Иванович полежал, подумал, повспоминал и говорит:

– Конечно, ждет она. Кому она, кроме меня, нужна? Когда уезжал на службу, мамка моя ее к себе переманила, живет у нас теперь. У них дома семья большущая, родители рады, наверное, что от одной избавились.

– Иван Иванович. А ты ее случаем не беременной оставил? – задал вопрос Шакиров.

– Да ты что, смеешься? – возмутился наш коллега, приподнявшись на локтях. – У нас такое не положено. Только после свадьбы.

– Прости. Не подумавши, задал вопрос.

– Ничего. Каждый судит о других по своему образу жизни. Откуда вам знать, как мы там, в Сибири, живем. К одним вопросам жизни мы относимся хладнокровно и очень просто, к другим – принципиально и щепетильно. Например: мне в военкомате назвали дату отъезда в военное училище в Омск.

Моя мать только рукой махнула, дескать, езжай, езжай, сбей охотку-то. Я в тот день собрал рюкзак в дорогу, зашел в комнату, где вся семья сидела за столом, обедала. Сказал им: «Пока». Мне ручкой «Пока» сделали, вот и все проводы. Только Надька догнала меня на улице, в рюкзак вцепилась, так и шла до вокзала, умываясь слезами. Обещать, что ждать будет – ненужное это дело. Кому она, кроме меня, нужна? Никуда не денется, дождется. Во время моих отпусков она намекала мне, что, мол, давай пожениться, но у меня принцип. Будет постоянная служба, квартира, деньги свои на нас, пока на двоих, тогда и о свадьбе можно говорить. Считаю, что правильно сделал. Куда мы направлены? Да на наши жизни ни один человек гроша ломаного не поставит. Женился бы я на ней, а неровен час – убью, вдовой останется, да может еще и с дитем малым. А так, что бы со мной ни случилось – не обязана она ничем никому, вольная. Мамка моя не прогонит из дома, любит она ее. Жив останусь, наживемся еще с моей Надькой. Мне всего-то двадцать один год, а ей и того меньше.

Рассказ Ивана Ивановича до глубины души тронул нас с Русланом. Все было рассказано так просто и так доступно, что мы, его друзья, образно представили эту услышанную от него бесхитростную историю. Перед глазами стояла белобрыса русская девчонка, босая и почему-то в длинном, по щиколотку, сарафане.

По мере продвижения корабля на юг погода стала заметно меняться. Вечерних прогулок по палубе корабля почти не было, да и «кому на ум взбредет» болтаться по мокрой палубе под пронизывающим соленым ветром. Мрачное небо в темных рваных облаках, сквозь дыры в которых изредка появляется голубое небо или одинокий луч солнечного света. Может быть, все это очень красиво, но в трюме как-то спокойнее.

Шторм усиливался, шквальный ветер поднимал большую волну, которая со страшной силой била в борт корабля. Корабль вздрагивал от этих ударов, а вода, встретив препятствие, сначала поднималась до небес, а затем обрушивалась на палубу корабля. И горе тому, кто окажется в этот момент на открытой палубе, он будет моментально

смыт в другую стихию – бездонный бушующий океан.

На этот раз шторм не был кратковременным. Порывы ветра достигали такой силы, что, казалось, разворачивали корабль, меняя его курс. Ветер гудел, застревая в палубных надстройках. Гул этот проникал внутрь трюма корабля, раздражающе действуя на людей. В трюме не было такого места, где он был бы неслышен. Команда впервые испытала настоящую качку. К доктору образовалась очередь только часов через пять после начала шторма. Здоровья бойцов хватало лишь на это время. Стоявшие у каюты медика люди имели ужасный вид, их цветные лица и дергающиеся в конвульсиях животы, вызывали сочувствие офицеров, никак не реагирующих на качку. Два офицера, чувствующие себя, видимо, не совсем плохо, разговорились:

– Книгу, помню, в детстве читал, «Ревущие сороковые» называлась. Там описываются вот такие штормы, они длительны, и ни один корабль, проходящий эти широты, не избегает их, – как-то наивно, по детски говорил один, а другой подхватил:

– Это безобразие в океане и говорит о том, что мы где-то в сороковых широтах сейчас находимся.

– Значит, недолго нам осталось теплеться в океане, – вклинился в разговор третий офицер, с изможденным лицом.

– Хватит трепаться, географы, – осадил разговарившихся офицеров невесть откуда взявшийся майор, начальник внутренней службы безопасности. Оказалось, что качка подействовала и на него – штанины брюк и ботинки были перепачканы.

– Проходите, майор, видать вам совсем невмоготу.

Не говоря лишнего, майор нырнул в каюту и через пару минут выскочил оттуда, но уже припадая на ногу и растирая ягодицу.

Шакиров, не страдающий морской болезнью, успел оббежать весь трюм корабля и вернуться в свою каюту с новостями. Мы с Иваном Ивановичем что-то слишком расслабились и пластом лежали на кроватях, несмотря на то, что от доктора заполучили все сполна. Мы лежали поверх одеял, не в силах даже раздеться.

Наш командир тоже завалился на кровать и стал рассказывать, что он увидел в других экипажах. Стоило только

ему заикнуться о тошноте и состоянии людей там, мы с Иваном Ивановичем принялись кричать, животы наши судорожно дергались, но рвоты не было, нечем было. Вид пищи вызывал у нас отвращение. Изо всех троих сытым был только Руслан.

На тренировки выходили лишь абсолютно здоровые бойцы, и таких оказалось большинство.

Полковник Грохотов тоже чувствовал себя неважно, но он крепился, с головой окунувшись в работу. Боевой Приказ сразу ставит конечную цель, а для его выполнения нужно продумать и предусмотреть буквально все.

Техники много, разгрузка ее с корабля будет длиться долго, затем марш к указанному месту в условиях враждебного окружения и затем стойкая оборона до победного конца. Или... Продумать нужно буквально все, предусмотреть все нюансы, хотя многое изменится, и экспромтом придется менять тактику, исходя из создавшейся обстановки. Полковник решал эти сложнейшие задачи, вспоминая историю и очень завидуя уму великого полководца Суворова, который, говорят и пишут, в ходе боя в своей голове разыгрывал до трехсот его вариантов. Потому и не проигрывал никогда.

«Бог не выдаст, свинья не съест», мелькало в голове, но вспоминалась и другая поговорка: «На бога надейся, да сам не плошай». И полковник снова наваливался на работу, от правильной тактики, в конечном счете, будет зависеть жизнь офицеров и выполнение Приказа. Все это уже пройдено, «Там» ему пояснили до мельчайших подробностей план его действий и отпустили лишь тогда, когда он отчитался, повторив сказанное ему, как «Отче наш». Но в его подчинении столько молодых офицеров, что одна маленькая ошибка, равно как и оплошность, может стоить многим из них жизни. Такого он не должен допустить. Доведение плана действий до командиров боевых машин полковник отложил на последующие дни, дня за два до прибытия к месту выгрузки. До тех пор еще время есть, нужно работать.

Стоило только стихнуть ветру, вокруг корабля завертелась чехарда летающих средств. Откуда-то появились военные истребители, а рокот вертолетов, кажется, навсегда завис над двигающимися на юг судном. Истребители выскакивали из-за облаков, снижались

на минимальную высоту и делали облет корабля то с одной, то с другой стороны, вертолеты висели прямо над рубкой, периодически меняя друг друга.

Полковник Грохотов оповестил свою Команду о порядке соблюдения секретности. На палубе никто не появлялся, и даже никто не пытался выглядывать в дверные проемы и иллюминаторы. А с вертолетов мощные громкоговорящие установки приглашали экипаж выйти на палубу и прослушать кое-какую информацию, на что судно отвечало грубовым молчанием. Такое поведение людей на корабле глубоко разочаровало людей, болтающихся в воздухе. На вертолетах сменили тактику. Зная, что внутри корабля очень хорошо слышны их призывы, они повели прямой монолог по охмурению всех живых людей, находящихся в чреве корабля.

– Ребята, мужики! Что вам не сидится дома? – на чистом русском языке вещали с вертолета. – Что вам нужно в чужой стране? Пусть люди живут, как хотят сами. Зачем им мешать?

Мы с Иваном Ивановичем отошли от болезни, ожили, чем доставили неопишуемую радость своему командиру. Прежде всего, были уничтожены следы морской болезни, все замыто и вычищено. Внешний вид приведен в порядок: умыты, побриты и обмундирование выглажено.

Слегка возбужденный Шакиров убежал, не сказав ничего, и вскоре вернулся с книгой в руках.

– Угадайте, что у меня это? – спросил он, загадочно ухмыляясь. – Сам Грохотов дал на десять минут.

Иван Иванович вслух начал удивляться:

– Интересно, что он мог тебе дать, уж не сам ли Боевой Приказ?

– Ближе бери, Иван Иванович. Всего-навсего, «Атлас мира». Выпросил его с трудом, не положено давать любые карты Команде. Тем не менее слишком много вех у нас в пути было: Ламанш, экватор, ревущие сороковые, из которых мы еще не вышли.

Мы, все трое прилипли к карте. Чуть заметные точки от простого карандаша дали нам почти точное местонахождение нашего судна. Последняя точка, поставленная, видимо, в этот день, стояла недалеко от Фолклендских островов на пятидесятой широте южного полушария.

– Не солидно как-то нашему полковнику иметь такие карты, – возмутился

я. – Это же школьный атлас, он и не совсем точный, и так... Короче, не совсем солидный.

– У него и этих карт не должно быть. Все выполняю свои задачи. Вы думаете, что у капитана корабля и его экипажа нет Приказа? Есть. И они с честью выполняют его. Дойдет очередь и до нас. Тогда у полковника и появятся те карты, по которым мы и будем выполнять свою задачу. А вскрыет он пакет с Приказом и точнейшими картами после радиোগраммы оттуда, «сверху», или в ранее оговоренном месте. А Приказ этот в сейфе у Грохотова спрятан до нужного времени.

– Надо же, как тут все закручено, – покачал головой Иван Иванович. – А ведь действительно, насколько мы наивны, думаем, что появимся там, поговорим, потрясем оружием – и домой. Вся Команда не верит в то, что мы стрелять в кого-то будем, и по нам будут стрелять и стараться уничтожить. И не выживем мы все, многие мамки не дождутся своих сыновей, сложивших головы. Знать бы только, за что?

– Прекрати, Иван Иванович, – я резко остановил его. – Я, лично, знаю, что нас ждет и что потребуется от нас, но стараюсь не думать об этом, для этого будет еще у нас время. Много думать – с ума сойдешь.

– Ну, как не думать? Ставка слишком велика – жизнь, – возразил Иван Иванович.

– Иван Иванович! Люди смертны, каждый из нас уйдет в мир иной. Но мы и не задумываемся над этим, и не оплакиваем себя ежедневно, хотя отлично знаем, что когда-то умрем. Ладно, хватит об этом. Давайте посмотрим по карте, что впереди, да карту-то нести надо, – я чувствовал, что говорю прописные истины, но говорю их с таким апломбом, что даже Руслан, любитель пофилософствовать, поджал губы и покрутил головой.

Снова все трое уткнулись в карту.

– Ну, что рассмотрели там? – спросил полковник Шакирова, когда тот возвращал Атлас.

– Да то же, что и вы.

– Как понять тебя, Шакиров?

– Ваши точки или как их еще называть, отметки на карте, дали нам возможность понять, где мы сейчас находимся.

– Ну-ка, покажи, что за отметки там.

– Пожалуйста, – Шакиров раскрыл атлас и ткнул пальцем в последнюю точ-

ку, немного севернее Фольклендских островов.

Полковник побагровел и попросил Шакирова:

– Иди, лейтенант, иди. Мне тут кое с кем разобрататься сейчас надо будет. Иди, иди.

Руслан, выйдя за брезентовую шторку, немного задержался и услышал сначала громкий стук в дверь, затем басистый говор Грохотова, переходящий в крик. Отвечали ему тоже криком. Они говорили на высоких тонах. Руслан, конечно же, был на стороне командира, потому, идя не торопясь в свою каюту, по-мальчишески, наивно, рассуждал: на какой минуте он завалит майора, если Грохотов заставит его пойти на поединок с ним.

На следующий день сразу после утренней тренировки полковник собрал в своей палатке весь состав Команды.

– Что случилось? – недоумевали офицеры. Все последние построения Команды связаны с убийствами и с покушениями на убийство, оттого и насторожились ребята, поглядывая друг на друга. Но все обошлось в этот день без кровопролития.

Немного говорил полковник:

– С этого момента для нас действительны законы военного времени. Все приказы должны выполняться беспрекословно, невыполнение распоряжений старших начальников – военный трибунал. Из боевых машин убрать все лишнее. Подробнее вам объяснят ваши командиры, которые сейчас останутся. Остальным действовать по распорядку.

В столовую Руслан пришел, когда мы уже опустошили свои тарелки. Иван Иванович сбежал за добавкой для нас двоих, чтобы был повод остаться за столом. Но его ожидала небольшая неприятность, Руслан отказался комментировать Грохотова в столовой, а я отказался от еды, сказав, что сыт по горло. Иван Иванович, пыхтя и потев, доел все, что принес, и, не спеша, один, направился на отдых в каюту. Я вполголоса сказал Руслану:

– Обиделся наш Иван Иванович.

– А ты обратил внимание на то, что он доел все? Не принято у них пищу, а особенно хлеб, выкидывать. Трудно давался он в какие-то годы. В крови осталось.

Когда мы с Шакировым вошли в каюту, Иван Иванович уже спал, а может быть, обидевшись, притворялся спящим. Шакиров подошел к нему и тихо

тронул плечо. Иван Иванович мгновенно оказался сидящим.

– Захрапел, да? Извиняюсь, конечно, но время...

– Нет сейчас послеобеденного отдыха, с сегодняшнего дня нет, любезный Иван Иванович.

– Виноват, – сделав округленные глаза, сказал наш коллега.

– Послушайте меня внимательно, новые задачи поставил нам полковник Грохотов. Первое, что нам нужно, это понять серьезность обстановки, в которой мы скоро окажемся. Представим, что мы оказались на серьезных учениях с боевой стрельбой. Поэтапно мы будем получать задачи, которые необходимо выполнить во что бы то ни стало. Невыполнение одной из них, приведет к провалу операции в целом. Мы уже давно не рядовые солдаты, и поэтому разумная инициатива каждого из нас, окажись мы в отрыве от руководства, будет лишь приветствоваться. Но, повторяю, лишь разумная инициатива и принятие правильного решения помогут выйти из критической ситуации. Да, главное чуть не забыть – сейчас же давайте к машине и выберите изнутри все, буквально все лишнее. Ни одной бумаги с русским шрифтом не должно там быть.

– Хм, у меня там целая книга в шестьсот страниц, – сознался Иван Иванович.

– Что она там делает?

– Лежит. Когда вы нормативы отрабатываете, скачете туда-сюда, из люка в люк, я в это время книгу читаю, надеваю шлемофон, чтобы не было слышно ваши вопли и сижу спокойно, читаю Майн Рида.

– Так тебя от тренировок освободили, чтобы ты обслуживанием танка занимался, чтобы был он лучшим в Команде, а ты...

– Руслан, да ты же отлично знаешь, что наш танк самый лучший, и на протяжении всего пути он лучший.

– Так-то так, но лучше принеси Майн Рида сюда, а то читать нечего совсем. Принеси, принеси, дружище, – Шакиров похлопал по плечу Ивана Ивановича, тот, скривив лицо, произнес:

– Язык мой – враг мой.

Серьезное выражение лиц у спящих по проходам между кают офицеров команды порадовало полковника Грохотова. Всего несколько минут назад, поставил он командирам машин задачи, и они, вот уже, выполняются.

– Неплохо, неплохо, – думал Грохотов.

Конечно, каждый из офицеров, ему подчиненных, сам является самостоятельным командиром, способным вести в бой подчиненных. К исходу дня все было выполнено, и даже книга Майн Рида в оранжевом переплете нашла свой приют под подушкой в постели Ивана Ивановича.

Выход на палубу был запрещен вообще, даже в вечернее и ночное время.

– Конспирация должна быть полнейшая. В газетах некоторых стран большое количество снимков нашего корабля с людьми в униформе на палубе, – говорил командирам боевых машин полковник Грохотов.

Командиры в палатке собирались трижды в день. Весь состав Команды не имел личного времени, готовя себя, технику, обмундирование и все прочее к суровым испытаниям.

– Как жаль, что у нас нет возможности выйти на палубу, – мечтательно сказал Руслан, ложась в постель. Мы, его друзья, уже с полчаса, лежа в постелях, наблюдали за ним, мечущимся по тесной каюте. Третий сбор у полковника затянулся, и подготовку к завтрашнему дню, Шакирову приходилось делать после отбоя.

– Руслан, отчего ты сожалеешь, что мы не выходим на палубу? Не такое уж большое удовольствие торчать на ветру. Кроме звезд на небе, там ничего и не увидишь.

– В том-то и дело, Виктор, что мы сейчас огибаем Огненную Землю и находимся в проливе Дрейка. Через Магелланов пролив, который бы сократил наш путь на двое суток, нас не пропустили. Так вот, земля сейчас рядом с нами, и как было бы интересно посмотреть на светящиеся берега, на огни маяков, сердце защежит. Да еще представишь, что это берег родной Волги. Родом я оттуда, из Казани.

Ребята лежали молча, и каждый представил себе те места, где проходили их детство и юность, а Руслан продолжал вспоминать вслух. Он говорил, прикрыв глаза, и мечтательная улыбка не сходила с его лица.

– Помню, в школе еще учились, со всем пацанами были. Летом, во время каникул, отпросишься, бывало, у матери на ночную рыбалку, соберется нас человек пять. У кого сетешка отыщется, у кого леска с крючками, на живца

ловить, и глядишь, тащим к утру рыбы всякой домой. Так, что и на уху и пожарить хватало. Только главное-то – и не рыба вовсе. Плынешь на лодке в полукилометре от берега, все кругом огнями сверкает, красота неопишуемая. Со временем огней становится меньше – засыпает город, а глубоко за полночь горят только уличные фонари, но красоты город не теряет. Я любил и лес, любил собирать грибы и ягоды. Ведь мать у меня русская, это отец – Шакиров. По его настоянию и с материнского согласия и имя мне дали компромиссное – Руслан. Вроде татарское, а вроде, как и русское. Так и подруги у меня были и русские, и татарочки. Никому не давал свой адрес, но узнали от матери, добрая она у меня. Вот и писали мне, пока учился в училище, сразу две девушки: русская – Оленька, и татарка – Фаина. Только писем я им не писал, посылал только по праздникам открытки, а представлялся случай, телеграммами отделялся. Не знаю, может быть, одна бы писала, так что-нибудь и вышло, а тут сразу две. Так, просто, друзьями их считая или как, наверное, подругами. Не нашел еще ту, что на сердце бы легла. Впереди еще все. Вот вернемся, найду хорошую девушку и женюсь сразу. Вернемся, обязательно вернемся.

– Дай-то бог, – сказал я.

Прошло еще двое суток. К рокоту вертолетов, доносящемуся снаружи, привыкли настолько, что не стали замечать этот назойливый звук, а сначала он был так же неприятен, как писк комара в ночное время, пробравшегося в полог кровати и мешающего спать. Хотелось просто отмахнуться рукой. Военные истребители с рваным треском пронеслись прямо над водой вблизи корабля.

Тренировки на технике и в спортзале стали еще интенсивнее, времени на них отводили еще больше. Во время бывшего послеобеденного отдыха и в личное время все члены Команды готовили свое полевое обмундирование личное и стрелковое оружие. Мне, кроме того, пришлось пересмотреть и обслужить все свое подводное снаряжение.

Большой нервозности не было. Конечно, день весь был в делах, и думать о чем-то не было времени. Зато ночи стали очень длинными, даже уставшие от дневных дел офицеры долго не могли уснуть, каждый думал о сво-

ем и по-своему, большинство бойцов засыпали лишь тогда, когда снаружи уже начинал брезжить рассвет.

Утром дотошный Иван Иванович, сбегав в галюнь, влетел в каюту с шумом, с каким-то шипением и разбудил меня и Руслана. Я, протерев глаза и взглянув на часы, отпустил в адрес коллеги несколько нехороших слов и, повернувшись на другой бок, старался снова заснуть, однако прислушался к разговору моих друзей.

– Ну, что ты там увидел? Серьезное что-то? – зло спросил его Руслан.

– Мужики! Не поверите, мы, никак, домой возвращаемся!

– Ты что-нибудь ел сегодня?

– Нет, а что?

– Похоже, что ты еще вчера поел это что-то не то. Бред несешь.

– Ну, для кого бред, а для кого и нет, – в рифму заговорил Иван Иванович. – Вы хоть дослушайте меня.

Он заметно занервничал и возбужденно заходил по каюте.

– Хотел вам приятную новость сообщить, а вы... Эх, вы!

– Иван Иванович, прости. Просто обидно, что поспать спокойно до подъема не пришлось. Ну, давай, что там у тебя?

– Ладно, слушайте. До обеда у нас всегда солнышко с левой стороны было, так? А после обеда – с правой, верно? Всего-то несколько суток не был на палубе – и на тебе, солнце с утра с правой стороны.

– Ты откуда это, парень, узнал про солнышко, или понаслышке? На палубу ведь запрещен выход?

– Все так. Да, я, выходит, нарушил запрет, из любопытства выглянул из двери за галюнем, смотрю, не так что-то. За бортом вода как вода, палуба как палуба. Но все равно что-то не то. Пока шел до каюты, представил себе – идем на юг, солнце всходит на востоке, слева то есть, а тут утро – и на тебе, солнце справа. Такое может быть только тогда, когда корабль развернется, да обратно пойдет.

И откуда только такое многословие у нашего коллеги? Молчун ведь по натуре-то, правда, иной раз может такую реплику отпустить, что рот откроешь от изумления.

– Напрасно, видать, я у полковника атлас выпрашивал, Иван Иванович, – грустно ухмыльнулся Руслан.

– А в чем я не прав? – ошетинился Иван Иванович.

Тут уж я, не сдержавшись, поднялся с кровати и, присев на край стула напротив Ивана Ивановича, спросил его:

– Листочек бумаги есть у тебя?

– Говори, на словах пойму, – обиженно надув губы, буркнул он.

– Так вот, слушай, шли мы, шли на юг. Дошли до крайней точки на юге материка, обогнули его и... Куда пошли?

– Хватит втирания мне делать. Понял я все. Пошли почти на север, и теперь солнце всходит с правой стороны корабля, – начал агрессивно Иван Иванович, но, подумав, продолжил уже миролюбивым тоном. – Извините, друзья, такой вот я тугодум. Простите, что панику навел. А я уже порадовался в душе, что идем обратно. Как бы это было хорошо для всех. И что мне так ударило по голове? Видимо, очень уж сильно хочется покончить с этим круизом. Мне во сне стало сниться, что домой возвращаюсь и меня мать встречает.

После утренней встречи с полковником, Шакиров пришел в столовую немножко хмурым и расстроеным.

– Расскажу в каюте, – коротко сказал он, увидев наши вопросительные взгляды.

– Продолжаем заниматься по порядку. Вечером полковник Грохотов даст новую вводную. О чем будет разговор, даже представить себе не могу, но Грохотов и офицеры внутренней службы безопасности какие-то взъерошенные, и не понимают, то ли они расстроены чем-то, то ли испуганы.

– Неужели началось? А как бы не хотелось. Теперь расслабляться нельзя. Воевать, так воевать.

На тренировке ребята как никогда были вялыми, часто садились отдыхать. Сидели молча, глубоко задумавшись. По всей вероятности, это было результатом сообщения командирами о новой вводной. Что скрывается за этой вводной, никто не знал, были лишь одни предположения, большинство которых сводилось к началу боевых операций в ближайшее время. Паники или боязни не было совсем, но задумчивость охватила буквально всех. Ближе к обеду тренировка вошла в свой прежний ритм, и только неизвестность не давала покоя душам молодых офицеров. На обеде все было как всегда, ребята шутили и подтрунивали друг над другом.

Спокойная, сытая и ритмичная жизнь заставила забыть офицеров Команды об их назначении в этом Походе. Казалось,

что путешествию не будет конца, и только сегодня, получив расплывчивую информацию про новую вводную, которая будет доведена сегодня вечером, офицеры Команды пришли к выводу, что нужно настраивать себя, грубо говоря, на войну. Для этого они здесь, для этого корабль загружен боевой техникой, и не избежать никак того, что предстоит им делать и выполнить потому, что это позарез нужно политикам, которые и организовали этот Поход.

Снаружи корабля доносился неумирующийся стрекот вертолета. Сквозь его шум можно было различить голос какого-то оратора, который в микрофон уговаривал Команду вернуться домой, к маме.

– Там хорошо, там вас ждут русские девушки, самые красивые девушки в мире. Им будет жаль вас, если вы погибнете на чужбине, а они останутся другим, более умным молодым людям.

Болтовня с воздуха начиналась ранним утром и заканчивалась поздно вечером, она приелась до тошноты, и практически никто из бойцов не вникал в ее содержание.

Однако кое-что сказанное вызывало уважение к разведке той страны, откуда этот вертолет. Они знали больше о наших целях и маршруте, чем вся наша Команда. В одном они ошибались, наверное в самом главном, они называли членов Команды солдатами и рекомендовали послушаться офицеров, которых на корабле очень мало. Они даже представить себе не могли, что Команда на корабле состоит из специально отобранных офицеров Советской Армии. Их призывы с воздуха оставались безответными.

Во время обеда я обратил внимание на сидящего через столик Фирсова, своего коллегу, тот постоянно поглядывал на меня, видимо, желая поговорить. Выйдя из дверей столовой, я сразу его увидел, он поджидал меня. Мы отошли немного в сторону из узкого коридорчика, по которому двигался бесконечный поток голодных людей в одну сторону, сытых – в другую.

– Виктор, предупреждаю, никому ни слова. То, что я слышал, может оказаться большой ложью, блефом, но держать в себе это известие, сказанное с вертолета, я не в состоянии. Я должен с кем-то поделиться и вот, остановился на тебе. Я воронку металлическую нашел около техники зенитчиков и вспомнил, как диагностику легковой тачки у

меня делал специалист, ну и я решил ею воспользоваться. Приложил ее к металлической переборке там, за галюном, и стал слушать из любопытства, слышно очень четко, правда, не очень громко. И, представляешь, услышал... – он в большом волнении замолчал.

– Что услышал? Говори, что услышал? Ну!

– Мы об этом и не слышали. Как я понял, задачи нам должны ставить поэтапно. Третий этап – это разгрузка и так далее. А они с воздуха говорили о нашей конечной цели, спасти жизнь президента. Но, видимо, там боевые действия уже начались, и убит тот, ради которого организована наша экспедиция. Так что, если это правда, наша жизнь может круто измениться.

– Да ты что-о-о? – больше я ничего не смог сказать.

Груз тайны завис за моими плечами. С этой тяжестью я пришел в каюту, где мои друзья надумали провести генеральную уборку, из-под кроватей торчали лишь ноги и задние выпуклости Ивана Ивановича и Руслана.

– Эх, рогатки не хватает, цели уж больно заманчивые.

– Прекрати, да сам вперед под кровать. Пыли с вершок. Чем дышим? Чем дышим?

Порядок навели быстро, пока пол оставался мокрым, решили передохнуть, забравшись с ногами на кровати.

– Что-то мне не нравится твое состояние, Виктор. Загадочный какой-то, да и молчаливый. Случилось что? – бросив лишь секундный взгляд на меня, спросил Шакиров.

– Мужики! Слово дал молчать! Но и не поделиться с вами не могу. Вашими секретами вы делитесь, но тут такое дело щепетильное. Человеку, который мне это сказал, я пообещал молчать, лучше не называть его имени. Слушайте.

Я пересказал все то, что услышал от Фирсова, чье имя не фигурировало в моем повествовании. Это сообщение произвело на моих коллег воздействие точно такое же, что и на меня самого. Друзья молчали, но внезапно засветившиеся глаза сказали все. Никаких вопросов не было, но я знал, что творится в душах моих друзей, испытал все это сам.

В молчании все трое думали об одном и том же. И тут вот впервые появилось чувство страха. Этого чувства не было ни у кого из нас с момента по-

грузки в том далёком порту, не появилось оно и после читки Боевого Приказа и осознания своих задач и места в его выполнении. Мощь техники, собственная духовная и физическая сила помогали быть уверенными в победе, страха – не было. Страх появился лишь сейчас, основываясь на недоверии, что сказанное и услышанное о событиях в том месте, куда мы спешили, является правдой.

В течение четверти часа экипаж оказался морально разложен, страх овладел сердцами храбрых и сильных духом офицеров.

На тренировку вышли нехотя. Шакиров обмяк до такой степени, что проиграл рукопашный бой бойцу посредственному, не имевшему никаких спортивных достижений. Иван Иванович вообще отказался от борьбы со своим постоянным напарником, он просто ушел к тренажерам.

Я с удивлением заметил, что нет главного подводника Фирсова. Кто-то сказал, что у него хандра. Что это такое, я и сам точно не знал, но понял, что состояние его души такое же, и мне до этой хандры тоже недалеко. В узком и длинном коридоре меня догнал Фирсов и сухо спросил:

– Ты что, разболтал все своим коллегам? Мы же договорились.

– Не переживай ты, все нормально. Да и с чего ты взял, что я рассказал? – не желая сознаться, выкручивался я.

– Я заглянул в зал, а вы все трое, как под гипнозом, заторможенные какие-то. И я в таком же состоянии. Хожу и боюсь всего, от всего шарахаюсь. Вспоминаю книгу одну – фантастика, но суть не в этом. Один человек там приобрел вечную жизнь и живет себе припеваючи, не подозревая о своей исключительности. Стоило только докторам сообщить ему, что он вечный житель и только физическое воздействие на него, то есть убийство, лишит его радости жизни. Так этот вечный житель стал бояться буквально всего: шараялся от лифтов, убегал от собак, разворачивался и шел в обратном направлении, если видел идущих ему навстречу хулиганов. Но однажды создалась ситуация, при которой мог погибнуть ребенок; он спас его, пожертвовав собой. Аналогичное происходит со мной, я боюсь всего. До этого известия, страха не было совсем, не побоялся бы выйти на схватку с волком. А сейчас шарахаюсь от всего опасного, так хочется живым и

здоровым вернуться домой, увидеть мать, жениться, и с женой готов служить даже в далеких гарнизонах. Главная боязнь – ложь в информации с вертолета. Если сегодня-завтра Грохотов не подтвердит сведений – сойду с ума.

Когда Шакиров отправился на планировку, мы с Иваном Ивановичем тревожно смотрели ему вслед. В ожидании его не говорили ни о чем, лишь периодически один из нас вставал и принимался нервно ходить по каюте. Подошло время ужина, но и после него командиры не появлялись. Иван Иванович, войдя в каюту, спросил меня:

– Ты обратил внимание на то, что поведение людей практически не изменилось. Все, как обычно. И разговоры ведут о том, как и где у нас будет проходить выгрузка техники, будет ли причал, не придется ли разгружаться под обстрелом. Совсем не похоже на то, что они знают или хотя бы краем уха слышали о том, что рассказал нам с командиром ты, Виктор.

– Ну-ну! Вы теперь все смертные грехи на меня спишете, случись, что с воздуха сказали неправду. Меня волнует слишком длительное совещание у полковника. Значит, будет что-то новое. Боюсь, что идет постановка задач на следующий этап наших боевых действий. Давай лучше дождемся Шакирова, а то навывдумываем с тобой черт те что, – предложил я Ивану Ивановичу.

Ждать пришлось еще довольно долго. Но, наконец, дверь каюты распахнулась, мы с Иваном Ивановичем не сводили глаз с его лица, стараясь понять по его выражению, какую новость он принес для нас, что будет дальше? Глаза, однако, не выражали почти ничего, только грусти или зла в них не было.

– Слушайте новую вводную, – присев на стул, объявил Шакиров.

Мы замерли в ужасе с приоткрытыми ртами.

– Ну и рожки вы сделали, – засмеялся Руслан. – Скажу заранее, чтобы вы не травмировали свои души – все нормально, но будет обидно и горько, когда во всем разберетесь. А теперь слушайте. Нас изначально готовили к проверке. По предложению психоаналитического отдела, какого – не знаю, да и полковник Грохотов не знает, Министерство обороны решило проверить моральный дух молодых офицеров. Они долго выбирали вариант этой проверки, а тут подвернулась одна okazия.

Наш сухогруз должен был доставить технику, которую мы видим ежедневно на тренировках, в страну, которая купила ее у нас в нашем военном ведомстве. Но нам об этом не было сообщено, не знал и Грохотов. Все было реально, за нами наблюдали те, кого мы величали службой внутренней безопасности. Ими создавались нештатные ситуации. Смерти четырех человек находят на совести того самого психотдела и этих шести наблюдателей. Ну, вот, вроде бы и все.

Да, с завтрашнего дня распорядок меняется. У нас будут политзанятия, тренировки спортивные остаются, а вместо тренировок на технике – обслуживание техники. Танк чтобы блестел, как «котловый зад», товар нужно представить лицом. Кстати, завтра же появятся у нас газеты и журналы, так что будет, чем заняться нам в послеобеденный отдых.

– Так отменен же он, – воскликнул Иван Иванович.

– Военное время отменено вот с этого самого момента.

– Ура-А-А! – закричали мы с Иваном Ивановичем изо всех сил и от души и обнялись. Подошел Руслан и обнял нас обоих.

Поворот дела решил все проблемы.

Крики из кают, радостные возгласы и топот ног раздавались по всему трюму корабля.

Выход на палубу был разрешен, но только небольшими группами, чтобы не привлекать внимание со стороны, ведь для продажи техники совсем не обязательна такая большая Команда. Да и щекотать кому-то нервы, волновать – едва ли стоит.

Встречаясь в кулуарах трюма корабля, офицеры жали друг другу руки, счастливо улыбаясь. У всех с души свалился груз, но расхлябанности не было. Порадовались – и будет, люди военные, пора и честь знать.

Впереди еще неделя пути, но это совершенно другой путь. Исчез давящий, убивающий душу и сознание комплекс войны, как тень преследующий судно на протяжении всего пути от Балтики и до самых южных широт Атлантики.

Лежа в постелях, весь наш экипаж не спал, ну, не мог спать – и все тут. Иван Иванович попытлел немного, хотел, было всхрапнуть, но на мой вопрос, не спит ли он, лишь сделал вид, что обиделся и тут же затребовал у меня:

– Мы с Русланом в какой-то степени выложили свои души. Очередь твоя, Виктор. Расскажи-ка ты что-нибудь, да поинтереснее, из твоей жизни.

– Да, на самом деле, ты стал молчалив, Виктор. Особенно, после смерти всех твоих друзей, кроме нас с Иваном Ивановичем, конечно. Ничего-то о тебе неизвестно, – можно сказать, попросил и Шакиров Руслан.

– Не знаю, что и рассказать. Право же, нет в моей биографии чего-то интересного, – начал повествовать я. – Вот вас ждут девчата: у Ивана Ивановича в Сибири осталась Надя, у Руслана сразу две – Оленька и Фаина. А у меня таких нет.

– Что так? Человек ты видный, жених хоть куда, и неужели у тебя нет девчонки? – возмущенно бормотал Иван Иванович.

– Любезный Иван Иванович, дай человеку договорить, – Руслан понял, что у меня это было лишь вступление, главное – впереди.

– Виноват, – Иван Иванович после этого слова наиграно шумно захлопнул рот.

– Дело в том, что меня очень ждет моя жена. Дочурка маленькая у нас есть. Если нас оставят служить за границей, я, как прибудем в часть, сразу вызов сделаю. Не пройдет и месяца, как они будут со мной. Даст бог, служить нам вместе придется, познакомлю вас со своей семьей. А там, глядишь, и вы меня познакомите со своими молодыми женами. Иван Иванович, тогда-то уж точно я увижу глаза твоей Надюшки, ты не раз повторял, что у нее глаза, как у поросятка. Держись, если обманул! И еще, мне очень интересно, кто будет женой у Руслана, русская или татарка? Да, что гадать, поживем – увидим.

Мой уклончивый ответ не устроил до конца моих коллег, они ожидали большего, но смирились и с этим. Они еще долго болтали, а я быстро уснул и крепко спал под их негромкий монотонный говор.

Как и обещали, на следующий день появились газеты и журналы. Кто и как их доставил на борт, было загадкой. Для журналов, несколько дней со дня их выпуска не имеют большого значения, но вот с газетами похуже. Просроченные два-три дня, они вызывали раздражение у некоторых офицеров. Но все равно, изголодавшиеся по печати офицеры запоем читали и перечитывали все подряд, все, что было. У Шакирова все-

гда в кармане лежала дежурная газета, подушка Ивана Ивановича значительно растолстела, я даже во время еды читал журнал, игнорируя распоряжение, запрещающее это делать в столовой. Слишком большой состав Команды, и есть приходилось в несколько смен.

Свой танк мы, можно сказать, вылили, не хотелось заскакивать на броню и оставлять черные штрихи от каблучков ботинок. Внутри машины уже давно все блестело, где нужно – все смазано и подтянуто, приборы и автоматика работают безотказно, как часики. Машину хоть сейчас продавай.

Когда феерическое настроение спало, мы, экипаж танка, стали задумываться над происшедшими в последние дни событиями, в корне и так легко изменившие жизнь офицеров Команды. Вечером, после ужина, отдыхая на заправленных кроватях, никто не читал; все лежали молча, глядя в потолок. Первым высказался Иван Иванович:

– Что-то все равно не так. Как хотите, считайте меня дурнем, чокнутым, с помутневшими от неожиданного счастья мозгами, но нам сказали неправду. Нам сказали, что целью этой экспедиции была проверка морального духа офицеров и поставка вооружения в страну, купившую его у нас. И будто, это очень выгодно совмещено. В эту легенду, может быть, и поверят, но только не мы, участвующие с самого начала в операции, с погрузки техники и до сих пор. Мы видели все, и смерти друзей, и подводную лодку, и зависшие над нами вертолеты. Тренировки, что на технике, что в спортзале, пойдут в пользу. Я рад, что время нашего путешествия не пропало даром. Они много дали, и теперь меня не страшит встреча как с непосредственными начальниками, так и с подчиненными, я смогу выполнить все, что от меня потребуется в Армии.

Шакиров сразу подхватил разговор, придерживаясь той же темы:

– По-моему, ты полностью прав, дорогой Иван Иванович. Мы все трое одинаково думаем. А подтверждением правильности твоих рассуждений будет в ближайшее время наша подписка о неразглашении сведений об участии в совершенно секретной миссии на пожизненный срок.

Я, как всегда в последнее время, добавил немного, но, кажется, по существу:

– Загадочное исчезновение Демина тоже о чем-то говорит.

– Ну, Демин – человек конченный. Сошел с ума и прыгнул ночью в океан, вот и вся пропаша, – сунулся Иван Иванович.

– Исчез не только сам Демин, исчезло и его подводное снаряжение. Из шести комплектов, находящихся в шкафу, выбран только один, который принадлежал именно ему. Где он лежит, знал только Демин.

– Да, – вздохнув, сказал Шакиров. – Здесь все так засекречено, что вряд ли кто когда-нибудь разберется, для чего же все-таки была организована наша экспедиция. А мы, наверное, так и умрем, не узнав о нашей роли во всем этом запутанном деле.

Глубокой ночью в каюту кто-то постучал. Весь экипаж проснулся, но никто голоса не подал, может, померещилось. Но стук повторился, а пока Шакиров поднимался с кровати, настойчиво постучали и в третий раз.

– Хватит стучать. Что случилось?

За дверью человек голосом Фирсова сказал: «Открой». Дверь открылась, в каюте включили свет, в проеме стоял Фирсов.

– Срочно, мужики, Виктора к полковнику.

Я стал быстро одеваться, сердце учащенно забило, тело ослабло.

– Ты толком объясни, что случилось? – наступал на Фирсова Шакиров.

– Некогда. Да я пока и сам не знаю, для какой цели собирают подводников. Там уже полковник, майор Скуратов. Ждут нас.

Шакиров как-то странно посмотрел на меня.

– Ну, друг, твое время пришло испытать удачу. Страшно?

Я не ожидал этого вопроса, растерялся и неуверенно пожал плечами.

– Вчера было бы страшно. А сегодня – нет. Идем ведь неизвестно куда.

Иван Иванович вылез из постели, подошел ко мне и обнял.

– Удачи тебе, Виктор. Мы с Русланом будем ждать тебя. Живым.

Мы с Фирсовым широким шагом уходили от каюты, у дверей которой стояли два человека и глядели нам вслед.

– Вас пятеро, – хрипло сказал полковник. – Пятеро и должны вернуться. Введу вас в курс дела и ставлю перед вами задачу. Наблюдатель от капитана

корабля заметил в глубине несколько точечных источников света. Вернее всего, это фонари подводников. С какой целью они движутся к кораблю – неизвестно. Но предположить можно. Движение их чем-то замедляется, и огни сконцентрированы в одном месте. Возможно, они доставляют какой-то груз. Ваша задача: любым способом предотвратить диверсию. Даже если это мирное мероприятие – всё равно, не разрешать им приближаться к кораблю во что бы то ни стало. В случае атаки действовать по своему усмотрению. Но – обдуманно. Через десять минут погружение.

Огни, по докладу наблюдателя, приблизились к правому борту и находятся на глубине от семи до десяти метров. Всего семь огней.

Пять темных фигур исчезли в пучине океана с левого борта корабля. Вода сразу как-то оглушила меня, как, видимо, и всех остальных подводников. В сплошной темноте я потерял ориентировку, я не знал, не понимал, где дно. Фонари включать было еще рано, от нас требовалось внезапное появление около противника. Я крутил голову, пытаюсь найти хоть какую-нибудь ориентировку, стало страшно. Совершенно неожиданно я увидел вдруг ярко светившиеся фонари. Они периодически освещали барахтающиеся в воде человеческие фигуры в ярких оранжевых костюмах. Рядом со мной появилось «что-то», мы оцупали друг друга и, довольные встречей, держась за руки, направились к неизвестным аквалангистам. Кто-то ухватил меня за ногу, заставив испугаться. Видимо, все мы были рядом. На небе между тем уже брезжил рассвет, небо голубело, и мы стали различать силуэты друг друга. Видны все пятеро. Мы имели преимущество перед противником. Они слепили друг друга огнями ярких фонарей и не видели в кромешной для них темноте никого, кроме себя. Они даже и не подозревали, что кто-то может появиться в воде под кораблем кроме них. Потому они и действовали открыто. Изредка свет фонарей падал прямо на нас, и тогда можно было разглядеть лицо человека, спрятавшегося за маской, но светлое пятно тотчас пропадало, прикрытое рукой.

Группа людей в оранжевых костюмах, отыскав подходящее место в днище корабля, всеми силами пытались прилепить прямо к металлу какую-то

прямоугольную штуку, величиной, пожалуй, больше, чем любой из них. У них что-то не получалось, стало видно, опять же в свете фонарей, как четверо из них, немного опустились, держа за ручки по углам этот черный ящик. Они выбивались из сил, работая ластами, груз был тяжеловат для четверых. Один подводник светил сразу двумя фонарями, освещая участок днища, а еще двое усиленно счищали водоросли и ракушки, толстым слоем покрывшие металл дна. Лучшего момента, для нападения на них, могло больше не быть.

Меня рванули за руку, рядом вспыхнул фонарь, затем – все пять. Противник был не более чем в пяти метрах от нас. Четверо с ящиком не оказали никакого сопротивления. В свете фонарей стало видно, как замутилась вода, как в глубину стал уходить черный ящик, увлекая за собой неподвижные силуэты людей в оранжевых костюмах. Я поднял сноп света от фонаря вверх. Две темные фигуры наших бойцов вели бой с двумя чистильщиками днища корабля, и вскоре два оранжевых костюма отделились от наших ребят и в нелепых позах пошли ко дну, постепенно исчезая из вида.

Человек с двумя фонарями оказался самым крупным и, вероятно, самым подготовленным из этой диверсионной группы. Он толкнул один из фонарей в лицо приближающемуся к нему Фирсову, в его руках оказался длинный нож, и он пошел в лобовую атаку на нашего тренера. Преимущество явно было за ним. Я не мог допустить, чтобы Фирсов погиб. Используя свою скорость под водой, я в считанные секунды догнал оранжевый костюм и, находясь в воде выше его, вырвал из его рта загубник с дыхательной трубкой, лишив его возможности дышать. Через несколько мгновений, после встречи с Фирсовым он уже шел ко дну, оставляя в воде мутный шлейф. Противника больше не было, а у нас не было потерь.

На корабле очень ждали нашего возвращения. Черный полковник метался по палатке, рядом с ним бежал майор Скуратов и успокаивал полковника. Увидев нас, они бросились помогать нам, освобождаться от аквалангов. Фирсов построил нас четверых и доложил полковнику Грохотову о выполнении боевой задачи. Полковник, а за ним и майор Скуратов, крепко жали руки всей нашей группе подводников и благодарил

ли за скорую и чистую победу над диверсионной группой, численно превосходящей нас.

Растроганный полковник чуть не прослезился, сказав:

– Товарищи офицеры! Я уверен, что точно так же мы выиграли бы последнюю схватку с врагом, если бы нам позволили выполнить Боевой Приказ до конца.

Зная о том, что черный ящик находится на морском дне под нами, полковник поспешил к капитану корабля, и вскоре корабль изменил свое место стоянки в бухте.

Друзья с нетерпением ожидали его возвращения, они не сомкнули глаз с тех пор, как я ушел с Фирсовым. Они ни о чем не расспрашивали меня, они уже все знали, у палатки постоянно дежурил кто-нибудь из офицеров, и все новости о нас передавались из уст в уста. Шакиров и Иван Иванович молча стояли рядом со мной и, улыбаясь, разглядывали меня, как человека, вернувшегося с того света.

– Так уж получилось, Виктор, что боевое крещение получил только ты один из нашего экипажа.

– Дай бог, друзья, чтобы не пришлось никогда получать такое крещение вам.

Мои коллеги прилегли подремать, а я сидел на кровати до рассвета и думал о том страшном сне, который я пережил сегодня ночью.

Незаметно подошло утро. Сигнала подъема не было, никто уже не спал. Большинство офицеров находилось на палубе.

Берег приблизился настолько, что стали видны движущиеся автомобили, а аккуратные белые домики с яркими оранжевыми крышами, раскиданные по всему побережью на фоне гор и океана, завораживающе действовали на офицеров Команды, никогда не видавших ничего подобного.

– Посмотреть бы на все это вблизи. Может, отпустят в увольнение? – размечтался один из офицеров.

– Жди! Да и куда же ты пойдешь без денег? Мы еще пока люди казенные, – возразил ему товарищ.

Послышалась команда:

– Всем собраться в палатке для совещаний!

Офицеры нехотя покидали палубу. В трюме корабля громко говорили динамики радиооповещения, призывая всех офицеров срочно собраться в палатке.

Из каюты вышел полковник Грохотов. Он был без головного убора, и язык не повернулся бы ни у одного стоящего в строю офицера назвать его Черным полковником, его виски были белыми. Во время всего путешествия они были черны, как вороново крыло, сейчас же выглядели покрашенными белой краской.

– Друзья мои, вот и подошло время расставаться. Я бы много дал, если бы смолоду судьба свела меня служить с такими же сильными офицерами, грамотными, бесхитростными, умеющими дружить и любить. Простите меня, если что не так, но имейте в виду, я тоже не знал, что произойдет в конце нашей операции. Начальству виднее, как надо было обойтись с Командой молодых офицеров и со мной, стариком, но мы себя не подвели, мы выполнили все, что требовалось от нас на прошедших этапах, выполнили бы и то, что пришлось отставить в связи с создавшимися обстоятельствами. Благодарю за службу! Прощайте! Служить вам еще долго, вы только начинаете службу-то. Это я, старик, как прибуду в свою часть, рапорт на увольнение сразу напишу. Не смогу я больше служить после нашего круиза. У вас, у молодых, и то нервы срывались, а мои нервы совсем превратились в лохмотья. Механикам остаться, остальным по каютам за своими вещами. Соберите их и ждите очередной команды.

Офицеры расходились молча, лица их, внезапно помрачневшие, не выражали ничего. Вроде бы радоваться надо, да какая может быть радость, если предстоит расстаться самым лучшим друзьям. Каждый расстанется с коллективом, сплоченным в военное время. Неизвестно, каков бы был финал, если бы пришлось до конца выполнять Боевой Приказ. Но офицеры были готовы ко всему, они знали, что даже при хорошем раскладе дел в ходе операции не все выживут, а возможно, большая часть бойцов погибнет. Не думали только о том, кто погибнет, все находились в равных условиях.

Будут новые коллективы, новые друзья, жизнь-то только начинается, но начало этой жизни оказалось необычайно суровым, и едва ли когда забудутся эти дни, проведенные на судне и этот путь, метко названный одним из офицеров, шедших по нему «Дорогой в никуда».

Корабль встал к причалу. Краны под-

нимали многотонные танки, как спичечные коробки, и расставляли их, как игрушки, на бетонной платформе. За танками следовали зенитные установки и затем «Уралы», загруженные снарядами. Вся эта техника, выставленная на открытую площадку, выглядела угрожающе и очень внушительно.

Мы с Русланом долго вытряхивали из постели Ивана Ивановича его вещи, не забыли и про заветный его сундучок из-под кровати, но когда перед началом выгрузки техники Команда была выведена на берег, ох и чертыхались же мы, нагруженные почти непосильными ношами.

– Вот, второй Плюшкин завелся. Сами его породили, сами и расхлебываемся, – шутиливо ворчал Шакиров.

– Да он, наверное, всю корреспонденцию собрал с корабля и в сундук упрятал, тяжесть такая. Эх! Сила есть – ума не надо. Тащи да тащи.

Механики выполнили свою работу, и Иван Иванович быстро нашел нас с Русланом по своему заветному сундучку, окрашенному в хорошо заметный светло-салатный цвет.

– Тапочки мои не забыли? А где туалетные принадлежности? – заботливо проверял он все свое хозяйство. Не найдя какой-то безделушки, Иван Иванович хотел было вернуться на корабль, но раздалась команда на построение.

На борту корабля стоял штатный экипаж в парадной форме. На протяжении всего пути они были невидимы для нас, но не все же делалось на корабле само собой. Тут тебе и готовые завтраки, обеды и ужины, пол в трюме корабля к утру становился чистым и влажным, невидимые матросы получали и разносили в последнее время газеты и журналы. Их не видели и не задумывались над тем, кто все это делает. Офицеры Команды принимали это как должное, порой злились, что какой-то газеты не достает или на столе оказывался слегка черствый хлеб.

Вот теперь они вышли проститься с командой офицеров, с которыми прожили месяц, так и не познакомившись.

Перед погрузкой офицеров в автобусы матросы на корабле замахали руками, что-то кричали, но их было плохо слышно, раздался долгий гудок. Корабль тоже прощался с офицерами.

– Привыкнуть легко, расставаться трудно, – мрачно сказал Руслан, заморгав своими повлажневшими глазами.

Колонна автобусов тронулась, но

ребята все оглядывались на корабль и стоящих на борту матросов до тех пор, пока те не исчезли из виду.

Город оказался довольно большим и красивым. На фоне гор и чистого неба, казавшихся декорацией, он расположился в низине, подставив свои оранжевые крыши раскаленному солнцу. Вдали видны большие современные здания, но автобусы прошли по окраине города с большим количеством чистеньких и аккуратных домов, изготовленных, по всей вероятности, из пилевого ракушечника. Автобусы шли к аэропорту.

«Наблюдатель» майор и его команда на протяжении всего пути инструктировали в автобусах офицеров.

Запрещалось вступать в контакт с местным населением. Вести себя нужно скромно, вежливо и доброжелательно, меньше разевать рот, засматриваясь на смуглых женщин. Меньше бродить по аэропорту, заглядывая в магазинчики, бары и киоски. Все равно, денег нет и не будет. Самолеты будут вылетать через пару часов с промежутками в один час.

Зачитали списки офицеров, летящих в разных направлениях, одни летели в Москву, другие в ГДР, был самолет и в Киев. Нашей команде подвезло, все трое летели в Германию.

До самолета оставалось еще около часа, багаж сдан, сидеть или стоять на одном месте – дело унылое и никуда не годное. Хотелось пить, киоски и бары заполнены напитками, но денег нет.

– Ребята, я отлучусь ненадолго, так вы, если что, скажите, что я в туалете, – попросил Шакиров и, хитренько подмигнув мне, немедленно удалился.

– Куда черт понес? – сердито заворчал Иван Иванович.

– Дорогой Иван Иванович, уж если человек возвращается, можно сказать с того света, снова оживает, то за него, такого-то, не стоит и беспокоиться. Придет, – успокаивал я своего друга. Руслан, однако, не появлялся долго.

Неожиданный шум, возникший где-то в переходе на лестнице, привлек внимание не только офицеров, по залу со всех сторон сбегались полицейские. Один из полицейских, видимо старший, отыскал глазами высокого русского полковника и, слащаво улыбаясь, пригласил его пройти к переходу.

– Ну, все, вот и наш Руслан объявился, – совсем извелся Иван Иванович. – Пойдем, Виктор, может, чем по-

можем. – И мы отправились спасать товарища.

На лестнице, окруженные кучей полицейских, находились трое молодых людей, крепко сбитых, но слегка побитых. Двое из них сидели на ступеньках лестницы, не в силах встать, третий был, как говорят, в «ауте», он лежал, уткнувшись лицом в мраморный пол. Недалеко от них, понурив голову, стоял наш медик, офицер из команды. В руке его было что-то зажато. Около полковника появился человек невысокого роста и немного похожий на вьетнамца.

– Ваш товарищ мало-мало бил этот ребята, – заговорил пришедший переводчик. – Ему теперь полагается тюрьма. Его будут судить.

– Тихо-тихо. Давай сначала разберемся.

Вопросы задавал полицейский, он вежливо поинтересовался у побитых аборигенов, что произошло? После короткого разговора один из них встал и показал на сжатую руку лейтенанта.

– Чьи часы у тебя в руке? – спросил его Грохотов.

– Мои! Эти подонки спросили меня, сколько времени, по-испански. Я взглянул на часы и сказал. Эти швейцарские часы, видимо, понравились им. Трое сразу налетели, решили часы снять, сломали браслет. Вон тот, что лежит, схватил часы и побежал. Пришлось догнать его и забрать часы. Подбежали эти двое, разбили мне нос, пришлось отбиваться.

– Ты знаешь испанский язык?

– Да. Я – переводчик.

– Ах, да-да! Вот ведь пенек старый. Ты у нас универсал: и медик, и переводчик, и боец. Прости, что забыл. Все! Увольняюсь! Нельзя мне больше служить. Да, расскажи-ка этому полицейскому все то, что ты мне рассказал. Полицейский внимательно выслушал лейтенанта. Затем он подскочил к одному из побитых людей, громко кричал, размахивал руками и угрожал. Наконец, он повернулся к полковнику и сказал:

– Мы глубоко извиняемся за произвол и наглость этих людей, – полицейский указал на трех побитых аборигенов, которых уже приковали наручниками к своим рукам трое полицейских. – Они не раз уже грабили здесь людей, и вот сегодня ваш военный оказал нам неоценимую услугу, помог их задержать. Они будут жестоко наказаны.

Весь этот перевод делал медик Команды, бывший, конечно.

Полицейский что-то рывкнул на стоящего рядом с ним мордворота с разбитым лицом, тот моментально повернулся задом к полицейскому, подставляя карман с толстым бумажником. В бумажнике были деньги, много денег. Отделив половину из них, он протянул деньги лейтенанту, остальные спрятал у себя во внутреннем кармане униформы.

– Он говорит, что эти деньги – компенсация за моральный ущерб, – с улыбкой перевел богатый и счастливый лейтенант.

Полицейский отдал честь и собирался было уйти, но полковник Грохотов, что-то вспомнив, остановил его.

– Переводи, – приказал он лейтенанту. – По вашим законам оскорбление, равно, как избиение человека в униформе, а значит, находящегося при исполнении служебных обязанностей, называется очень серьезно. Может быть, составим протокол и оформим дело в суд? Благо, свидетелей много.

Такая рассудительность полковника, знание законов их страны, обескуражили полицейского, тот занервничал, вынул из кармана остатки денег и протянул их полковнику:

– Вы скоро улетаете. Дело затянется надолго, и потому я предлагаю взять эти деньги, они окупят оскорбление.

Полковник протянул деньги лейтенанту:

– Это всё твоё.

Сказать по правде, полковник Грохотов абсолютно не знал никаких законов этой страны, так же, как не знал их и полицейский. Но дело уладили, преступников увели полицейские, лишь лейтенант продолжал стоять у стенки на лестнице, держа в руках швейцарские часы и целую охапку денег. Офицеры обступили медика, разглядывая купюры.

– Решай, лейтенант, что с ними делать будешь? Там, в Союзе или в Германии, они будут не нужны, – скромно высказался полковник, глядя на лейтенанта.

– Я думаю, что ребятам надо купить что-то в дорогу, да и сейчас они мучаются от жажды. Кто пойдет покупать?

Моментально нашлись желающие все это выполнить, и вскоре, все офицеры были уже с пакетами, в которых было много чего: вода, фрукты, еда для дороги, яркие журналы и еще кое-что. После такой закупки, некоторые киоски вынуждены были закрыться из-за отсут-

ствия продуктов и воды для продажи. Фыркая, открывались бутылки с водой и пивом, жажда была изгнана.

Руслан почему-то задерживался. Мы с Иваном Ивановичем уже хотели бить тревогу, но он появился. Появился в последний момент перед посадкой, когда его коллеги, уже утолив жажду, обследовали все туалеты, имевшиеся в порту, внеся большую лепту в доходы этих богоугодных заведений. Руслан нес в руках несколько пакетов с этим же самым набором продуктов, что были у нас.

– Ничего не пойму, – подходя к нам, изумился Шакиров. – Человек, унижаясь, с трудом продает свои шикарные часики за какие-то гроши, стараясь напоить и накормить своих друзей, а оказывается, они тут уже шикуют. Хороши друзья. На меня-то хоть прихватили немого?

Иван Иванович рассмеялся:

– Вот уж, поистине, жадность не ограничена. Целую кучу сумок с едой тащит, а ему все мало.

– Был бы жадный, не сбыл бы по дешевке свои часы ради вас.

– Не обижайся, Руслан, в шутку все сказано, – желая мира среди друзей, сказал я. – Вот пакет, который взяли на тебя, а часы тебе новые купим, как деньги появятся.

Разделив пакеты на троих, мы направились с отлетающими в первом самолете офицерами к выходу из аэропорта. Следом летели прощальные слова, дружеские пожелания офицеров, остающихся в порту в ожидании своего самолета.

Полковник, увидев нашу троицу, поспешил подойти к нам и, пожав каждому руку, коротко сказал:

– Вы у меня были самыми лучшими!

Руслан вытащил из пакета деревянную маску индейца, которую купил для себя, заплатив за нее уйму денег, и подарил ее полковнику.

– Взгляните на эту рожу, вспомните наш экипаж, а мы почувствуем это и подумаем о вас. Прощайте, полковник.

Они обнялись, старый полковник, за-

канчивающий свою службу и молодой лейтенант, служба которого только начиналась.

На прощание, полковник вынул из внутреннего кармана конверт и протянул его Шакирову, предупредив:

– Во Франкфурте передай письмо начальнику распределительного пункта. Он – мой друг.

Во Франкфурте, где находился распределительный пункт, мы задержались ненадолго. Может, в письме полковника просьба какая была, а может, просто повезло нам, только служить мы попали в одну часть все трое.

Прошло несколько лет, лейтенанты стали старшими лейтенантами, и однажды во время отпуска я случайно увидел человека, очень похожего на рыжего лейтенанта Демина, сошедшего с ума и канувшего неизвестно куда в очень памятную ночь, среди океана. Этот человек тоже взглянул на меня и отвернулся, медленно и независимо удаляясь. Он очень заинтересовал меня, я догнал его, тронул за плечо, тот оглянулся. Бешенные деминские глаза с рыжими ресницами глянули на меня, из-под фуражки выбивались завитки рыжих волос. Но на погонах четыре звезды – капитан.

– Анатолий?! – воскликнул я.

– Извини, старший лейтенант. Ты ошибся.

– Прости... те, показалось.

– Ничего, военные все схожи.

Капитан глянул на часы:

– Вот, опаздываю! Извини, дружиче!

Капитан быстро пошел, а я стоял и упорно смотрел ему вслед, надеясь, что тот обернется, но этого не произошло. Я стоял долго на перроне, провожая поезд, до своего было еще достаточно времени. Из открытого окна спального вагона уходящего поезда показался рыжий капитан. Он помахал мне рукой и крикнул какую-то загадочную фразу:

– Старуха-то действительно ошиблась! Та, что из Болгарии!